

МОСКОВСКАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Кафедра нравственного богословия

Священник Димитрий Полохов

**НРАВСТВЕННО-ПАТРИОТИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ В ВООРУЖЕННЫХ СИЛАХ НА
ОСНОВАХ ПРАВОСЛАВНОЙ ХРИСТИАНСКОЙ ВЕРЫ**

Диссертация на соискание ученой степени кандидата богословия

Сергиев Посад Свято-Троицкая Сергиева Лавра 2000 год.

ВВЕДЕНИЕ

В настоящее время, когда активно развивается сотрудничество Русской Православной Церкви и Российских Вооруженных Сил возникает необходимость в развитии конкретных его форм и наполнении их конкретным содержанием в виде программ и лекционного материала. Одной из таких форм сотрудничества является нравственно-патриотическое воспитание, под которым следует понимать целый комплекс воспитательных мер по раскрытию и укреплению нравственных основ воинского служения и пробуждению патриотических чувств у современных российских военнослужащих. Отсутствие необходимого и достаточного воспитания в данной области в современных Российских Вооруженных Силах, по единодушному мнению офицеров-воспитателей и военных психологов, существенно осложняет морально-психологический климат в воинских коллективах и снижает уровень боеготовности.

Подобная форма сотрудничества невозможна без православного освещения таких вопросов как отношение Православной Церкви к войне и воинскому служению, к патриотизму и патриотическому воспитанию, зачем необходимо такое сотрудничество для современной российской армии и на чем основывается уверенность в его пользе, как должен выглядеть нравственный облик российского военнослужащего и на каких убеждениях должны основываться мотивы его служения Отечеству и, наконец, какими методами достичь желаемого результата в подобном воспитании воинов. С подобными вопросами обязательно сталкивается каждый православный пастырь, который осуществляет сотрудничество с воинскими частями. Данная работа есть попытка дать ответ на эти вопросы с рассмотрением возможных перспектив по нравственно-патриотическому воспитанию военнослужащих на основах христианской православной веры.

В современный период реформирования Российских Вооруженных Сил со стороны не только высоких воинских чинов, но и рядовых военнослужащих все более осознается необходимость использования авторитета Русской Православной Церкви для улучшения нравственных условий воинской службы, что должно привести к улучшению состояния боеготовности воинских подразделений. В современной ситуации, когда служба в армии воспринимается почти как наказание, из-за общего негативного облика воинской службы, и когда отсутствует необходимое патриотическое воспитание, в том числе и в воинской среде, ибо старая советская система воспитания военнослужащих изжила себя, а новой удачной замены ей не было найдено, в поисках новых идей и методов использование опыта Церкви является оправданным и перспективным. Это объясняется не только все увеличивающимся количеством православно верующих военнослужащих, но и очевидным успехом воспитательной миссии Русской Православной Церкви в старой Российской императорской армии, о чем свидетельствует история военного духовенства в ней. Поэтому при рассмотрении вопросов нравственно-патриотического воспитания на основах православной веры необходимо рассмотреть хотя бы вкратце историю русского военного духовенства. Это даст необходимый исторический материал по патриотическому воспитанию, явится свидетельством в пользу взаимодействия православного духовенства и армии и послужит ориентиром в дальнейшем развитии сотрудничества.

Командование воинских частей и офицеры-воспитатели сейчас довольно часто ищут помощи православного духовенства в разрешении возникающих в воинском воспитании и воинской жизни проблем. Это такие проблемы как: отсутствие желания исполнять свой воинский долг, самовольное оставление своей воинской части, неуставные взаимоотношения, пьянство, наркомания, случаи самоубийств, помощь в психологической реабилитации после участия военнослужащих в боевых действиях. По некоторым вопросам, например, по вопросу профилактики самоубийств уже на уровне Главного управления воспитательной работы Вооруженных Сил Российской Федерации даются прямые указания использовать опыт религиозных объединений, в первую очередь Русской Православной Церкви для решения этой проблемы.

На данном этапе сотрудничество православных священнослужителей в большинстве случаев носит несистематический, дискретный характер и предполагает участие священника в отдельных лекциях по актуальной на данный момент в воинской части проблеме, и посещение воинской части в дни праздников и воинских торжеств. Отсутствие конкретных и определенных программ по нравственно-патриотическому воспитанию и сложности с составлением лекционного материала по вопросам данного воспитания создают некоторые трудности на пути развития этого сотрудничества. Для большей эффективности воспитательного воздействия на военнослужащих в области нравственно-патриотического воспитания на основах православной веры необходимо

стремиться к внесению воспитательных мероприятий с участием православного духовенства в расписание занятий по общественно-государственной подготовке, отсутствие по которой элементов учебных курсов, по словам самих военнослужащих, является определенным стимулом для использования опыта Церкви в данной области. Подобное действие будет способствовать большей систематизации подобных занятий и при наличии определенной программы создаст условия не только для преодоления негативных явлений в воинской среде, но и для возрождения столь необходимых в воинском служении чувств патриотизма, ответственности в исполнении воинского долга, что благоприятно скажется на состоянии боеготовности войск.

Необходима переориентация воинского воспитания на традиционные основы для русского воинства, которые создавались под действием духовного богатства Православия. Так как эффективность воинского воспитания будет зависеть не только от количества посещений священнослужителями.

См. Методические рекомендации командирам *воинских* частей, подразделений, их заместителям по воспитательной работе по использованию помощи религиозных объединений в профилактике самоубийств. М., 1998, - 13 с. конкретной воинской части, но от той мотивировки необходимости приобретения требуемых воинских качеств и чувств патриотизма и любви к своему служению. Подобное возможно только при религиозной оправданности их, что невозможно в современных условиях без религиозного просвещения военнослужащих, которые относят себя к православным верующим. Автор данной работы на основании имеющегося у него более чем двух годичного опыта взаимодействия с воинскими частями Шиханского гарнизона войск Радиационной Химической и Бактериологической Защиты попытается систематизировать данный опыт и представить его в виде освещения вопросов возникающих при нравственно-патриотическом воспитании военнослужащих на основах православной христианской веры, о которых речь шла выше.

Первым и наиболее актуальным в этом ряду вопросов стоит вопрос об отношении Православной Церкви к войне и воинскому служению, без освещения которого невозможно вести речь о каком-либо сотрудничестве. Поэтому при ответе на него необходимо показать непротиворечивость воинской службы христианским представлениям о нравственности и обосновать дозволенность воинам-христианам принимать участие в войне.

Другой вопрос, о котором говорилось выше - это вопрос о патриотизме и патриотическом воспитании. Необходимость ответа на него с точки зрения христианского вероучения очевидна, ибо такая форма сотрудничества Церкви и армии как нравственно-патриотическое воспитание уже должна включать в себя нравственное обоснование необходимости подобного чувства для военнослужащего.

Следующим этапом в данной работе, по мнению автора, должно стать историческое обоснование необходимости участия православного духовенства в воспитательном процессе, что невозможно без изложения краткой истории военного духовенства, принципов его организации, примеров работы и подвигов в старой Русской армии.

Савинкин А. Духовное возрождение - центральная задача военной реформы // Российский военный сборник. Вып. 13. Душа армии. М., 1997. С.588.

Одним из важных моментов в данной работе должно явиться изложение этических принципов воинского служения, как они представляются с точки зрения православного нравственного богословия. При изложении данного вопроса необходимо ориентироваться на уже сложившиеся принципы и традиции воинского служения в Русской армии, обосновывая необходимость приобретения этих этических норм военнослужащим нравственно-религиозными мотивами, что даст существенный стимул к заинтересованности в их приобретении.

Необходимым условием при рассмотрении вопросов нравственно-патриотического воспитания военнослужащих на основах христианской православной веры должно явиться изложение имеющегося практического опыта в данной области с критической оценкой его и указанием возможных перспектив для его развития в виде возможной программы по данному воспитанию в рамках системы по общественно-государственной подготовке.

ОТНОШЕНИЕ ЦЕРКВИ К ВОЙНЕ И ВОИНСКОМУ СЛУЖЕНИЮ

Воин, защищающий свое Отечество, должен знать, зачем он берет в и оружие и когда и как он может его применять. Обоснованием для применения оружия должно быть не только требования воинского устава, но еще и нравственная оправданность его использования. Особенно это относится к воинам, которые считают себя православными христианами. Это - служит не только укреплению воинской дисциплины, ответственности воинов, но и придаст армейской службе характер высоконравственного служения.

О том, что это необходимо, свидетельствуют не только статистические данные, но и личные беседы с военнослужащими, прошедшими, как сейчас принято называть, "горячие точки". Наиболее часто используемый аргумент, оправдывающий применение оружия, звучит примерно так: "В меня стреляли - я отвечал".¹

Современный мир ставит перед воином множество проблем, которые могут поколебать его и без того нетвердое решение пойти служить в армию. К числу таких проблем следует отнести распространение в обществе Гедонистических воззрений, определенная популярность идей непротивления злу силой и пацифизма. Эти явления в жизни общества свидетельствует о потере истинного христианского, а, следовательно, и человеколюбивого отношения к вопросам связанным с воинской службой, войной и применением оружия.

Поэтому для воина-христианина важно руководствоваться в своем служении не только признанием необходимости для государства иметь институты силового воздействия, но и сознанием той высоты исполнения воинского долга, которую всегда видела Церковь в людях, защищающих родную землю с оружием в руках.

1.1. Проблема зла и ее разрешение в православном вероучении.

Прежде чем рассматривать отношение Православной Церкви к войне и воинскому служению необходимо выяснить учение Церкви по вопросу Возникновения зла в мире, причинах его существования и борьбы с ним. Это будет являться необходимой предпосылкой для нашего рассуждения о способах борьбы со злом, и в применении к нашей теме, возможности ведения войны, а, следовательно, и необходимости воинской службы для верующих во Христа.

Вопрос о происхождении зла в мире не может быть разрешен без взаимосвязи и в отрыве от самого начала человеческой истории, точкой отсчета для которой стало грехопадение прародителей. Христианство видит именно в грехе источник зла, из которого вытекают уже такие последствия как насилия и войны, которым и должен противостоять человек, проходящий воинскую службу. Церковь Христова в своем вероучении говорит о том, что зло берет свое начало в мире ангельском и появляется через проявление свободной воли части созданных добрыми по природе ангельских сил. Преподобный Иоанн Дамаскин говорит, что диавол именно по "самовластному произволению изменился из того, что - согласно с природою, в то, что - против природы, и, возгордившись против сотворившего его Бога, восхотел воспротивиться Ему; и первый, отпав от блага, очутился во зле".²

Зло, таким образом, по христианскому вероучению, это не некая изначальная сущность, имеющая самостоятельное бытие, а лишь отпадение от добра. Причина и источник зла - воля личных, свободных и разумных существ. Поэтому, по словам преподобного Максима Исповедника, - "зло созерцается не в естестве созданий, но в погрешительном и неразумном их движении".³

Движение воли в сторону от Источника бытия и Абсолютного блага - Бога, приводит к тому, что носитель данной воли вступает в область не-бытия, где отсутствует добро и существует лишь видимость жизни. Зло, таким образом, можно охарактеризовать как небытие. Но зло, не имея сущности, становится активным разрушительным началом и обретает себя в своих носителях - падших духах, т.е. зло является категорией не онтологического, а феноменологического порядка, и есть ущербное, неполноценное состояние твари.⁴

По отношению к человеку зло начинает проявляться с момента грехопадения прародителей, на основании чего православное богословие выводит концепцию «первородного греха». Это, по определению протоиерея Ливерия Воронова, - "наследуемое через физическое рождение греховное

состояние человеческой природы, которое проявляет себя как всеобщая склонность людей к греховным поступкам".⁵ Это повреждение в самой природе человека, главным образом в его воле, приводит к возможности искушения, чем активно пользуются злые существа - диавол и его «воинство», стремящиеся отвратить от Бога род человеческий и подчинить его законам небытия. Поэтому, по выражению В.Н. Лосского, слова в МОЛИТЕС «Отче наш» "избави нас от лукавого" есть прошение не об избавлении от вообще всякого зла, а именно от конкретного носителя зла.⁶ Отсюда следует признать необходимость постоянной борьбы со склонностью ко греху, чтобы человек смог бы противостоять соблазнам.

Окончательная победа над злом и разрешение вопроса о продолжительности его проявлений в тварном мире, христианство видит в учении о Страшном суде и о всеобщем Воскресении. Именно последнее и окончательное преобразование или обожение человеческой природы во всеобщем Воскресении устраняет саму возможность для существования зла. Поэтому этот мир, преисполненный бедствиями, войнами и несправедливостью есть область реализации человеческой свободы, где божественная благодать ведет принимающих ее по пути обожения. Нравственная природа человека не сможет, однако, мириться с существующей в мире несправедливостью и видимым торжеством зла, поэтому проблема сопротивления злу никогда не потеряет свою остроту.

1.2. О сопротивлении злу силой. Взгляд на эту проблему Священного Писания.

Священное Писание говорит нам о том, что "весь мир лежит во зле" (1 Ин. 5,19). Зло, начинаясь в душевной склонности человека, из области духовно-нравственных отношений переходит и реализуется во всех других сферах человеческого бытия. Это проявляется в борьбе и соперничестве, как отдельных людей, так и целых народов, государств. Причина такой борьбы видится Христианской Церковью в разной направленности путей самоопределения человеческих личностей по отношению к Богу как источнику блага. Враждебность между христианскими и греховными человеческими чувствами лежит именно в разном отношении людей к объекту блага. Для одних - это Бог, любовь к которому невозможна без любви к ближнему, а для других - это сам человек, его страсти, греховные наклонности, т.е. его «я» как объект самопоклонения, что приводит к человекобожеству. При такой нравственной ориентации весь окружающий мир представляется лишь средством для удовлетворения своего, субъективно понимаемого блага, что однозначно приводит к отчуждению от истинного блага - Бога. Подобная ошибка в духовном самоопределении личности приводит к пленению ее свободы, т.е. к ущербному состоянию, которое определяется как зло, - грех, поэтому неизбежно столкновение, вражда приверженцев греховной жизни по отношению ко всем, живущим по заповедям Христовым.

Апостол Иоанн Богослов очень четко проводит границу между первыми - приверженцами лежащего во зле мира, и вторыми - учениками Христовыми: "Дети Божий и дети диавола узнаются так: всякий, не делающий правды, не есть от Бога, равно и не любящий брата своего" (1 Ин. 3,10). По повествованию Н.И. Сагарды, здесь Апостол указывает на ту принципиальную 8-гивоположность направленности любви у детей Божиих ко благо ближнего, и у детей диавола - к самому себе, что порождает ненависть к ближнему и в конечном итоге разрешается насильственным принесением в жертву себе его жизни. "Праведные дела служат для злого постоянным укором и напоминанием о богоустановленной норме праведной жизни и потерянном им блаженстве; отсюда развивается ненависть к носителям нравственности и враждебность даже в отношении к Богу".⁷ Вследствие этого неправедность мира и его чад выливается во вражду и ненависть ко всему святому. В этом и выражается борьба зла с добром в области человеческих отношений.

⁴Платон (Игумен), архим. Православное нравственное богословие. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1994. С.30.

⁵Воронов Л., прот. Догматическое богословие. М.: Хроника, 1994. С.30.

⁶Лосский В.Н. Догматическое богословие: Очерк мистического богословия Восточной Церкви. М, 1991.С.250.

⁷Цит. по: Сидоров А.И. Древнехристианский аскетизм и зарождение монашества. М. ...томник, 1998. С. 47.

Христианство, понимая внутренние, духовные причины проявления и, как никакая другая религия, настаивает на необходимости борьбы со злом. Множество мест в Священном Писании призывает нас отложить всякий "остаток злобы" (Иак. 1,21), "не воздавать злом за зло" (1 Пет. 3,9), а побеждать "злом добром" (Рим. 12, 21). Поэтому для того, чтобы противостоять тому всеобщему закону греховности в человеческой природе, которую мы получили от согрешившего Адама, когда

"доброе, которого хочу, не делаю, а злое, которого не хочу, делаю" (Рим. 7, 19), необходимо вступить на путь «духовной брани». Апостол Павел говорит о ней как о брани "не против крови и плоти, но против начальств, против властей, против мироправителей тьмы века сего, против духов злобы поднебесных" (Еф. 6,12).

Но если в области духовной христианство провозглашает непримиримую борьбу со злом, то вопрос о переносе этой борьбы в область видимого мира и человеческих отношений является одним из самых сложных для нравственного богословия.

Если обратиться к Священному Писанию Ветхого Завета, то здесь мы найдем, что евреи, этот богоизбранный народ, вел постоянные войны с окружавшими его языческими народами. И это, несмотря на то, что Шестая заповедь Синайского законодательства прямо заповедует: «Не убивай» (Исх. 20,13; ср. Вт. 5,17). На самом деле никакого противоречия здесь нет, потому что все десять заповедей, полученные Моисеем на горе Синай, относились только к еврейскому народу, и Шестая заповедь запрещает убивать единоплеменника. По отношению же к языческим народам. Сам Господь повелевает вести против них войны (Вт. 7,16), что с успехом выполнял такой ветхозаветный праведник как Иисус Навин (И. Нав. 10; 41-42.).

В Ветхом Завете мы находим множество указаний на то, что необходимо учиться войне (См. Суд. 3, 2), как выходить на войну (См., напр., Числ. 10, 9), что необходимо делать после войны (См., напр., Числ. 3,19, Вт. 31, 19). Война была необходимостью для евреев, так как окружавшие их языческие народы вели постоянные войны со своими соседями, и, более того, возможность мирного сосуществования с исповедующими идолопоклонство и развращенными до крайней степени народами представляло для иудеев большую опасность. Поэтому такие войны называются в Священном Писании войнами Господа (См., напр., 1 Цар. 17,47; 2 Пар. 20,15), так как они представляли собой намного меньшее нравственное зло, чем соращение в идолопоклонство. Отсюда, на иудея, нарушившего заповедь о почитании единого Бога, уже не распространялось действие Шестой заповеди, а прямо предписывалась смерть (См. Числ. 25,5; Вт. 13,9).

Но сами древние иудеи не идеализировали войну ради войны, и само ведение войны ими разительно отличалось от войн языческих племен.⁸

⁸Гальбиати Э. ПьяццаА. Трудные страницы Библии.(Ветхий Завет).М., 1995 С.262.

Война в Ветхом Завете воспринималась как зло и бедствие, часто как прямое следствие греха. При этом следует заметить, что ожидание от людей Ветхого Завета нравственного уровня, подобного евангельскому, было бы несправедливо.

В Новом Завете, по словам митрополита Антония (Храповицкого), нет разрешения прибегать к насилию в борьбе со злом, хотя нет и воспрещения.⁹ Поэтому, как писал протопресвитер Георгий Шавельский, - "вопрос о войне, об отношении к ней служителей Церкви принадлежит к числу наиболее трудных и спорных вопросов нашего богословия".¹⁰

Сам Христос, проповедуя Свое Евангелие, дает заповедь о любви к врагам (Мф. 5; 44; Лк. 6,27). Но, чтобы донести до слушателей истинный смысл Своего учения, иногда говорит о войсках (См., напр., Мф. 22,7), принесенном Им мече (Мф. 10,34), о том, что "все, взявшие меч, мечом погибнут" (Мф. 26,52). Спаситель, раскрывая Своим ученикам будущие судьбы мира, говорит о неизбежных войнах (Мф. 24,6; Мк. 13, 7; Лк. 21,9); спрашиваемый на суде у Пилата, отвечает, что "если бы от мира сего было Царство Мое, то служители Мои подвизались за Меня" (Ин. 18,36). Из этого не следует, что Основатель Новозаветной религии проповедовал право и обязанность войны для Своих последователей. Наоборот, Евангелие исключает всякую силу, утверждает, как добродетель смирение, терпение обид, отречение от собственного права ради блага ближнего, поэтому и называется Евангелием мира. Спаситель однозначно запрещает Апостолу Петру применить силу против пришедших в Гефсиманию римских воинов и слуг архиерейских (Мф. 26,52), не принимая физическое насилие как средство защиты своей личности.

Но Сам Христос никогда не отрицал явлений и форм внешней, земной жизни человеческого общества. Спаситель на вопрос фарисеев, следует ли платить налоги римскому императору, ответил: "Отдавайте кесарево кесарю" (Мф. 22,21; Лк. 20,25).

⁹Антоний (Храповицкий), митр. Собрание сочинений в 3-х т. — Казань, 1900. - Т. 3: Статьи философские и критические. Ч. 1. С. 217.

В этом ответе нет прямого разрешения на применение физического насилия для христианина, но само государство в своем существовании не может не опираться на средства принуждения, а часть налогов обязательно отчисляется на содержание армии в том числе. Тем более что

обязанность военной службы для римского гражданина никогда не отменялась, лишь со временем служба в войсках стала рассматриваться как налог, лежащий на земельном имуществе, и государство допускало замену рекрута определенной денежной суммой.¹¹ Поэтому, хотя и не прямо, но косвенно разрешается участие христианина в делах государства, в том числе и в его насильственной политике. А так как ведение войны и самозащита в царствах мира сего есть дело естественное, то нет и прямого запрещения употреблять христианину меч в земной жизни.

Поэтому в Евангелии мы нигде не встретим осуждение воинской службы. Еще до выхода Господа Иисуса Христа на общественное служение, Великий пророк. Предтеча и Креститель Его Иоанн советовал приходящим к нему воинам не бросать службу, а быть честными при исполнении своих обязанностей: "Никого не обижайте, не клеветайте, и довольствуйтесь своим жалованием" (Лк. 3,14). Когда же к Самому Спасителю подошел Капернаумский сотник. Он не призвал его оставить воинскую службу как дело не богоугодное, но исполнил его просьбу об исцелении слуги и даже ставит его в пример иудеям (Мф. 8,5-13; Лк. 7,1-10).

В книге Деяний Апостольских повествуется о другом сотнике, офицере, италийского полка Корнилие (Деян. гл. 10), который, по явлении к нему; Ангела, просил Апостола Петра прийти к нему для научения в вере Христовой. Сам Петр отправляется в Кесарию Палестинскую в дом сотника после особого Божественного видения, и стал свидетелем получения всеми слушающими даров Святого Духа, после чего крестил их всех. Если бы Апостол был уверен в несовместимости воинской службы с христианской верой, то в своей речи он обязательно бы об этом упомянул, но ничего подобного не произошло.

¹⁰Шавельский Г., *протопр.* Православное пастырство. СПб., 1996. С. 484.

¹¹Кулаковский Ю.А. История Византии. СПб., 1996. Т. 1. С.64.

О том, что воинское служение не осуждается Иисусом Христом и Святыми Апостолами, можно заключить из широкого употребления в Священном Писании воинских образов борьбы и победы,¹² перечисления воинских доспехов и оружия как пример для лучшего понимания сути евангельского учения (См., напр. Рим. 13,12; 1 Кор. 9,7; 2 Кор. 6,7; 10, 3-6; Еф. 6.2, 4). Хотя, подобные выражения в Новозаветных текстах следует понимать в духовном, переносном смысле, но из этого нельзя и заключить об однозначном запрете ведения войны и несения воинской службы христианам.

По словам протоиерея Иоанна Мейендорфа, "четкого учения по поводу службы в армии в Новом Завете мы не находим",¹³ однако общепризнанное Апостольское правило - "каждый оставайся в том звании, в котором призван" (1 Кор. 7,20), давало возможность находиться в римских войсках и солдатам-христианам.¹⁴ Конечно, это лишь частично дает ответ на вопрос о возможности для христианина вести борьбу со злом в мире чувственном, материальным, но допустимость такой борьбы следует из общего смысла слов Спасителя и Апостолов (См., напр., 1 Пет. 2,13-17; Рим. 13,1-8.), что подтверждается практическим отношением к этой проблеме христиан в послеапостольские века. Это можно объяснить еще и тем, что, по мнению В. Никольского, Господь и Его Апостолы, имея возможность высказываться о войне и воинской службе, не делали это, из-за того, что считали ветхозаветное учение о войне "вполне удовлетворяющим и христианскую совесть".

¹²Гончаров Н. Воинское звание перед судом Слова Божия и разума' святой Православной Церкви //Вестник военного и морского духовенства (ВВД). 1914. № 19 С.665.

¹³Мейендорф И., *прот.* Введение в святоотеческое богословие. Вильнюс, 1992. С.59.,

¹³ПосновМ. Э. История Христианской Церкви. Брюссель, 1994. С.83.

¹⁴Никольский В. Христианство, патриотизм и война // Православный собеседник. Казань, 1904. Т. 2; Ч. 2. С. 157.

1.3. Отношение христиан первых веков к воинской службе.

Необходимость рассмотрения отношения христиан первых трех веков к войне и воинской службе объясняется близостью этого временного периода к веку Апостольскому и тем, что в это время Церковь Христова находилась в положении гонимой, т.е. ещё не было никакой внешней необходимости идти на компромисс с государством в отношении воинской службы.

Как можно заметить из творений христианских писателей этого времени все они придерживались тех же мыслей по данной проблеме, которые содержатся в Священных Новозаветных текстах. Так же активно используется военная терминология того времени для лучшего усвоения христианского вероучения. Например, святой Климент Римский рассматривает

христиан как воинов Бога, а дисциплину войсках и воинские звания как образец для христианских общин.¹⁶

Военные аналогии мы находим у святого Игнатия Богоносца, мученика Иустина Философа, у Климента Александрийского, Оригена Тертуллиана и священномученика Киприана Карфагенского.¹⁷ Все эти образы, по мнению А. Карашова, можно свести к четырем пунктам:

- 1) Все христиане - воины Христа.
- 2) Иисус Христос есть полководец.
- 3) Крещение - это таинство и присяга знамени.
- 4) Церковь - это военный лагерь Бога. Однако эти образы никогда не воплощались в реальной действительности в христианских общинах.

С конца второго века наблюдается упадок эсхатологических чаяний христиан, поэтому необходимо было определить для Церкви степень участия ее членов в государственной жизни, в том числе и в военной службе. О том, что христиане служили в римских войсках, приняв веру уже находясь на службе, известно уже из Нового Завета (Деян. Гл. 10), а то, что сами не шли добровольно служить* в римские легионы свидетельствует известный историк христианства Цельс.

¹⁶Св. Климент Римский. Первое Послание к Коринфянам // Писания Мужей Апостольских/Пер, прот. П. Преображенского. Рига, 1994. С. 135.

¹⁷Карашев А. Отношение христиан первых трех веков (до Константина В.) к военной службе. Рязань, 1914. С. 18-25.

¹⁸Там же. С.25-26.

Противниками военной службы во втором веке были апологеты Татиан Ассиец²¹ и Афиногор, но у последнего речь идет, скорее всего, о непозволительности присутствия даже в качестве зрителей на гладиаторских боях.²² В третьем веке активно выступал против службы в армии Карфагенский пресвитер Тертуллиан, одно из самых резких сочинений которого по данному вопросу носит название «О венке воина». По мнению этого христианского писателя, служба в римской армии и участие в войне противоречит самому учению Христа: "Не подобает служить знаку Христа и знаку диавола, крепости света и крепости тьмы; не может одна душа служить двум господам... да и как воевать без меча, который отнял Сам Господь?"

Другим, как предполагают, противником войны и воинской службы был знаменитый учитель Александрийской богословской школы Ориген (+254 г.). В ответ на обвинения Цельса, что христиане не сражаются за императора он отвечает, что христиане оказывают помощь императору своим духовным оружием - молитвой.²⁴ Западные писатели - Киприан Аагенский (+ 258 г.) и Лактации (+ 325 г.), также выступают очень резко против войны и воинской службы.

* Со времен полководца Мария (105 г. до Н.Э.) в римскую армию в качестве добровольца мог вступить каждый гражданин. (Военная реформа // Словарь античности. Пер. с нем. - 1: ЭллисЛак; Прогресс, 1993. С.108). Карашев А. Указ. соч. С.29.См., напр.

¹⁹Тертуллиан. Апология // Антология: Отцы и учителя Церкви Ш з. М. 1996. Т.1.С.358.

Высший между вами по достоинству собирает войско человекоубийц и хвалиться тем, что питает разбойников". (Татиан Ассиец. Речь против эллинов // Ранние отцы Церкви. Антология. Брюссель, 1988. С. 391).

Но мы, думая, что смотреть на убийство почти то же, что совершать оное, отказываемся от таких зрелищ".(Афинангор. Прощение о христианах // Ранние отцы Церкви. С. 448.)

Цит. по: ТаубеМ.А. Христианство и международный мир. М., 1905. С.42. Цит. в. Карашев А. Указ. соч. С.39.

Священномученик Киприан в письме к Донату «О благодати Божией» писал: "Вселенная обагрена кровью человеческой; убийство, почитаемое вступлением, когда совершается частными людьми, слывет добродетелью когда совершается открыто; злодейства освобождаются от казней не по тону невинности, но по великости бесчеловечия".²⁵ У христианского писателя Лактации мы встретим такие слова: "Не позволено доброму человеку участвовать в войне, потому что он не должен знать другой войны кроме той, которую добродетель его производит с пороком... Заповедь Божия не терпит никакого исключения". Другие христианские писатели доконстантиновского периода в большинстве случаев не рассматривали специально вопроса о войне и военной службе. Среди тех, кто не осуждает христиан, состоящих в войске, находится Климент Александрийский (+ ок. 215 г.). В сочинении «Педагог» он, говоря о большом развитии в обществе и среди христиан роскоши, пишет:

"Даже солдаты ныне желают уже золотые украшения носить".²⁷ В другом своем сочинении - «Увещание к эллинам», он даже дает наставления солдату-христианину, призывая его слушаться полководца, "который справедливость объявляет лозунгом".²⁸

Молчание других церковных писателей можно воспринимать как тот факт, что они признавали военную службу совместимой с христианской верой, иначе обязательно упомянули об этом, если считали бы по-другому. Следует сказать, что солдатам-христианам делались определенные послабления: дозволялось исполнять требования воинской дисциплины как нечто внешнее, но чтобы это не приводило к отречению от Христа и к участию в языческих жертвоприношениях.²⁹

Св. Киприан Карфагенский. К Донату о благодати Божией // Отцы и учителя Церкви IV в.: Антология. 1.2. С. 350. Лактаций. Творения: В 2-х ч. СПб., 1848. -Ч, 2: Божественные наставления. С.67.

Климент Ахесандрийский. Педагог / Пер. с греч. Н. Н. Корсунского и свящ. Г. Чистякова. - М., 1996. С.209.

Климент Александрийский. «Кто из богатых спасется?». Увещание к эллинам / Пер. с греч. Н. Корсунского. Ярославль, 1888. С. 156.

К такому же выводу можно прийти, если внимательно рассмотреть суждения и тех христианских писателей, которые высказывались против военной службы. Сам Тертуллиан косвенно свидетельствует, что христиане говорили в войсках, что некоторые поступали на военную службу уже, будучи христианами, да и само сочинение «О венке воина» написано было им, когда он порвал с Церковью, уйдя в монтанизм.³¹ Выражение Оригена о том, христиане сражаются за императора лишь молитвами, можно рассматривать лишь как искусный прием апологета, но не как безусловное отрицание всякой войны, так как в другом месте Ориген говорит о воинской профессии с уважением. Смущение же у Оригена вызывает не военная служба, и не война как цель этой службы, а нравственная обстановка тогдашней службы под знаменами римского императора.³¹

Священномученик Киприан Карфагенский в одном из своих писем к клиру и народу «О посвящении в чтецы Целерина», очень уважительно отбывается о воинах-христианах: "Некогда по званию мирские воины, но истинные и духовные воины Божий" Подобные выражения мы найдем и у Лактация, который в своем сочинении «О смерти гонителей» похвально отзывается о военачальниках-христианах, которые вынуждены были присутствовать при языческих жертвоприношениях, но не позволяли им совершаться, отгоняя демонов крестным знаменем, отчего церемонии были срываемы.³⁵

Если же обратиться к церковным канонам, то и здесь мы не найдем однозначного осуждения войны и военной службы. Литургико-канонические памятники V века, притом далеко не авторитетные: «Завещание Иисуса Христа» и «Правила Ипполита», основывающиеся на произведении святого Ипполита Римского «Апостольское предание»³⁶ стоят на позициях, близких к взглядам Тертуллиана: запрещают занимать христианам высшие офицерские должности, принимать присягу, участвовать в убийстве человека. Но в то же время 13-й канон Ипполита уже говорит только о запрете носить на голове воинский венец, воздерживаться от злых речей и ничего не говорить об убийстве на войне, т.е. не считает это препятствием для принятия в Церковь.³⁸

Карашев А. Указ. соч. С.36-37. Тертуллиан. Апология // Отцы и учителя Церкви III в.: Антология Т.1. С. 367. Столяров А. Тертуллиан. Эпоха. Жизнь. Учение//Тертуллиан. Избранные сочинения. ^., 1994. С. 19. ^Карашев А. Указ. соч. С.40. Никольский В. Христианство, патриотизм, война. Казань, 1904. С. 76. Урашев А. Указ. соч. С. 54. 'актаций. Указ. соч. С. 166.

В 14-ом каноне уже встречается разрешение нести воинскую службу для христианина, если он будет взят рекрутом, т.е. не добровольно. В этом случае христианин может носить меч, но должен остерегаться проливать кровь, иначе он может быть лишен причастия до полного раскаяния.³

Среди других канонов необходимо выделить еще два. Первый - это 3-й канон Западного Поместного собора в г. Арле (314 г.), который, как полагает М.А. Таубе, выражает запрещение на службу в армии.⁴ На самом деле в данном правиле мы наоборот найдем одобрение воинской службы, а осуждается в нем дезертирство из армии: "Тех, кто бросает оружие в мирное время, решено не допускать к причастию".⁴¹ Второй канон, хотя, и не относится к рассматриваемому периоду, но также используется противниками военной службы для христиан как авторитетный аргумент.⁴² Это 12-е каноническое правило Первого Вселенского Собора: "Благодатию призванные к исповеданию веры, и первый порыв ревности явившие, и отложившие воинские поясы, но потом аки псы, на свою блевотину возвратившиеся, так что некоторые и серебро употребляли, и посредством даров достигли восстановления в воинский чин: таковые десять лет да припадают в церкви, прося прощения, по трилетнем времени слушания писаний в притворе... Но в этом каноне

речь идет о событиях во время гонения Ликийя (319-322 гг.), когда некоторые воины-христиане, чтобы не пострадать во время гонений, оставили военную службу, но затем уже добровольно добивались восстановления на ней при помощи денег и подкупов, заявляя при этом, что они называются от христианства.⁴⁴

См. *Св. Ипполит Римский. Творения // Отцы и учителя Церкви III в.: Антология. Т.2. С.210. Карашев А. Указ. соч. С.45-46. Там же. С.47. Там же. Таубе М.А. Указ. соч. С.43.м. Флору Ж. Идеология меча. Предыстория рыцарства. СПб., 1999. С.37. ТаубеЦА. Там же.*

Поэтому и данный канон не отвергает положительности для христиан военной службы. Если же рассматривать фактическое положение дел, то по соиздетельствам древней христианской письменности, в частности, в мученических актах, есть много фактов, свидетельствующих в пользу мнения о допустимости воинской службы для христиан. Сам представитель ригористического направления Тертуллиан подтверждает, что христиане служили в римских войсках не в малом количестве, при этом на военную службу в большинстве случаев шли добровольно".⁴³ Тертуллиан приводит именно как положительный пример известное предание о Мелитинском легионе.⁴⁶ Более подробно о нем пишет Евсевий Кесарийский, рассказывая о чуде, произошедшем по молитве воинов-христиан, когда войско императора Марка Аврелия находилось в крайнем затруднении из-за жажды во время похода против германцев и сарматов. Во время молитвы молния обратила в бегство и истребила множество врагов, а дождь оживил силы воинов.⁴⁷ Конечно, можно сомневаться в некоторых подробностях изложения и интерпретации этого события, как делали это некоторые историки,⁴⁸ но сам факт распространенности этого предания и одобрения его со стороны христианских писателей, а не возмущения, что логически следовало бы ожидать, говорит в пользу воинов-христиан. Из эпохи Диоклетиана дошло другое подобное предание о Фиваидском легионе, который тоже состоял из одних христиан. По некоторым свидетельствам, количество христиан в римских легионах соответствовало примерно общей пропорции христиан к языческому населению.

Цит. по: *Никодим (Милаги), еп. Правила Православной Церкви с толкованиями. Т. 1. 44'т, там же. С.220. Цит. по: Карашев А. Указ. соч. С.52. См. Тертуллиан. Апология. С.325. у Евсевий Памфил, еп. Церковная история. М.: Изд. Спасо-Преображенского ... апаамского монастыря, 1993. С.171-172. IjHsnp., Болотов В.В. Лекции по истории Древней Церкви. М., 1994. Т.2. С.81-82. 22.*

Христиане первых веков служили в римских войсках, а случаи отказа мотивировались не противоречием воинской службы вообще христианской, а требованием нарушить верность Христу, что выражалось в принесение, например, жертв перед статуей императора, или в других действиях, данных с участием в языческом культе. Поэтому ссылки на «Жития святых» у противников воинской службы при подробном рассмотрении не подтверждает их мнения.³¹ Исключением можно считать единственный случай отказа от военной службы святым мучеником Максимилианом, когда он прямо утверждает, что служба в римской армии есть зло.³² Но подобный от-13 может быть объяснен не только ригористическими взглядами святого мученика, но и тем, что он ясно видел предстоящие опасности для своей веры, связанными с языческим характером лагерной жизни, где в любой момент от солдата могли потребовать принести жертву языческим богам. Кроме этого, в подобном отказе прослеживается неприятие и отрицание христианской совестью самого характера войн Римской империи, которые велись с бессмысленной жестокостью.³ Солдатское звание для христианина было более тяжелым испытанием в области веры и нравственности, но не намного тяжелее чем, например, положение в звании раба, языческого супружества и т.д.

Поэтому можно согласиться с общими выводами Александра Карашева о том, что хотя война и военная служба и не считалась церковной обязанностью для христиан первых трех веков, но и нет безусловного запрета на нее.³⁴

См. *Карашев А. Указ. соч. С.61-63. Там же. См., напр., Таубе М. А. Указ. соч. С.46. Я- См. Болотов В. В. Указ. соч. Т.2. С.138-139. См. Карашев А. Указ. соч. С.42.*

1.4. Взгляд Церкви на войну и воинскую службу в последующие века.

С IV века, с момента принятия Миланского эдикта (313 г.), государство постепенно меняет свое отношение к христианству и в 381 году эдикт Феодосия Великого объявляет христианство в никейском исповедании государственной религией. В свою очередь Церковь перестает видеть в лице империи своего гонителя и вступает на путь союза с государством. В этом союзе Церковь как высшая духовная организация выполняла свое предназначение как целительница душ человеческих, а государство предстает как мирская, сдерживающая зло сила. При этом каждая из этих организаций реализует сообразно со своей природой одну общую цель: умножение добра и ограничение зла.³⁶ Это не было компромиссом, изменением своего мнения, «делкой с совестью», как считают некоторые авторы,³⁷ и после появления в 416 году эдикта Феодосия о том, чтобы в войска не допускали не христиан, Церкви не понадобилось пересматривать свои взгляды относительно воинской службы. Церковь Христова вместо внешней необходимости признания государственной власти начинает осознавать и ответственность за судьбу уже христианской империи. Начинается более углубленное исследование вопроса о возможности применения силы в борьбе со злом, как в материальном мире, так и в частности, о позволительности ведения войны и службы в армии для верующих. В новом хронологическом периоде истории Церкви мы найдем значительно большее количество высказываний по интересующему вопросу.

См. Там же. С.91. Кулаковский Ю.А. Указ. соч. С. 106-107. См. Шавельский Г., *протопр.* Указ. соч. С.491-492.

Среди них можно выделить лишь как исключение отрицательные мнения о войне у некоторых епископов. Это, например, блаженный Павлин, епископ Нольский (+431 г.), который "считал возможным грозить гиеной огненной за службу кесарю с оружием в руках."³ Среди восточных епископов нет таких резких оценок, а есть лишь неодобрение и признание точности убийства даже на справедливой войне, как, например, у Немесия Эмесского (V в.).

Другим авторитетным противником войны и воинской службы пытавшегося представить святителя Василия Великого, особенно его 8-е и 13-е канонические правила, в которых говорится о вольном и невольном убийстве и об убийстве на войне. В своем 8-ом правиле он приравнивает убийство на войне к вольному убийству, но уже "в 13-ом правиле, смягчает свое строгое Суждение о воинах, убивающих врагов на войне".⁶⁰ Само 13-е правило звучит так: "Убиение на брани, отцы наши не вменяли за убийство, извиняя, как мнится мне, поборников целомудрия и благочестия. Но, может быть, добро было бы советовать, чтобы они, как имеющие нечистые руки, три года держались от приобщения токмо святых тайн".⁶¹ Василий Великий оправдывает такое свое мнение примерами из Ветхого Завета (Числ. 31:17-24), и (целью данного правила является облегчение душ воинов от тяжести пролития человеческой крови. Другими словами, святитель, как и Немесий Эмесский, считает порочным убийство на войне, но в то же время, и неизбежным условиях лежащего во зле мира. Однако, ни у Немесия, ни у святителя Василия нет осуждения воинской службы и запрета на ведение войны. Данное;

Правило лишь выражает пастырскую заботу о душах воинов, и по замечанию толкователей канонов Зонары и Вальсамона, "этот совет как будто не исполнялся".⁶² Сам же святитель Василий в своем «Письме к воину» ищет о воинской службе с большим уважением и не считает ее препятствием для благочестивой жизни; "Я узнал в тебе человека, доказывающего собою, что и в военной жизни можно сохранить совершенство любви к Богу, и что христианин должен отличаться не покровом платья, но душевным расположением".⁶³

См. Таубе М.А. Указ. соч. С.48; Комаровский Л. Идея мира и Церковь // Вера и Церковь. М, 1899. Кн.1. С.444. ^Цит. по: Таубе М.А. Указ. соч. С.46. Немесий Эмесский. О природе человека. М., 1996. С. 198-199. Никодим (Милаш), еп. Указ. соч. Т.2. С.386. Там же. С. 394.

Наиболее конкретным и авторитетным по отношению к данной проблеме является другое каноническое правило, которое содержится в Послании святителя Афанасия Великого к монаху Амуну. Данное послание утверждено как общецерковное учение на Шестом и Седьмом Вселенских Соборах.⁶⁴ В нем святитель пишет: "Убивать непозволительно, но истреблять неприятеля на войне и законно и достойно похвалы; почему, отличившиеся в бранях удостаиваются великих почестей, и им воздвигаются памятники, возвещающие об их заслугах".⁶⁵ Похожие по смыслу выражения мы найдем и у других святителей. Например, святитель Амвросий Медиоланский (+197 г.) в своем трактате «Об обязанностях священнослужителей» признает добродетелью любовь к земной родине и признает право на войну, хотя и осуждает ее

поджигателей.⁶⁶ "Не воином быть грех, - пишет Медиоланский святитель, - но воинствовать для хищения - беззаконие".⁶⁷ Святитель призывает проявлять милость ко врагам безоружным и покорным, просящим милости, "ибо сила военная не на зло, не для обиды и своеволия, а для защиты и добра".⁶⁸

Ученик Амвросия Медиоланского - блаженный Августин епископ Кипонийский (+430 г.) высказывался еще более жестко. Он считал, что война даже может приносить пользу, так как уничтожает или ослабляет произвол злонравных людей, а осуждение войны "в действительности возникает не из религиозных мотивов, а по трусости". "Поэтому заповеди: не убий - отнюдь не преступают те, которые ведут войны по полномочию от Бога, - пишет западный отец Церкви, - или, будучи в силу Его законов, т.е. ввиду самого разумного и правосудного распоряжения, представителями общественной власти, наказывают злодеев смертью".⁷⁰

Свт. Василий Великий, Творения. Спб., 1911. Т.3. С.133. 1-е каноническое правило св. Афанасия Александрийского. *Антоний (Храповицкий)*, архиеп. О книге И. Ильина. («о сопротивлении злу силою») // ^бин И. А. Собрание сочинений. Т.5. С.371. ^ *Свт. Афанасий Великий*. Творения. М., 1994. Т.3. С.369. *Паредиа*. Святой Амвросий Медиоланский и его время. Милан, 1991. С.219-220. ^ *ончаров Н., свящ.* Указ. соч. С.670. Там же.

Среди высказываний восточных отцов мы также найдем множество свидетельств в пользу воинской службы. Святитель Григорий Богослов (389 г.) в своем письме к другу военачальнику Элевиху, прося об увольнении с военной службы нужного ему чтеца Маманта, пишет: "Дай ему (чтецу Маманту) письменное увольнение; тем самым себе подашь благопоспешные надежды в войне и военачальстве".

У великого проповедника и учителя нравственности святителя Иоанна Златоуста (+407 г.) мы встретим самое большое количество цитат как по интересующему нас вопросу, так и вообще о необходимости прибегать к физической силе в некоторых исключительных случаях. Говоря о примирении ссорящихся между собою, святитель призывает активно препятствовать злу: "Итак, пойди, прекрати зло, спустишь в это бурное море и исхити утопающих, и уговаривай каждого порознь, погаси пламень и укроти волны".⁷² В особых случаях, таких как богохульство, один из величайших отцов Церкви допускает применение физической силы: "Если ты услышишь, что кто-нибудь на распутье, или площади хулит Бога, пойди, сделай ему внушение. И если нужно будет ударить его, не отказывайся, ударь его по лицу, сокруши Уста, освяти руку твою ударом... Ибо, если следует наказывать хулящих земного царя, то гораздо больше оскорбляющих Того (Царя)".⁷³ Святитель Иоанн Златоуст считает применение физической силы своего рода лекарство в борьбе со злом: "Богохульник - тот же осел, не вынесший тяжести гнева и упавший. Пойди же и подними его и словом и делом, и кротостью и силой; пусть разнообразно будет лекарство".⁷⁴

Цит. по: *Никольский В.* Указ. соч. С. 76. Блж. Августин Аврелий, еп. О граде Божнем. Т.1. С.39. *Свт. Григорий Богослов*. Творения. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1994. Т.2. С.549. ^- *Свт. Иоанн Златоуст*. Избранные беседы. М., 1999. С.536.

Это врачество иногда бывает необходимо, но употреблять его надо с рассуждением, чтобы результат действительно приводил к торжеству добра: "Так, например, если кто ни имея меч, не будет употреблять его, когда нужно употребить, но будет участвовать рукою, то ничего не сделает; и, напротив, если употребит меч, где нужно действовать рукою, то испортит все".

Поэтому великий учитель великий учитель Церкви и говорит, что когда убийство вменяется в правду, когда "не станем просто судить о делах, но будем тщательно вникать во время, причину, намерение, в различие и во все другие обстоятельства". Что же касается непосредственно отношения к воинской службе, то святитель призывал свою паству молиться о помощи Божией воинам на войне, произнося такие слова: "Разве не было бы ни с чем несообразно, если бы, в то время как другие выступают в поход и облачаются в оружие с той целью, чтобы мы пребывали в безопасности, сами мы за тех, которые подвергаются опасностям и несут бремя военной дружбы, не творили даже и молитв. Таким образом, это вовсе не составляет лести, а делается по требованию справедливости... Они составляют, как бы некоторого рода оплот, поставленный впереди, который охраняет спокойствие пребывающих внутри".⁷⁷ Отсюда можно заключить, что воинское звание, по мнению святителя Иоанна Златоуста, есть совершенно законное, и не служит препятствием ни для спасения человека, ни для его нравственного совершенствования: "Я не осуждаю искусств, земледелия, воинского звания - но нас самих. И Корнилий был сотником, и Павел был ... и после проповеди занимался своим ремеслом, и Давид был царем, был господином большого имени, получал большие доходы, но все это никому из них не послужило препятствием к добродетели".

Свт. Иоанн Златоуст. Творения. СПб, 1899. Т.2; Кн.1. С.25. Там же. С. 26.

Свт. Иоанн Златоуст. Избранные беседы. С.494. Свт. Иоанн Златоуст. Творения. Т.7; Кн.1. С.200-201.

Цит. по: Ястремский Г., свяци. Воинское звание по творениям вселенских отцов церкви // ВВД. 1914. № 20. С.710.

На основании выше изложенного можно предположить, что святитель Иоанн Златоуст считал не только возможным для христиан нести воинское служение, но у него уже содержатся мысли, из которых можно сделать вывод о дозволенности в особых случаях объявлять и вести священную войну Им христианского государства.

В то, что Церковь продолжала следовать своему взгляду о применении силы для обуздания зла и позволительности несения воинской службы и ведении войны в последующие века, можно убедиться из высказываний святых и богословов этих веков. Например, святитель Фотий патриарх Константинопольский (ок.+ 891 г.), который много своего времени посвящал изучению наследия святых отцов и церковных писателей, так разрешает один из вопросов, который потом станет камнем преткновения для моралистов, наследников эпохи Просвещения: "Как может не быть противоположным «око за око и зуб за зуб» (Мф. 5,38) и «а Я говорю вам: не противься, злему» (Мф. 5,39), т.е. «не отвечай ему тем же и не защищайся от врага»?

Можно сказать и то, что прежде нас бывшие любомудрствовали, поэтому поводу, что эти высказывания не противоречивы, что утверждение одного не есть отрицание другого, но скорее путь и приуготовление, ведущие через несовершенный образ жизни к совершенству... Кроме того, требовать воздаяние для зачинщика несправедливости по не отменному равенству не противоположно тому, чтобы с великой добротой удерживать и успокаивать метущуюся душу в пределах великодушия, но первое присуще человеку, а второе ближе к божественному, и одно из них непредосудительно, другое достойно похвалы".⁷⁹ Воздаяние по справедливости святитель Фотий относит к обязанностям закона, так как злодеяние заслуживает наказания, а не сопротивление злу - понимает как не препятствие справедливому решению закона, т.е. отказ от мести. В противном случае, это может привести лишь к углублению страсти раздора и вражды.

Свт. Иоанн Златоуст. Творения. СПб., 1901. Т. 7. С. 628.

В IX веке мы найдем уже ставшее классическим объяснение недоумения по поводу согласования заповеди Спасителя о любви к врагам (Мф. 5 у -48; Лк. 6,27-36), и необходимости для христиан прибегать к силе оружия для защиты ближних. Святой равноапостольный Кирилл (+869 г.), просветитель славян, когда-то спрошенный во время диспута с мусульманами на тему, дает такой ответ: "Если в каком-нибудь законе прилагается две заповеди, и обе даются людям для исполнения, то кто будет истиннейшим законоблюстителем: тот ли, который исполнит одну заповедь, или тот, кто исполнит обе заповеди? «Без сомнения тот, - отвечали Сарацины, - который; полнит обе заповеди». Тогда философ (святый Кирилл) сказал им: «Христос Бог наш повелел нам молиться за обижающих нас и благоволить им; но Он же заповедал нам: «нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих» (Ин.15,13). Поэтому мы терпим обиды, причиняете каждому из нас отдельно, но в обществе защищаем друг друга и полагаем свою жизнь за братии наших, дабы вы, увлекая их в плен, не пленили вместе с телами и души их, склоняя благочестивых к свои злым к богопротивным делам".⁸¹

У представителя поздневизантийского богословия и сторонника идей; исихазма Николая Кавасилы (XIV в.), мы также встретим выражение о следовании и в его время общим святоотеческим взглядам на рассматриваемую проблему: "И к занятию какому-либо нет никакого препятствия, и полководец может начальствовать войсками, и земледelec возделывать землю, и заявитель управлять делами и ни в чем не будет иметь нужды из-за сего.

Свт. Фотию Константинопольский, свт. Амфилохий//Альфа и Омега 1998 №2(16) ,99. Там же. С. 99-100. Цит. по: Барсов МВ. Сборник статей по истолковательному и назидательному чтению етвроевангелия. СПб., 1893. Т.1. С.574. Николай Кавасила. Семь слов о жизни во Христе. М., 1874. С. 136.

В то же время, Церковь всегда считала, что убийство, совершенное на войне, не может почитаться как действие, однозначно ведущее воина к безусловному прославлению его наравне со святыми в случае его смерти. Об этом свидетельствует случай из истории, связанный с византийским императором Никифором Фокой (963-969 гг.). Когда император стал требовать, чтобы убиваемые на войне, причислялись к мученикам и, подобно им, были чтимы и прославляемы, тогдашние архиереи представили со своей стороны, что такое чествование было бы

несправедливо, и в оправдание его мнения привели текст 13-го канонического правила святителя Василия Великого.⁸³ Другими словами, как это видно из Алфавитной Синтагмы Матфея Властаря (Номоканонический сборник XIV в.). Церковь не возводила убиение противника на поле боя в ранг святого акта, так как; если и войны, и следующие за ними убийства суть отрасли преступления произвольных страстей, то без сомнения необходимо, чтобы и проводящие жизнь в сражениях и обгадряющие свои руки в крови иноплеменников прежде очистились врачевством покаяния и огнем его попалили соединенные с таковым занятием скверны, и таким образом приступили к таинствам нового Адама".⁸⁴ Но здесь, как было сказано ранее. Православная Церковь, глубоко проникая в истинные мотивы поступков человека, часто ему и самому неведомые, лишь указывает на необходимость пастырского попечения о душах воинов. Этим самым проявляется забота о том, чтобы они не подпали под действие разрушительных страстей, которые может возбудить в душе человека война и связанное с ней применение оружия. Именно поэтому в византийской армии имелись полковые священники, которые служили перед сражением молебны и причащали воинов.⁸⁵ То есть необходимость военной организации и участия в войне объясняется не прямой заповедью Евангелия, а вынуждается частными условиями темной жизни. Задачей же Церкви Христовой как раз является предохранение человеческого общества от разрушительных процессов в духовно-нравственной жизни и тем самым внесение нравственного порядка в условия земного бытия.

⁸³См. *Цыпин В.А. прот.* Церковное право. М., 1994. С.86.

⁸⁴Алфавитная Синтагма Матфея Властаря. М., 1996. С. 428.

Вследствие этого Церковь никогда не оставляет своей спасительной миссии в том числе и в таких государственных институтах как армия. В своем отношении к войне и воинской службе Русская Православная церковь ни в чем не отличалась от Церкви Византийской. Со времен равноапостольного князя Владимира (+1015 г.), крестителя земли Русской. Отечество наше вынуждено было весьма часто прибегать к силе оружия для защиты своей самостоятельности. Как повествует житие святого князя Владимира, "при устроении государства мудрый князь часто был отвлекаем войнами с беспокойными соседями и набегами печенежскими", и это при том, что обращение самого князя в православную веру произвело в душе его нравственный переворот от греха к вершинам христианской добродетели. этому, говоря о милосердии и кротости святого князя, летописи доносят нас бывшее ему особое внушение от епископов по поводу излишнего похождения к преступникам, которых он наказывал только денежным штрафом. Бывшие тогда на Руси греческие епископы спросили его: "«Для чего не казнишь злодеев?»" Князь смиренно ответил: «Боюсь греха», - но ответ епископов был таков: «Ты поставлен от Бога на казнь злым, а добрым на помилование. Ты должен казнить разбойников, но, испытав прежде вину их», и князь повиновался совету святительскому".⁸⁷

Множество святых воинов, князей-полководцев, причисленных к лику мучеников Божиих в Русской Церкви. Например, благоверные великие князья: Мстислав Киевский (+1132 г.), Андрей Боголюбский (+1174г.), Александр Невский (+ 1263 г.), Димитрий Донской (+1389 г.), благоверные князь Мстислав Храбрый (+1180 г.), Довмонт Псковский (+1299 г.), воинномученик Меркурий Смоленский (+1239 г.) и множество других, свидетельствует о том, что воинское звание действительно не являлось препятствием к добродетели и святости. При этом прославление воинов в лике святых происходило не столько по причине участия их в справедливых, освободительных войнах, а явилось следствием их благочестивой жизни, трудов и подвигах до самопожертвования ради блага ближних, родной земли и святой Церкви.

Церковь всегда благословляла своих сыновей-воинов на защиту родины земли, и именно на Руси появляется особое наименование для защитников Отчизны - «христоролюбивое воинство». Здесь уместно вспомнить преподобного Сергия Радонежского, который благословил святого великого князя Дмитрия Донского на битву с Мамаем, и даже дал ему в помощь двух иноков, бывших воинов - Александра Пересвета и Андрея Ослябю, произнеся такие слова: "Следует тебе, господин, заботиться о порученном тебе Богом славном христианском стаде. Иди против безбожных, и если Бог поможет тебе, ты победишь и невредимым в свое отечество с великой честью вернешься". Уже на пути, преподобный присылает гонца с посланием, где говорит: "Без всякого сомнения, господин, смело вступай в бой со свирепостью их, нисколько не утрущаясь, - обязательно поможет тебе Бог". Подобное благословение преподобного Сергия одобряется и богослужебными текстами. Это видно из третьей стихире 6-го гласа на «Господи воззвах»,

которая поется на Великой Вечерне в день памяти молитвенника за землю Русскую: "... Молитвою бо князя вооружив варвары победити, / Хвляющийся отечество его разорити, / Но самех Богопораженною язвою трупия достойно падоша,/ Псаломски, при аде. Преподобие". Другой наш святой - святитель Макарий митрополит Московский 1482-1563 гг.) написал в 1552 году целое пастырское послание царю Иоанну Грозному и его войскам, находящимся в Казанском походе. В этом послании мы найдем все основные черты церковного учения о войне и воинском служении, которые ни в чем не отличаются от древнеотеческого. В своем послании святитель Макарий приводит примеры воинской доблести и веры из Священного Писания, житий святых.

Призывает царя и князя Владимира Андреевича "со всем своим христоролюбивым воинством добре и храбрски и мужески... подвизатися с Божиею помощю за святыя Божий **помощью** и за всех православных христиан", предостерегает от прегрешений душевных и телесных, увещает царя подвизатися "и с прочими похожими христоролюбивыми воинствы в чистоте и покаянии и в прочих добродетелях", что привлекает помощь Божию в сражениях.

В данном же послании уже появляются некоторые выражения, развивающие мысль святителя Иоанна Златоуста о возможности ведения священной войны для христиан: "Аще случится кому от православных христиан на той брани до крови пострадати за святыя церкви и за святую веру христианскую и за множества народа людей православных и потом живым быти, и те по истине пролитием своея крови очистят прежние свои грехи". Находим у Святителя Макария мысли и о мученическом венце для воинов, которые возможно погибнут во время данного похода. В дальнейшем полные мысли очень часто мы встречаем в нашей святоотеческой церковной письменности. Как общий пример отношения нашей Церкви к данному вопросу, можно привести слова святителя Филарета (Дроздова), митрополита Московского, который, обращаясь с речью к воинам, произносит такие слова:

"Бог любит добродушный мир, и Бог же благословляет праведную брань. Ибо с тех пор, как есть на земле немирные люди, мира нельзя иметь без помощи военной. Честный и благонадежный мир большею частью надобно завоевать. И для сохранения приобретенного мира надобно, чтобы самый победитель не позволял заржаветь своему оружию". Другой наш церковный Авторитет - святитель Феофан Затворник очень похвально отзывался о самой воинской службе, он считал, что: "Военный путь самый хороший - чистый, честный, самоотверженный". Он также пишет, что: "На воинах и войнах часто видимое Бог являл благословение и в Ветхом, и в Новом Завете. А у нас, сколько князей прославлены мощами кои, однако ж, воевали. В Киево-Печерской Лавре в пещерах есть мощи воинов. Воюют по любви к своим, чтобы они не подвергались плену и насилиям вражеским". В XX веке, в котором наша страна перенесла несколько тяжелейших войн, мы также среди выражений наших отечественных подвижников, найдем немало слов, говорящих о высоте воинского служения и необходимости защиты Родины. По мнению Всероссийского пастыря - святого и праведного Иоанна Кронштадтского, война является наказанием за грехи народа, но это наказание носит педагогический характер для вразумления и исправления. Во время Русско-японской войны святой праведный Иоанн Кронштадтский поддерживал наши войска в Манчжурии своими пастырскими посланиями. В них он призывает воинов мужественно сражаться на поле брани за веру, царя и отечество и говорит о высоте воинского служения потому, что: "После Бога и Бого-Матери, и всех святых, вся Россия на вас, дорогие братья, обращает взор свой, возлагает надежды свои, ожидая совершенной победы во имя Господне над врагами".

Священномученик протоиерей Иоанн Восторгов (-1917 г.), примерно в это же время, в своем обращении к воинам прямо говорит о том, что подвиг воина - свят.¹⁰⁰ Он приводит уже как давно устоявшееся церковное учение о совместимости звания воина и христианина, почему Церковь всегда благословляет защитников Отечества: "Церковь воодушевляет и подкрепляет воина в исполнении долга его звания, в его готовности умереть и пострадать за избранную идею".

Во время Великой Отечественной войны церковные деятели Русской Православной Церкви выступали со словами поддержки воюющей армии. Русская Церковь проводила большую патриотическую работу среди верующих, собирая средства для войск на фронте, обращаясь с воззваниями к воинам, партизанам и труженикам тыла. В одном из таких воззваний митрополит Николай (Ярушевич) даже говорит, что: "Церковь преисполнена священной ненависти к врагу", но подобные выражения мы найдем и у других архиереев. Например, святитель Лука (Войно-Ясенецкий) требовал смертной казни нацистам, т.е. подобное чувство священной ненависти могло быть довольно искренним и у верующих людей.

В данном факте мы не найдем ничего нового, так как еще В.С. Соловьев в своих «Трех разговорах» в уста генерала вкладывает рассказ о сражении его отряда с турками, которые

бесчеловечно вырезали целое армянское село. В результате единого душевного порыва небольшой отряд, по рассказу генерала, вступил в бой с намного превосходящим его противником и уничтожил почти всех, в том числе и пленных врагов. При этом на душе у генерала было "светлое Христово Воскресение", и данное сражение он считал единственным добрым делом и самым чистым воспоминанием в своей жизни.

Вполне очевидно, что данное чувство у русских воинов периода турецкой войны и у архиереев во время войны 1941-45 гг. нельзя считать греховным. Потому что такие чувства и действия проистекают не из зла, но "из чувства глубокого праведного гнева, которое есть одно из существенных характеристик истинной любви" - как считает профессор А.И. Осипов. Другими словами, проявление праведного гнева и вытекающее из этого чувство физическое устранение носителей зла нельзя считать нравственным преступлением, ибо такой гнев всегда сопряжен с любовью к жертве, страдающей злой силы.

Таки образом, как и в первые три века Христианской Церкви, так и в следующие времена, мы не найдем запрета на военную службу, и даже, более того, воинское звание из области опасных, но допустимых занятий я христианина становится вполне почетным и уважаемым. Это объясняется тем, что внешние условия воинской службы со времен первых веков христианства изменяются и принимают вполне христианскую форму. Об этом можно судить из того, что в последующие века основной обязанностью военнотружущих становится защита населения государства и сохранение устоев веры. Поэтому воинское служение уже не является серьезным препятствием для ведения благочестивой жизни и стяжания благодати Божией, о чем свидетельствует большое количество воинов, причисленных Церковью к лику святых.

Война, как средство обогащения, достижения славы, которое виделось Уничтожении городов, людей и опустошении целых местностей, как ее понимали в языческие времена, однозначно осуждается.

Но война признается Церковью нравственно оправданной, когда она вызывается необходимостью противостоять врагу, который угрожает безопасности государства и его граждан. В некоторых случаях война может даже принять священный характер, когда она ведется ради сохранения православной веры. Церкви иноверцев от внешнего посягательства и насилия не только в области физической, но и религиозной.* В таких воинах само пролитие своей крови воином-христианином уже может считаться добродетелью, а гибель на поле брани приравнивается к мученичеству за веру. Но участие в войне все-таки является деянием, представляющим опасную возможность порабощения личным страстям, связанным с необходимостью применять оружие. Потому Православная Церковь считает необходимым постоянно возносить свои молитвы за богослужением о воинстве и настаивать на покаянии его как на средство, предохраняющее от подобной возможности.

1.5. Пацифизм и его нехристианский характер

Пацифизм в современном его виде является плодом эпохи Просвещения, и впервые появляется на почве протестантизма.¹⁰⁹ Влияние идей Просвещения выражается в том, что пацифисты верят в силу человеческого разума, и что проявление зла в мире - это лишь следствие случайных процессов в человеческом обществе и человеческом сознании, душа же человека, по их взглядам, однозначно в основе своей ориентирована на добро.¹¹⁰ В этом видится совершенное незнание или даже отрицание христианского Учения о зле и первородном грехе. Гуманизм эпохи Возрождения настаивал, вопреки очевидности, на возможности естественной нравственности.

*Сама доктрина священной войны, по мнению некоторых исследователей, окончательно формировалась как общецерковное мнение в X в. (См. Флори Ж. Указ. соч. С.47.)

¹⁰⁹Нибур Р. Почему Церковь не стоит на позициях пацифизма? // Христос и культура. Избранные труды Ричарда Нибура и Райнхольда Нибура. М.,1996. С.525.

¹¹⁰Там же. С.517-518.

Светское мироощущение, которое сложилось в данную эпоху, протаскает христианской доктрине, в которой всегда дается приоритет религии нравственностью. В XVIII веке немецкий философ Иммануил Кант выдвигает противоположную идею, в которой нравственности выделяется первое место. При таком подходе христианство лишается своей онтологической вины и предстает лишь как система определенных моральных предписаний.

Все это привело к тому, что выстроенная нравственная система, выведенная из христианства, стала обнаруживать в церковном учении мнимые противоречия, особенно это, было ярко видно на примере Нагорной проповеди (Ср. Мф. 5,17 и 5,38-39) и соотношения Ветхого и Нового Завета. Чтобы избежать излишних затруднений отдавалось предпочтение в толкованиях спорных мест Новому Завету при произвольном его понимании. Избрав для себя слова Спасителя «не противься злу» (Мф. 5,39), руководством к действию на почве религиозной Реформации появляются секты и религиозно-нравственные движения, исповедующие принцип непротivления злу силой, что и является основой для пацифизма.* Несмотря на разнообразие форм, основой пацифизма является так называемая форма мирного сопротивления - отказ от военной службы, от выполнения военных заказов на заводах, мирное сопротивление государственной милитаризации.¹¹² Распространение идей пацифизма в России и на Западе припадает на вторую половину XIX-го века. Господство учения перфекционизма** с его верой в способность человека, а, следовательно, и общества к нравственному совершенствованию привело к тому, что сама возможность войны стала отодвигаться. Появляются активные проповедники идей непротivления и пацифизма, среди которых особое место занимает Л.Н. Толстой. Благодаря его социальному протесту в 80-х годах XIX века подобные идеи распространились не только в России, но затем и в Китае, Индии и других странах, так в своем этическом учении он во многом использовал идеи древневосточной философии.¹¹³

*Лоллардисты, меннониты, квакеры, моравские братья и др. *оновМ., прот.* Указ. соч. С.140-141.

**Перфекционизм — учение о способности человека и всего человечества к совершенствованию.

¹¹¹ДроновМ, *прот.* «Не противься злему...» // Альфа и Омега. 1996. № 1. С. 137.

В публицистических сочинениях Л.Н. Толстой выступал против любого убийства, будь то казнь преступника или убиение врага на войне, поэтому призвал к отказу от любых форм войны и воинской службы. По его мнению, всякая власть несет в себе зло, и повиноваться ей люди не должны. Отсюда он заключает, что "государство есть насилие", и "хочет быть христианином не может служить государству". Логическим следствием такого отношения явилось отрицание графом Толстым чувства патриотизма, которое он считал неестественным и вредным. Основной же целью человеческой жизни, по графу Л.Н. Толстому, должно быть осуществление на земле пророчества Исайи: "И перекуют мечи свои орала, и копыя свои - на серпы; не поднимет народ на народ меча, и не будут более учиться воевать" (Ис. 24), что достигается через устроение ратного порядка в обществе, государстве и мире.¹²⁰ Вполне очевидно, что такие теоретические положения учения Толстого ведут как анархия, и должны приниматься как проповедь социального сектантства.

Подобное пренебрежение Священным Писанием, где вполне четко фиксировано уважительное отношение к властям (См. Мф. 22,21;с. 12,17; Лк. 20,25), пренебрежение ко греху - постоянному фактору человеческой истории, а отсюда, непонимание эсхатологического смысла пророчества Исайи о всеобщем мире, делают доктрину Л.Н. Толстого несовместимой с христианством.

По мнению протоиерея Михаила Дронова этические идеи Льва Толстого спроецированные на философскую онтологию, привело к тому, что непротivление злу в любых формах будет иметь смысл лишь, если признать зло обладающим равноправным бытием наряду с добром. Другими словами, фундаментом такого непротivленчества является явственный и онтологический дуализм добра и зла, характерный для гностицизма и манихейства".

Религиозный философ Лев Шестов считал, что сама вера Толстого в некое отвлеченное добро "не исключает, вообще говоря, совершенного атеизма и ведет обязательно к стремлению уничтожать, душировать, давить дружбу людей во имя какого-либо принципа".¹²⁴ В таких взглядах Толстой тесно сближается с философским учением Фридриха Ницше, так как оба они считали, что нравственность - это дело рук человеческих. Отсюда Ницше явно видит идею человекобожества, а Толстой проповедует ее, но не так. С Шестовым согласен протоиерей П. Пивницкий, который пишет, от толстовского отрицания личного Бога и вечного личного бессмертия мая дорога "скорее к антихристианскому сверхчеловеку Ницше, нежели добродушному непротivленчеству".

Как видно, пацифизм - это плод разрыва с христианской традицией, ...я его учение пытаются представить как непосредственно следующие из чувственного учения христианства.

Что же касается самой идеи Л.Н. Толстого о непротivлении злу силой, то она вызвала большую полемику со стороны богословской мысли в России. Русские богословы конца XIX - начала XX-го века обратили свой взгляд на анализ Нагорной проповеди, как на главное «текстуальное» основание толстовской заповеди непротivления. В своих трудах они, используя онтологический и историко-критический подход, по сути, повторили основные позиции святоотеческой экзегезы.

В святоотеческой экзегезе слова Христовы «не противься злу» (Мф. 5, 39) традиционно понимались как запрет на месть. Преподобный Исидор Пелусиот (V в.) так толкует данное место: "Евангелие кротостью страждущего препятствует пороку распространяться далее... (Отмщение) было не прекращением прежних дурных дел, но вызовом более ужасных, когда один раздражался и делал зло вновь, а другой усиливался отомстить за старое, и знал никакого придела во зле..."¹²⁹ При этом для святых отцов непотворение злу носило не пассивный, а активный характер и выражалось в противоборстве злу не только посредством кротости и терпения, что является главными отличительными чертами основной христианской добродетели - смирения, но и активным воздаянием добром за причиненное зло. Оставь его без наказания и делай ему добро, - пишет святитель Иоанн Златоуст. - В том-то состоит высшее любомудрие, чтобы не только платить злом за зло, но добром".

Что касается самого зла, о котором говорит Спаситель (см. Мф. 5,39), то русские богословы пришли к выводу о том, что это слово стоит не в мужском, а в среднем роде, и есть не некое абстрактное зло, как понимал его Толстой, и не персонифицированное зло в лице его носителя дьявола, как толковали это место в пастырско-аскетических целях святые старцы, а «злое» в смысле конкретных неприятностей от ближних. Спасись тут же и перечисляет эти неприятности: «ударит в щеку», «судиться», «принудит» (см. Мф. 5 39-41). Из самого перечисления таких действий. Дно, что они носят личный характер и направлены на конкретного человека.

"Относительно же непотворения злу при защите ближнего Он (Христос) не говорит здесь ничего", - пишет епископ Иннокентий (Кременский). К такому же выводу приходит профессор С.М. Зарин потому, что именно личный характер непотворения злу обусловлен незначительным вредом от злых действий. "Из многих возможных случаев давления на христианина со стороны Христос Спаситель указывает для примера лишь те, которые вполне могут остаться в пределах личных отношений, не вызвав вмешательства судебной инстанции. Здесь не говорится, например, если кто выбьет зуб или выколлет глаз, - пусть христианин предоставит обидчику и дальше действовать в таком же направлении, тем более не говорится, что подстерегающему на пути разбойнику следует предоставить расправиться с безоружным путником так, как он хочет".

В отличие от церковного учения, пацифизм и толстовство переносят требование непотворения злу с личности на общество, в результате чего происходит подмена смысла Евангельских слов. Это чувствовали церковные писатели еще на заре эпохи Просвещения, когда только намечалась фальшивая подмена личного непотворения злу на непотворение целого общества. Подобные мысли вызывали у них соответствующее разъяснение христианского учения, например, святитель Димитрий Ростовский (1709 г.), разъясняя учение Нагорной проповеди о любви к врагам (Мф. 5:44) пишет: «не думай, слушатель мой, чтобы я повторил слова эти о тех врагах, которые воюют с нашим христианским отечеством и враждуют против нашей благочестивой веры ... Тех не только нельзя любить, но даже необходимо выступать войной против них, полагая душу свою за христианское царство » и целость Церкви".

В секулярной среде общества XIX - начала XX века, не желавшего икать подлинного смысла христианского учения, и мог возникнуть пацифизм. Толстовское непотворение злу, с точки зрения христианского вероучения бессмысленно и ничего положительного, в смысле реального противостояния злу, особенно в случае войны, не дает, как об этом писал еще святитель Иоанн Кронштадтский. По своей сути проблема непотворения злу, а следовательно и пацифизм - явления инородные христианству, как об этом пишет отец Михаил Дронов. Потому что фундаментом для них служит принцип «ахисмы» - ненанесения зла, что характерно для древнеиндийской философии.

Однако, несмотря на мощную богословскую критику идей пацифизма непотворенчества, они продолжали жить в среде, главным образом, русская интеллигенции. Причиной такой притягательности подобных идей, по мнению Николая Бердяева, является особенный моральный склад "большей части русской интеллигенции, быть может, даже русского человека - интеллигента, может быть, даже русского человека вообще... Русскому человеку труднее всего почувствовать, что он сам - кузнец своей судьбы. Он не любит качеств, повышающих жизнь личности, и не любит силы". Другой религиозный философ Е.Н. Трубецкой согласен с Бердяевым и усматривает склонность к непотворенчеству в распространенной в России "наклонности к пассивной религиозности".

В дальнейшем идеи пацифизма и непотворенчества приобрели себе таких авторитетов, как М. Ганди, Р. Грегг, М.Л. Кинг и других. Сама теоретическая база пацифизма претерпела еще больший крен в сторону от христианства, опираясь на все те же идеи толстовства. Появляется и специальный термин для выражения сути учения - «этика ненасилия». Но подобные взгляды все

также грешат непониманием смысла Евангельской заповеди о непротавлении злу, и переносит применение этой заповеди из области межличностных отношений на взаимоотношения больших масс людей, классов, государств.

Поэтому в случае воины на риторический вопрос сопротивленцев: «Что легче - убить врага или полюбить его, притом убить, имея возможность убить?», можно также спросить: А оценит это враг и тот, кто нуждается в защите от него?». Очень верно подмечает всю нежизненность подобных вопросов со стороны пацифистов Райнхольд, для которого очевидно, что: "Если мы верим в то, что, найдись в Англии не 2, а 38% отказников от военной службы по соображениям совести, сердце Гитлера смягчилось бы и он не решился бы напасть на Европу (в 1939 г.), - это значит, что мы верим в нечто, ни в коей мере не подтверждаемое историческими фактами".

Для идеолога современного пацифизма Ричарда Грегга и Сам Иисус Христос уже не идеал для подражания, так как Он "заканчивает Свою жизнь на Кресте только из-за того, что не до конца овладел техникой ненасильственного сопротивления, и что поэтому Он должен считаться учителем, который не достиг высот Ганди". Комментарии к подобным высказываниям излишни. Все это говорит лишь о том, что пацифизм в форме непротавленчества есть учение изначально не имеющее в своей основе ничего христиан-то кроме произвольно используемых Новозаветных цитат.

1.6. Философская критика пацифизма и непротавленчества

Одним из самых острых критиков идеи непротавленчества явился философ И.А. Ильин. Его книга «О сопротивлении злу силою», вышедшая впервые в Берлине в 1925 году, стала одной из самых знаменитых в исторической иммиграции. Достоинство этой книги состоит не только в том, она построена на безупречной, с точки зрения логики, критике толстовских идей, но и то, что она синтезирует верные решения на основе древнего православия, как писал об этом сам автор.

Как уже говорилось ранее и после осуждения богословской мыслью идей непротавленчества, они процали существовать в русском обществе, и именно против такой идеология, которая явилась причиной гибели России, выступает Ильин. По мнению философа, необходимость еще раз обратиться к теме сопротивления злу силой и мечом обусловлена тем, что современному ему поколению "опыт был дан с особенною силою впервые, как никогда раньше".

Следует сказать, что до И. А. Ильина активно и очень резко против толстовских идей непротавленчества выступал другой наш религиозный философ В. С. Соловьев, для которого было очевидно, что в войне есть нечто положительное, "не в том смысле, чтобы она была сама по себе нормальна, а лишь в том, что она бывает реально необходима в данных условиях". Поэтому мнение о том, что единственный верный способ прекратить войны - это отказаться от военной службы, Владимир Соловьев считает неверным. "Война не может быть сведена к убийству как злодея-до, т.е. предполагающему злое намерение, так как война есть дело не индивидуумов, а дело собирательных организмов - государств, отсюда возможное убийство на войне есть только случайное". Более того, при угрозе жизни ближнему, человек, по мнению философа, должен встать на его защиту от злодеев "не из вражды или злобы к ним, а также не для того, чтобы спасти свою жизнь ценою жизни ближнего, а для того, чтобы защитить слабые существа, находящиеся под его покровительством". В подобных случаях защита ближних предстает как нравственно-безусловная необходимость. Вследствие этого сама воинская служба не может считаться злом, а нравственная обязанность христианина, несмотря на всякие возможные злоупотребления со стороны государства.

Заслуга И.А. Ильина заключалась в том, что он синтезировал опыт гудущих критиков, острее обнажил те сложности, с которыми вынужден столкнуться человек, противоборствующий злу силой, и дал наиболее четкую философскую критику идеи непротавленчества с уточнением смысла терминов, которыми он пользуется.

Для Ильина, очевидно, что непротавление злу означает его принятие так как предложение себя в жертву злодеям вместо противодействия лишь расширяет объем их злодеяния. Не всякое применение силы можно считать злом, как считает философ, потому что оценка всякого пота должна происходить из внутренних побуждений и определяться через наличность или отсутствие... двух сочетающихся признаков: любви и одухотворения". Для философа очевидно, что "пока в человеческой душе живет зло, меч будет необходим для пресечения его внешнего действия. Толстой, как тонко подмечает Ильин, отказался видеть всю сложность и целесообразность отношений в мире, и из-за своего эгоцентризма и субъективизма обеспокоен не желанием спасти

любимого человека, а только ей личной моральной праведности, ради которой он готов не противостоять злодею, а погибнуть вместе со спасаемым. Подобный "противодуховный гедонизм и сентиментальность" ничего общего не имеет с жертвенной любовью, которая требует спасения любимого, не заостряя внимания на возможный грех и "не трепещет перед своею возможною моральною не безукоризненностью".

Отстаивая истину об оправданности применения силы в борьбе со злом русский философ обращает свой взор к иконописной традиции Правовой Церкви. Это вполне соответствует его желанию оправдать применение меча, опираясь на традицию Древнего Православия, и вполне вписывается в его логические построения. Икона для такого глубоко верующего человека как И.А. Ильин, была не столько произведением древнерусской живописи, а выражением церковного самосознания. Именно в иконописных образах Архангела Михаила и Георгия Победоносца Ильин находит ту духовную основу для своих рассуждений, опираясь на которую он справедливо утверждает, что никто не вправе давать возможность злодеям обижать слабых, развращать детей, осквернять храмы и губить родину.

Подобное оправдание теории сопротивления злу силою, вытекающее из традиций православной иконописи, поддерживал Е.Н. Трубецкой, для которого: "Религиозный идеал иконы не был бы правдою, если бы он освящал неправду непротивленчества; к счастью, однако, эта неправда не имеет ничего с ним общего и даже прямо противоречит его духу".

Большой заслугой Ильина является его четкое логическое различие понятий, как «сила», «физическое понуждение и принуждение», «насилие», «грех» и «неправедность». Подобной логической точности в определении данных терминов не делал никто до И.А. Ильина. Под «насилием» необходимо понимать, по его мнению, только произвольное, предвзятое заставление", которое происходит из злой души, или направлено ко злу. Поэтому "физическое понуждение и пресечение" исходит из природы самого добра, и направляется только на злодеев. Но употребление физической силы в борьбе со злом является возможным, но не самодовлеющим способом, так как первичным всегда должно быть духовное действие и воспитание. Если же духовно-душевное воздействие не достаточно, не действительно или неосуществимо, тогда применение физической силы становится просто необходимым. Что же касается взаимоотношения понятий «неправедность» и «грех», то по мнению И.А. Ильина, это не тождественные между собой термины, так как "всякое цельное осуществление нравственно-совершенного деяния обращает человеческую душу к состоянию праведности, и всякое неосуществление нравственно-совершенного деяния приводит ее в состояние неправедности.

Однако «неправедность» далеко еще не есть синоним «процесса» или «греха». «Неправедность» есть понятие родовое, а «грех» или поступок есть понятие видовое, так, что всякий грех есть разновидность праведности, но далеко не всякая неправедность есть грех". Вследствие этих заключений Ильин делает важный нравственно-практический вывод: всякое сопротивление злу, как таковому, всегда остается делом благим, праведным и должным. Чем труднее это сопротивление, чем с большими тягостями и страданиями оно сопряжено, тем больше подвиг и заслуга сопротивляющегося. Но то, что совершает сопротивляющийся меченосец в борьбе со злодеями, не есть ни совершенный, ни святой, ни праведный ряд поступков. Правда, только наивная грубость прямолинейного моралиста сетовать, что это есть «зло» и «грех»; ибо на самом деле это есть не греховное (!) совершение неправедности". Однако абсолютное оправдание и освящение силы и меча, такое как, например, мы найдем у Мартина Лютера и даже у Владимира Эрн, является ошибочным. Так как обращение к силе и мечу выводит душу "из любовной плеромы и возлагает на время несовершенного делания.

В своих рассуждениях Ильин обращается к толкованиям Нового Завета ссылаясь на изречения святых Древней Руси, приводит события из истории Российского государства. Наконец, он обращается к логике здравого смысла, которая и сейчас оказывается непреодолимой для толстошества сопротивления: "Понятна мечта о том, чтобы для нравственно совершенного человека не было неодолимых препятствий в чисто-духовном поборании зла, так чтобы он мог остановить и преобразить всякого злодея одним взглядом, словом, движением... Это - благородная, но наивная мечта. И состоятельность ее обнаруживается тотчас же. Как только ее пытаются обратить в универсальное правило поведения. Эта мечта несостоятельна духовно потому, что обращение и преображение злодея должно быть его личным самостоятельным актом, пламенем его личной свободы, а не отблеском чужого совершенства... Эта мечта несостоятельна и исторически: духовная сила праведника имеет свой предел перед лицом сущего злодейства. И казалось бы, что именно христианину не подобало бы переоценивать эту мечту, имея перед глазами образы многого

множества святых, замученных обратившимися и не преобразившимися злодеями". Конечной целью для сопротивляющегося злу, как пишет в своей книге Ильин, является "духовное растворение и преображение зла", а вся проема сопротивления злу силой разрешается основным принципом: "Борьба ведётся именно любовью, но одухотворенной любовью". На основании его Ильин выводит универсальное правило: "Противься злу из любви", в противном случае борьба со злом приведет лишь к умножению зла или сведётся лишь к устранению его поверхностных симптомов. Очевидно, что, меняя физическую силу к злодею, нельзя упразднить зло, живущее в его душе но такие меры ведут не к умножению добра, а к уменьшению зла, что также вполне понятно и не требует логических доказательств, хотя подобный исход не является идеальным, но однако и не ведет ко греху.

Результатом рассуждений русского философа явился вывод о неизбежности духовного компромисса, не в смысле личного интереса, а как «бескорыстное принятие своей личной неправедности в борьбе со злодеями», но данная неправедность берется на себя, но "не для себя, а во Божьего дела". Данный компромисс есть подвиг в смысле не только ведения борьбы, но и в том, "чтобы вынести свой поступок и пронести через жизнь совершенное дело, не роняя своего поступка малодушным отречением от его необходимости, но и не идеализируя его нравственного содержания". Такое состояние Ильин называет нравственно-трагичным, но смягчает Н.О. Лосский, говоря, что подобную ситуацию можно назвать трагичной, а драматичной. Эта драма заключается в необходимости защищать добро, используя только неправедные средства и готовности понести наказание за подобные действия. Но христианство оптимистично по своей сути и считает, что абсолютной безысходности не бывает, ибо «сохраняется возможность вступления в Царство Божие и разрешения в нем всяких противоречий и всякой вражды».

Похожие мысли мы встретим и у Л.П. Карсавина, который в своем мнении «О началах», осуждает насилие ради отвлеченного блага, но в тоже время говорит о благословении Церковью христоролюбивого воинства и необходимости молитв за него.

Именно христоролюбивое воинство позволяет государству охранять благо каждого, но Церковь, по словам этого религиозного мыслителя, не благословляет и не оправдывает совершаемых на войне грехов и убийств: "Но осуждая грех, она не забывает о совершаемом во грехе добре и, призывая к преодолению греха, ждет этого преодоления от человеческой свободы".

Следует сказать, что отношение церковных кругов русской иммиграции к книге И.А. Ильина «О сопротивлению злу силою» было очень одобрительным. Видный представитель богословской элиты - митрополит Антоний (Храповицкий) назвал книгу "подлинным и точным выражением православного воззрения". А архиепископ Анастасий (Грибановский) активно защищал в своих письмах автора и его идеи от целой компании критики, развернутой против книги.

Что же касается представителей философской мысли, то здесь книга встретила неоднозначные оценки. Наиболее резким критиком проявил себя А. Бердяев, он в своей статье «Кошмар злого добра» обвинял Ильина в том, что тот проповедует инквизиторское добро, "чека во имя Божие", которое "более отвратительно чем «чека» во имя дьявола". Но вся критика Бердяева направлялась не против идеи о допустимости применения силы и меча в борьбе со злом, так как это не отрицает и сам Н.А. Бердяев, а против взглядов И.А. Ильина на государство. Церковь и свободу человека. Ному, что сам критик всегда был склонен абсолютизировать свободу и понимать ее как независимость личности изнутри, т.е. не как выбор между добром и злом, а как "созидание добра и зла", что не свидетельствует в пользу твердой православности возражателя.

Отсюда можно согласиться со словами П.Б. Струве, который считал, Ильину удалось "поставить и в определенном христианском смысле разрешить проблему противления злу силою", оставаясь в рамках христианской традиции, о чем косвенно свидетельствуют критические выпады против труда глубоко верующего религиозного мыслителя.

1.7. Выводы по данной проблеме

Поводя итоги по поводу выяснения церковного взгляда на войну и воинское служение, можно обобщить полученные в данной главе выводы. Следует сказать, что они отнюдь не новы, но необходимость их освещения вытекает из общей картины незнания определенной части офицерского корпуса и солдат срочной службы православного подхода к данной проблеме. Особенно это относится к тем воинским коллективам, где отсутствует или в остаточной степени налажено сотрудничество с Православной Церковью. Как было показано, в православной традиции дается однозначно положительный ответ на вопрос о возможности несения воинской

службы и ведения войны для христианина. В Священном Писании Ветхого Завета ...на допускается как средство защиты добра и справедливости и как необходимый способ противостояния религиозно-нравственному влиянию языческого окружения. Всякие другие войны, которые возникают из эгоистических чувств корысти, кровожадности, так и те, которые ведутся из более благородных, хотя также не нравственных побуждений, например, из любви к военной славе, запрещаются и не одобряются.

Новозаветное Откровение и учение Церкви по данному вопросу позволяет говорить о дозволенности ведения войны для воинов-христиан. Само слово «дозволенность» наиболее точно выражает христианское отношение к войне, так как оно позволяет избежать крайностей пассивного несопротивленчества и безусловного оправдания войны. Поэтому, как было показано выше, можно сделать вывод о бессосновательности притязаний идей пацифизма на выражение христианского взгляда на войну и воинское служение, потому что в своей основе они опираются не на христианские принципы, а исходят из дуалистических предпосылок. Да и само противоречие и несопротивленчества и антибеллизма логике здравого смысла свидетельствует не в пользу их аргументов.

Мудрость Православной Церкви доказывается многочисленными историческими примерами, когда ради защиты ближних она благословляла на подвиг не только рядовых мирян, но в исключительных случаях и своих служителей. Например, благословение преподобным Сергием Радонежским того князя Димитрия Донского и вместе с ним двух иноков-воинов Александра Пересвета и Андрея Ослябю на битву с Мамаем.

Сами богослужебные тексты Православной Церкви свидетельствуют в пользу тех, кто с оружием в руках стоит на защите своего Отечества. Например, в Акафисте Казанской иконе Божией Матери Пресвятая Богородица *ИМО* называется помощницей православных воинов: "Яко воинству православному в щит и победное знамение Твоя икона даровася...".

Знамения Божественной помощи воинам в битвах являют многочисленные факты из «Житий святых». Например, в Житии святителя Василия никого (1 января ст. ст.) говорится о небесной помощи святого мученика Меркурия, благодаря которому был поражен император-язычник Юлиан отступник.

Все это позволяет нам утверждать о соответствии нравственному учению Православной Церкви идей воинского служения ради блага Родины и её граждан. Христианство не может одобрять всякую войну, вынесение той или иной оценки войне зависит не от самого факта ее существования, а от истинных причин, целей и духовного ее содержания. Война, ведущаяся по причине злобы, зависти, корысти и ради политических выгоды небольшой группы правителей однозначно осуждается.*

Если же целью войны является пресечение зла, противоборство злу и насильникам без причинения произвольного вреда силою оружия мирному населению, а главной движущей силой является жертвенная любовь воинов к своим товарищам и соотечественникам, ревность о вере православной, чувство справедливости и бескорыстия, отсутствие личной злобы** и кровожадных устремлений, то такая война может считаться не противоречащей христианскому нравственному учению.

Сам воин должен четко осознавать, что он держит в руках оружие не для войны, а для того, чтобы ее не допустить. В этом и заключается истинный смысл пастырского служения с точки зрения Церкви, образцом для которого могут служить наши прославленные отечественные полководцы. Например, знаменитый генерал М.Д. Скобелев никогда не любил вести войну ради войны. Для военнотружущего в Российской Армии важно сознавать, что оружие требует не только знание технических его характеристик и правил эксплуатации, но и «чистые руки» в нравственном смысле. Только в этом случае эффективность и правильность его применения может достичь требуемого уровня не только с точки зрения военной науки, но и с точки зрения христианской нравственности.

*Небезынтересно в этой связи выглядят слова одного фашистского офицера, полковника Леопольда Штейндле, который, размышляя о вопросах религиозности в немецкой и, приходит к выводу о том, что злодеяния, совершавшиеся вермахтом, не могут оправданы ни верою, ни совестью: "Всюду, где ступал немецкий солдатский сапог, ...ышо святотатством и кощунством"

**Необходимо различать это чувство от праведного гнева. (См. об этом выше.)

¹⁹⁶Несколько слов о генерале Скобелеве русского офицера. Париж, 1887. С.23.

(См. *Штейделе Л.* Агония между Дмитровкой и сеевкой // Сталинград; Уроки истории. Воспоминания участников битвы. М., 1976. ?-360.)

Так как в духовном плане «поражающая» способность оружия может быть направлена и на того, кто греховно его применяет. Обязанность убивать на поле боя, как пишет И.А. Ильин, есть

работа из самых тяжелых, но справиться с нею может только человек, беспокоящийся о религиозном очищении своей души. Именно религиозно-нравственное очищение, предлагаемое Церковью для просветления помраченных сторон человеческой души "отнимет у зла последнюю видимость успеха и победы" и не дает воину быть захваченным страстью и замешательством. Зная это, защитник Отечества не нанесет вреда своей душе, не нарушит своего духовного мира и избежит негативных последствий, которые часто возникают у людей, прошедших вооруженные конфликты.

Поэтому воин должен внимательно следить за голосом своей совести того, чтобы необходимость уничтожения врага на поле боя не переросла в страсть убийства, в превозношение и насилие над беззащитными и безоружными. В противном случае это явится тягчайшим грехом с точки зрения христианского нравственного учения. Если же совесть обличает воина в том, что данное ему право на применение оружия было произвольно превышено и послужило не для обуздания зла, а к его умножению, то необходимо прибегнуть к покаянной молитве и Таинствам Церкви, которые благотворно уврачуют его душу. Православному военнослужащему нужно помнить, что личная молитва и Таинства есть действенные средства в борьбе с личными грехами, и служит для восстановления духовного равновесия в жизни воина, активно участвующего в пресечении видимого зла.

Для христианства основой всякой деятельности верующего человека, в том числе и несущего воинскую службу, является заповедью о любви, в последнем случае она носит ярко выраженный жертвенный характер, так как и ближних своих воин от очень многого отказывается, порой даже и от ей собственной жизни. Воинская служба есть тяжелый, но почетный который Господь подает тем, кто достоин его понести. Путь воинского служения есть средство закалки и испытания души христианина в крепости его веры и устойчивости нравственных добродетелей на поприще я задачи христоролюбивого воина - борьбы со злом не только в мире физическом, но и в материальном.

Глава 2.

ПАТРИОТИЗМ

2.1. Патриотизм и отношение к нему Православной Церкви

Нет сомнения в том, что основой всякого служения своему Отечеству является в первую очередь любовь к нему. Армия в этом отношении есть тот организм, в котором это чувство должно быть определяющим во всех сторон жизни. Поэтому, патриотизм должен пронизывать всю систему воспитания воинов, так как деятельное проявление чувства любви к своей Родине заложено в самой природе воинского долга. Необходимость обоснования важности патриотизма для верующего, а с точки зрения православного вероучения, послужит залогом успешного прохождения им своего воинского служения и может помочь воспитанию в системе армии в формировании его как нравственно ответственной личности, в становлении молодого воина созидательным гражданином Отечества. Такое благотворное влияние патриотизма на личность защитника Родины объясняется тем, что патриотизм по своей сути больше относится к нравственным, чем к социальным чувствам. Наглядным примером чего может являться жизнь Ф.М. Достоевского, который «не отрешал личной морали от патриотического подвига» - как писал о нем митрополит Антоний Храповицкий).¹

В настоящее время, когда в общественной и семейной жизни наблюдается охлаждение к патриотическому воспитанию молодежи, основная тяжесть этих трудов ложится на воспитательный аппарат армии. Со своей стороны Церковь, имеющая богатый исторический опыт в этой области, может тать часть работы по воспитанию воинов, относящих себя к православным верующим, с воспитательными отделами воинских частей.

¹ Антоний (Храповицкий), митр. Словарь к творениям Достоевского. М., 1999. С.74.

Для христианского воина патриотизм является исполнением двуединой заповеди о любви к Богу и ближним (Мф. 22[^],37-38; Мк. 12,30; Лк. 10,27.). Христианин-патриот любит свое Отечество как место где пребывает и сохраняется Православная Церковь, где осуществляется его духовное приготовление к Отечеству Небесному, как об этом говорил святой праведный Кронштадский: "Помните, что Отечество земное с его Церковью есть преддверие Отечества небесного, потому любите его горячо и будьте готовы душу свою за него положить". Поэтому, христианин - военнослужащий, защищая свое государство, исполняет заповедь о любви к Богу, т. к. выполнение

гражданских обязанностей для православного человека представляются как образ главного, вечного служения Царю Небесному, следовательно, исполнять их без усердия и любви к своему государству греховно, пишет этот же святой, потому что: "Земная служба есть испытательная, приготовительная служба к служению на небесах".³

В тоже время воин защищает свой народ, как хранитель вековой православной культуры и благочестия и все другие народы, населяющие государство, этом заключается исполнение заповеди о любви к ближнему. Ближний обязательно должен разделять наши религиозные убеждения, хотя ним от этого он не перестает быть, чему учит нас притча Христа о добром самарянине (Лк. 10,30). Слова апостола Павла: "Если же кто о своих и особенно о домашних не печется, тот отрекся от веры и хуже неверного"(1Тим. 5,8), возводят заповедь о любви к своим согражданам, для их защиты в степень обязательного нравственного долга. Истолковывая данное служение апостола, священник Григорий Дьяченко делает вывод: "Добрый христианин не может не быть вместе и верным сыном отечества своего,) как и наоборот - недобрый сын своей отчизны не может быть вполне верен своей вере".⁴

²Цит. по: Иоанн (Сычѳв), митр. Битва за Россию. С.Пб., 1994. С.5.

³Св. прав. Иоанн Кронштадский. Моя жизнь во Христе. М.,1999. С.233.

⁴Дьяченко Г., свящ. Самоиспытание христианина по плану обязанностей его к Богу, Им и самому себе. М., 1897, С.71

В другом своем послании апостол Павел выражает мысль, что Бог Отец Творец всякого отечества на "небесах и на земле" (Еф. 3,15), а если обратимся к книге Деяний Апостольских, то найдем, что Бог "произвел весь род человеческий для обитания по всему лицу земли, назначив предопределенные времена и пределы их обитанию "(Деян. 17,26). Поэтому, как свидетельствует Священное Писание, место рождения нашего и само время жизни назначается человеку волей Божией. Наше земное Отечество дается Тем, кто дает нам отца, следовательно: "Дерзкий ропотник против отечества есть вместе ропотник против Бога".³ Поэтому, предпочитать своему отечеству другие государства, все равно, что не любить своих родителей и отдать предпочтение к посторонним лицам. Для русского православного человека такой поступок особенно неприятен, потому что родная земля для него - святыня, за которую мученически отдавали свою кровь множество поколений наших предков и из которой воссияло не малое количество угодников Божиих. Подобную мысль выражает русский писатель - эмигрант Б.К. Зайцев, который писал, что "Святыни бывают разными. Но бесспорно среди них место Родины..."⁶

То, что патриотизм и любовь к соотечественникам не противоречит Христианской вере, свидетельствуют многие примеры, содержащиеся в Священном Писании. Таким примером может быть представлена любовь святого пророка и Бытописателя Моисея к своему народу, когда последний впал в идолопоклонства, он умолял Господа: "Прости им грех их. А если нет, то изгладь и меня из книги Твоей, в которую Ты вписал "(Исх. 32,32). В Новом Завете пример такой же полной искреннего самоотвержения любви к соотечественникам являет апостол Павел. Скорбя о неверии своего, а в Спасителя и Господа Иисуса Христа, он пишет: "Я желал бы сам Отлученным от Христа за братьев моих, родных мне по плоти" (Рим. 9,...) Деть гибнущих в грехе неверия соотечественников, для апостола есть тяжѳлая мука и ради их спасения Павел желает пожертвовать своим личным, спасением. Хотя в этом же послании он признается, что от любви к Богу его ничто не может отлучить (Рим. 8, 38-39).

Если обратиться к примеру Самого Иисуса Христа, то здесь мы увидим проявление любви к своей земной родине и соотечественникам, которое трудно достичь для грешного человека. Несмотря на злобу и неблагодарных иудеев, Христос совершает множество чудес: исцеляет больных, воскрешает мертвых, а в ответ на просьбу иноплеменницы - хананейки, отвечает ей, что Он послан прежде всего "к погибшим овцам дома Израиля (Мф. 15,24; Мк. 7,27). При этом все эти события происходят в стране, о которой Сам Спаситель говорил, что: "Сын Человеческий не имеет, где преклонить голову "(Мф. 8,20; Лк. 9, 58). И при самом распятии Христос молится за иудеев, которые предали его на эту страшную казнь (Лк. 23,34), а совершенная любовь к родной Отчизне и своему народу. Хотя мы можем встретить некоторые выражения, встречающиеся в их у христианских писателей первых веков, которые на первый взгляд отвергают данный взгляд на патриотизм. Это, например, слова из апологетического сочинения "Послания к Диогнету» (ок.Ш в.), где говорится о христианах, что "для них всякая чужая страна есть отечество, и всякое отечество чужая страна".⁷ Сюда же можно отнести выражение Оригена (+254 г.) о верующих, которые "в отношении к отечественным законам остаемся, как пришельцы". Но здесь необходимо иметь в виду историческую обстановку того времени на фоне которого появились данные

выражения - это эпоха гонений на христианство со стороны римской языческой государственной и, время когда принадлежностью к язычеству определялась политическая благонадежность гражданина. В условиях такой исторической обстановке в полемике с языческим окружением христианские писатели делали на "небесное гражданство" членов Церкви. Но это вовсе не означало отказ от участия в делах государства, как это видно из того же "Послания к Диогнету" - "(христиане) участвуют во всех [общественных делах], как граждане, но терпят все [обиды], как иноземцы".⁹ (том, что патриотизм и гражданский долг были в почете у христиан первых веков свидетельствует каноническое послание святителя Григория Чудотворца (+ ок.270 г.), которое он написал по поводу бывшего вторжения варваров в понтийскую область.

Святитель настаивает на отлучении от церковного общения тех христиан, которые во время данного бедствия перешли на сторону врага и "принимали участие в нападении, забывши что они были понтийцами и христианами".¹⁰ Данное правило вошло в Канонический Кодекс Православной Церкви.* После же IV века, когда христианство было признано государственной религией и когда между Церковью и империей был заключён союз, христиане стали воспринимать свою земную державу как хранительницу истинной веры и лишь более ревностно исполняли свои обязанности граждан, не исключая основной - любви к своему Отечеству. Об этом свидетельствуют слова святителя Амвросия Медиоланского (+397 г.), который первым сделал попытку дать связанное изложение христианской морали: «Всякий почитает более приятным избавить от гибели отечество, чем (печалиться) о собственных опасностях: он думает, что гораздо славнее служить отечеству свой труд, чем, пребывая в покое, проводить жизнь, переполненную наслаждениями».¹¹

2.2. Патриотизм как средство воспитания личности защитника Отечества.

Определение патриотизма

Как видно из истории России и как свидетельствуют многие отечественные военачальники, хорошо развитое чувство патриотизма есть залог духовно-нравственного здоровья армии. Чувство любви к Родине, как внутреннее держание души воина было могущественным стимулом, воодушевлявшим его к проявлению доблести и стойкости в сражениях.¹² Как пишет военный исследователь Н. Краинский: "Всякое войско имеет Отечество своим лозунгом".¹³ Поэтому, исходя из своего богатого военного опыта генерал П. Ольховский (1852-1936) писал: "Патриотизм представляет на войне и столь важный и могущественный двигатель, что на привитие его в народе и армии надо не жалеть ни усилий, ни денежных средств".¹⁴

Во многом именно с помощью воспитания современных воинов на идеях патриотизма и принесения блага Отечеству, можно представить в сознании защитника государства то нелегкое и полное лишений служение его, почетное и радостное бремя. Действительно ради корысти, материального стимула очень трудно честно исполнять свой воинский долг, тем более воевать и быть самоотверженным на поле боя. Четкое же представление того, несение воинской службы есть служение не конкретному главе государства, не политической системе, а служение Богу и населяющему наше государство народу, с его тысячелетней культурой и особым укладом жизни, поставляет воинскую службу на ступень более возвышенную, чем просто государственная повинность. Именно такую мысль выражает приказ Петра I перед полтавским сражением: "Воины, пришел час, который решит судьбу Отечества. Вы не должны помышлять, что сражаетесь за Петра, но за государство Петру врученное, за род свой, за отечество, за православную нашу церковь.

¹²Ольховский П. Воинское воспитание // Российский военный сборник. Вып. 13. Душа*• М.: Военный ун-т, «Отечество и воин». Русский путь, 1997. С.210. ¹³Краинский Н. Психика и техника//Душа армии. С. 175. ¹⁴Ольховский П. Указ. соч. С.242.

Время армейской службы необходимо представлять не как средство подавления личности и её временную изоляцию от основной жизни народа, а как время и средство ещё большего единения с ним в чувстве горячей и деятельной любви и сродности, осознания всеединства и слитности личности в миллионов тех, кого он защищает, неся свою службу. Именно такой можно сделать из слов нашего философа Е.Н. Трубецкого о том, что человек безнародный, одно и то же что человек безличностный и бесцветный. В свете этого выражения воинская служба предстает как этап становления личности, способ отождествления себя с народом. Такой созидательный процесс имеет и взаимобратное действие, как пишет Б. Зайцев, такое чувство сыновней, почти мистической, сродности с отошедшими поколением дает человеку интуицию Родины -

немеркнувшее духовное ядро, которое в любой обывательской и негеройской жизни возвышает человеческий дух». Который благотворно воздействует на личность. Одна из первых и известных попыток определения патриотизма была показана нашим историком Н.М. Карамзиным. По его мнению, любовь к Отечеству может быть физической, моральной и политической. Под физической любовью он понимал общую для всех людей и народов привязанность к соотечественникам, к красотам родного края. В сродности душ, окружающих людей, которая дает человеку нравственные удовольствия, заключена моральная сторона любви к родной стране. Она действует сильнее, чем физическая, т. к. имеет характер привычки. Политическая составляющая любви к родному государству, черпает свои силы в славной истории народа и подвигах предков, именно такая любовь, как считает наш историк, вызывает у гражданина душевный подъем и гордость за Отечество.

"Но физическая и духовная привязанность к отечеству, - пишет Н.М. Карамзин, - действие и свойств человека не составляют еще той великой добродетели, ...о славились греки и римляне. Патриотизм есть любовь ко благу и славе Отечества и желание способствовать им во всех отношениях. Он требует рассуждения - и поэтому не все люди имеют его".

В таком понимании патриотизма, воинская служба, т. е. защита родной оружием в руках, есть обычное явление народной жизни. Это вытекает из самого простого и в то же время радикального понимания блага и своего Отечества, поэтому всегда одобрялось природным сознанием народа. Само возникновение любви к Родине, в психологическом аспекте, дает другой исследователь патриотизма В. Никольский, берет свое в чувстве сыновней благодарности индивидуумов к тому целому, в котором начинается, крепнет, развивается и усовершенствуется их материальная и духовная жизнь. Отсюда вырастает общая солидарность целей и совпадение идеалов отдельных лиц с той общественной группой, часть которой они составляют. Другими словами, патриотизм рождается из семейной любви к своим родителям, из уважения первых к последним. Поэтому, пишет В. Никольский: "Патриотизм есть естественное, изначальное, заложенное в самой природе человека чувство любви к причине своего бытия и существования".

Оба этих определения патриотизма исходят, как видно, из общего постулата - окружающее нас общество и внешние условия не могут не влиять на возникновение и проявление чувства любви к своей Родине. В этом смысле определяет корни патриотизма и немецкий философ Освальд Шпенглер, для которого любовь к окружающему "материнскому ландшафту" есть предварительное условие для формирования особенностей всякой культуры и душевной привязанности человека к Отечеству.

Но такое определение патриотизма и его мотивов для человека верующего не могут дать удовлетворение тем запросам духа, опираясь на которые он строит свое отношение к окружающему материальному миру. Тем более относится к православному воину, для которого патриотизм кроме общих фаз о его необходимости, должен представляться как на самом деле священная обязанность, понимаемая в смысле важности этого чувства и для его духовной жизни. Пример и особое явление русского патриотизма свидетельствует о том, что такое определение можно найти, но только учитывая души фактор и опираясь на религиозное мировоззрение. Здесь выражение В. Никольского о том, что природа любви к Отечеству "есть продукт духа, исходящий из собственных, внутренних оснований" представляется более близким к выбранному направлению поиска. Для русского человека, как пишет наш философ А.И. Ильин, Россия воспринимается как главная и заветная святыня личной жизни и русский человек не может созерцать свою Родину Бога. Отсюда он заключает, что обретение Родины есть «акт духовного определения» без чего не возможна духовная плодотворность жизни человека. Следовательно, в основе своей патриотизм имеет религиозное основание, ибо путь восхождения к Богу для человека всегда тесно связан с духовной жизнью и культурой его народа.

2.3. Русский патриотизм как явление религиозного характера

Исторический период с IX по X вв. явился временем образования единого русского государства, формированием единой нации. Само начало образования единого государства по времени совпадает с первым, частичным крещением Руси в 860-861 гг. при князьях Аскольде и Дире. Другой правитель Руси, святой князь Владимир был, несомненно, государственно-мыслящим человеком. Понимая, что одной только силой княжеской дружины невозможно объединить множество подвластных ему племен, он в первый период своего правления пытался использовать религиозный фактор, опиравшийся на древне языческие культы. Но попытка ввести

единую княжескую религию в рамках не склонного к единству язычества, не привела к возникновению прочных внутренних связей в государстве. Только принятие христианства, с его наднациональными идеалами и высшим нравственным законом, давало основу для государственного единства и единства на уровне отдельной личности, чего не могли дать никакие другие религии. Кроме этого христианство предоставляло возможность приобщиться к великой...туре соседней Восточно-Римской империи.

Промыслительный и благодатный выбор Православия дал удивительный результат - через время двух-трех поколений из множества разных славянских племен: древлян, полян, радимичей, вятичей и славян, образовался единый русский народ со своею письменностью, культурой и высокой объемлющей идеей служения Богу в границах данной Им земли. Вот почему Достоевский с уверенностью утверждал: "Понятие «русский» определяется не составом крови, а отношением к православию".

Общей душой народа стала Православная Церковь, благодаря вдохновляющим и объединительным усилиям которой. Киевская Русь не сгинула в междоусобицах, не растворилась под монголо-татарским нашествием и не исчезла под ударами крестоносцев. Благодаря деятельности святых митрополитов Петра и Алексия, преподобного Сергия Радонежского образовалось девственное Московское государство, которое освободилось от 300-лет-рдынской зависимости и смогло стать новым политическим и духовным центром Руси.

Общим итогом воспитательной деятельности Церкви стало появление соборного и державного сознания у русского народа, что формировало в человеке чувство долга, ответственности и патриотизма, как пишет митрополит н.³² Насколько Православие и любовь к русской земле пребывали нераздельно в сознании народа, показывает выражение святого князя-воина Довмонта-Тимофея (+ 1299), которое в минуты опасности он произносил, обращаясь к своей дружине: "Помните Отечество и церковь Божию". Действию, отечественная вера, как считал архиепископ Амвросий (Ключарев), являющаяся главной составной частью патриотизма, давала нашему народу источник внутренней крепости и понуждала к самопожертвованию за Отечество.

Поэтому, как итог рассуждения о значении Православия в процессе становления именно русского патриотизма, можно привести слова архиепископа Димитрия (Муретова) (1806-1883 гг.), который говорил, что христианская вера: "Соединила воедино разрозненные племена славянские, уничтожила племенные их отличия, поставляющие преграду их общению, и образовала один многочисленный, сильный и единодушный народ русский. Кто соблюдал и сохранил нашу народность в течение стольких веков, после стольких ворот, посреди стольких врагов, посягающих на нее? Святая вера Православная. Она очистила, осветила и укрепила в нас любовь к Отечеству, сообщив ей высшее значение в любви к вере и Церкви. Она воодушевляла героев Донских и Невских, Авраамиевых и Гермогенов, Мининых и Пожарских) на вдыхала и вдыхает воинам нашим непоколебимое мужество в бранях и освящает самую брань за Отечество как святой подвиг за веру Христову». То, что патриотизм в русском человеке воспитывала в первую очередь Православная Церковь, наглядно показывает поведение русского общества перед и во время Первой Мировой войны.

С момента начала этой войны всё общество испытывало необычайный взлет патриотических чувств, патриотическим воспитанием в России практически никто специально занимался. Да и само чувство патриотизма у просвещенных слоев общества считалось не вполне уместным.³⁶

Русская армия, плохо вооруженная и оснащенная в кровопролитных врагом дралась превосходно.³ Бывали случаи, когда наши войска даже и камнями отбивали атаки вооруженного с ног до головы неприятеля. Хотя, по свидетельству генерала П.Н. Краснова (1869-1947 гг.), наше большинство интеллигенции перед войной было антипатриотическим. Более того, в некоторых военно-учебных заведениях в воспитании преобладал дух космополитизма, а о патриотизме говорили мало и так не вызвать "дух воинственности".⁴⁰ Большой упор делался на укреплении чувства долга у будущего офицера. При этом материальная сторона жизни офицерского корпуса императорской армии была очень тяжелой, как протопресвитер Георгий Шавельский, - "офицер был изгоем царской казны.

Но, несмотря на такое положение, чувство патриотизма и самопожертвование являлись отличительными чертами кадрового офицерства, что демонстрировалось им во многих подвигах совершенных на полях сражений.

Размышляя над причинами такого поведения армии, когда без видимого внешнего побуждения воины, воодушевленные патриотизмом, проявляли чудеса храбрости, глава военного духовенства

Георгий Шавельский пишет что корни этого явления необходимо искать в вековой воспитательной деятельности Церкви, которая сформировала характер русского человека. В своём выводе отец Протопресвитер фактически повторяет слова Ф.М. Достоевского, который писал, что «все народные начала у нас сплошь вышли из православия».

Для русского человека понятие России и Православия были неразрывны, идея Москвы и Третьего Рима, сопряженная с идеей Нового Иерусалима, на уровне сознания народа выражалась в убежденности в истинности православной веры, в переживании исторической общности судьбы Церкви и государства, в идее мессианского значения русского народа для всего мира. Глубокий знаток русской души Ф.М. Достоевский, так писал об этом: "Вся сия для того только и живет, чтобы служить Христу и оберегать от неверных все вселенское Православие".

Поэтому религиозность русского солдата неразрывно соединялась в нём с любовью к Родине. "Чем религиознее солдат, - писал один полковой священник, - тем сильнее пробуждаются в нем патриотические чувства". В таком свете патриотизм действительно является продуктом духа народа, где о понятие Родины создавалось его духовной атмосферой. Это становится понятным, если обратить внимание на то большое значение православного богослужения, которое придавалось ему со стороны русского солдата. В боевых походах, вдали от родной земли, с прошениями и молитвами Богохранимой стране нашей Российской", оно воспринималось воинами не как церковное действие, но и как напоминание о далекой и любимой с с её храмами и особым укладом жизни.

Поэтому религиозная сторона патриотизма, в русском его проявлении, должна считаться определяющей, без которой не возможно объяснить многие проявления этого чувства в истории нашего государства. Понимая это, Георгий Шавельский писал в своих воспоминаниях, что только Церковь вышла как единственный воспитатель народа и именно она своей постоянной проповедью о самоотверженности и любви (См. Мф. 5,44; Ин. 15, 13) фактически заменяла патриотическое воспитание. Религиозные начала жизни сформировали особый менталитет русского народа. Они настолько вошли в сознание народа, что определяли как бы помимо воли мировоззрение и поведение каждого от рождения до смерти, даже вне видимой связи с верою. Вследствие этого, после отвержения государством религии и провозглашением атеизма, как основы жизни общества, эти начала народной жизни продолжали осуществляться и проявляться во всей полноте. И несмотря на все потрясения, произведенные в душе народа революцией, советский солдат всегда оставался по духу русским солдатом и преемственность сокровищ его души, полученных от Православия, проявлялась уже на полях сражений Великой Отечественной войны.*

Как видно, патриотизм воина, опирающийся на религиозные начала, является более сильным и высшим проявлением любви к своему Отечеству. Для православного христианина далеко не безразлично за что он любит Родину, в какой идеал её он верит. И представление о Родине как о религиозной святыне делает любовь к ней праведной и благословенной. Отсюда, любовь к Отечеству - свята, и, как пишет протоиерей Г. Флоровский, - "она спасительна и действенна". Именно о таком идеале говорит философ И.А. Ильин, утверждая, что Россия требовала жертвовать и самими национальными интересами, что сблизало советский патриотизм с идеологией космополитизма. Любовь к Отечеству в таком представлении есть любовь к «идее», к «убивающей букве». Именно такую, по сути, любовь отец Г. Флоровский называл греховной, ибо идеология руководствующаяся в своем патриотическом устремлении только мотивами социально-политического порядка есть «мерзость перед Господом». Вся система военно-патриотического воспитания в СССР имела своим стержнем коммунистическую идеологию, вся славная история Советской Армии и Флота объяснялась мудрым руководством коммунистической партии и верности советских воинов идеям "бессмертного Ленина". Тематика периодических изданий в Советском Союзе по военно-патриотическому развитию воинов связывалась, в основном, только с календарными датами – Днём танкиста, Днём Военно-Морского Флота и т.д. Помимо традиционных статей о советском патриотизме, в воспитании использовались воспоминания ветеранов о Великой Отечественной войне или проводилась "агитация на уровне ДОСААФ".

Боевые действия в Афганистане поставили ряд серьезных проблем, выявленные из них недостатки в советской системе воспитания воинов. В боевых условиях весь груз коммунистических форм и методов политического воспитания показал свою оторванность от жизни и действительных запросов воинов. Наглядная агитация и плакатность лозунгов, бюрократический и бездушный метод возбуждения патриотизма, стала вредным, тяжелым и просто опасным для народа.

Как вспоминает К. Раш: "Многочисленные встречи с воинами говоривших о том, что, по сути, только политическое воспитание за долгие девять лет афганской войны проявило неспособность к

саморазвитию, самосовершенствованию и обновлению. Солдаты-юноши, жертвуя жизнью вдали от Родины оказались, по сути, духовными сиротами". Действительно, можно согласиться со словами этого автора, что "память - мощь духовная и главный оборонный фактор державы". Советская система военно-патриотического воспитания с забвением всей славной истории России до 1917 г., без опоры на истинно духовные традиции народа не могла уже поддерживать морально-психологическое состояние воинов на высоком уровне.

Примере же обращения советской идеологической системы в тяжелое время Великой Отечественной войны к исторической памяти народа, возношение имен национальных героев в официальную патриотическую агитацию и облегчение положения Церкви, показывает противоположный результат - состояние воинского духа солдат было необычайно высоким. В стране которая, по признаниям вождей советского атеизма, к началу войны имела до 50% верующих и сильную патриотическими традициями национальную Церковь, атеизм становился опасным для государственной политики фактором, что не мог не понимать И.В. Сталин. Война выявила глубокую укоренённость православной веры в сознании народа и развеяла коммунистические представления о слабости и недолговечности религии. Жизнь показала, что в Православии заключен большой патриотический потенциал и источник духовно-нравственных сил столь необходимых для защиты государства. Многие наши верующие соотечественники в годы Великой Отечественной войны, несмотря на провозглашенный государственный атеизм, в едином и общем патриотическом порыве шли на фронт и самоотверженно защищали нашу Родину от грозного врага. Такое, на первый взгляд, странное поведение равных верующих во время войны 1941-1945 гг. объясняется активной патриотической деятельностью Церкви и почерпнутым из её учения убеждением верующих в том, что честное исполнение воинского долга и подвиги во имя Отечества земного "не будут оставлены без внимания в отечестве небесном», - как писал архиепископ Иннокентий (Борисов). Уверенность в этом и присущее русскому православному человеку чувство справедливости, которое особенно проявлялось во время освободительных войн, привело к тому, что тяжёлые обиды и гонения, выпавшие на долю верующих, отступили на задний план и преобладающим стало желание умереть за правду "нежели пережить ее". Как писал святитель Филарет митрополит Московский, размышляя о нравственных причинах побед одержанных русскими войсками над Наполеоном в 1812 г. Эта историческая преемственность в поведении верующего народа усиливалась сознанием ответственности за судьбу Отечества, которое отстаивалось кровью предыдущих поколений и ради неё через пролитие собственной крови будет поступком угодным Богу. В годы войны большинство рядового и часть командного состава Красной Армии являлись верующими или сочувствующими вере. Идеи патриотизма, верности долгу, воинская доблесть соединялась у них с народным, русским, религиозным, по сути, самосознанием, а не с политическими штампами советской пропаганды. Как писал один ещё советский публицист, спущенный сверху лозунг: "За Сталина!" кричали чаще всего с экранов кино, чем в реальном бою. С первых же дней войны активно начался процесс восстановления российской военной культуры. Массовым тиражом стали издаваться книги о русских полководцах, «Наука побеждать» А.В. Суворова, «Боевые пословицы русского народа» и др., в которых большое значение для воспитания воинской доблести отдавалось религиозной вере. В официальной пропаганде появляются не присущие атеистическому государству слова и выражения: священная война, память героев - священна, священная земля. Великая Отечественная война возбудила интерес к прошлому русской армии, сломала идеологические и психологические барьеры в военно-культурном богатстве, потребовала обращения к лучшим традициям старой армии.

Были случаи, когда с первых же дней войны некоторые солдаты прикрепляли к гимнастеркам рядом с советскими орденами солдатские Георгиевские кресты.

Отчасти восстановленная старая культура России и исконный русский религиозный патриотизм воодушевляли солдат на фронте, поднимали в тылу врага партизанское движение, вдохновителями и участниками которого нередко были священники, помогали мобилизовать физические и духовные силы работавших для армии в тылу. Решающей силой в этом процессе выступала Русская Православная Церковь, которая, несмотря на годы гонений, не отказалась от всегда присущего ей патриотического служения своему народу. Местоблюститель Патриаршего Престола митрополит Сергей (Страгородский) с первых же дней войны, в своем послании ко всем верующим от 22 июня 1941 г. и в своей речи в кафедральном соборе г. Москвы, благословил православных на защиту Отечества, назвав дело этой защиты «всенародным подвигом». В храмах служились молебны о даровании победы русскому оружию, звучали патриотические проповеди духовенства, собирались средства на подарки и вооружение наших войск. Приходы

организовывали шефство над детскими домами и госпиталями. Поэтому слова митрополита Вениамина (Федченкова) о том, что в войне стали побеждать именно русские, а следовательно в глубине души православные армии, можно считать не просто выдачей желаемого за действительное, но истинным видением тех духовных процессов, которые пробудились в народе и армии после начала войны с фашистской Германией. Об этом свидетельствуют именитые публицисты, заключая, что «в войне победила практически полностью крещеная армия, хотя и потерявшая связь со своими духовными корнями».

Безумная попытка Н.С. Хрущева сокрушить религию как препятствие на пути к коммунистическому будущему упразднила то потепление отношений между Церковью и государством и привела лишь к ослаблению советского общественно-политического строя и истощению духовно-нравственных сил народа, что в конечном итоге, как считает В.В. Серебрянников, способствовало поражению СССР в «холодной» войне.

Как свидетельствует наша история, явление советского патриотизма могло существовать только при наличии жесткого политико-репрессивного контроля над всем обществом и армией в первую очередь. При ослаблении, а затем и упразднении этого пресса, защита Родины, несение воинской службы становится уже не желанной обязанностью каждого гражданина, а вынужденной необходимостью, исполняемой в принудительном порядке.* Вся невидимость исполнения воинского долга в такой ситуации, которую мы сейчас наблюдаем, может опираться только на чувство ответственности и дисциплины гражданина. Причиной этого явилось то, что вместо любви к своей Родине многие годы воспитывалась, в первую очередь, верность социалистическому строю.

*Например, в войсках РХБЗ МО 47% от общего числа молодого пополнения частей центрального подчинения при опросе не проявило желания служить в армии, (Из докладчика войск РХБ защиты МО РФ на сборе православных священников, мляющих части РХБ защиты центрального подчинения, и заместителей командиров по воспитательной работе. Кострома, 2 июня 1999 г.)

Это можно видеть на примере многочисленных книг, которые использовались для воспитания молодежи и воинов, где встречаются выражения типа: "Главная отличительная черта советского патриотизма заключается в том, что любовь наших людей к Родине нерасторжимо слилась с их преданностью коммунистическим идеалам". При таком воспитании само понятие Родины и служение ей легко становится объектом идеологической и политической критики, что делает всю систему советского патриотического воспитания непригодной и опасной для такого государственного института как армия. Стоило только измениться политическому выбору государства и все патриотическое воспитание защитников Отечества рухнуло в одночасье.

Причины грядущего кризиса и тяжелого положения общества в результате такого патриотического воспитания молодежи предвидел ещё в 1966 г. Солженицын, что видно из его рассказа "Пасхальный крестный ход". В нём очень ярко показано то презрительное отношение советской молодежи к вековым традициям своих предков, которое было следствием именно советской воспитательной системы. Заканчивается рассказ так: "Что ж будет из рождённых и выращенных главных наших миллионов? Что доброго мы ждём от нашего будущего? Воистину: обернуться когда-нибудь и растопчут нас всех! И тех, кто натравливал их сюда - тоже растопчут".

2.5. Необходимость возвращения религиозной составляющей в воспитании патриотизма. Недопустимость для христианина чувства национальной нетерпимости.

Как писал герой Первой Мировой войны генерал П.Н. Краснов: «Государство, которое отказывается от религии и от воспитания молодежи в вере в Бога, готовит себе гибель в материализме и эгоизме. Оно будет иметь трусливых солдат и нерешительных начальников». Потому что для воина, защищающего свое Отечество необходимо не только политически или в силу своего происхождения любить свою Родину, а любить её всем сердцем, находиться в тесном духовном сродстве с нею, что для верующего человека и проще и естественнее. Примером таких патриотических чувств могут быть многие российские военачальники. Здесь можно привести слова талантливого полководца и глубоко верующего человека А.А. Брусилова: "Одно могу сказать с чистой совестью, перед самим Богом - ни на минуту я не думал о своих личных интересах, ни о своей личной жизни, но всё время в помышлениях моих была только моя Родина, все поступки мои целью помощи ей; всем сердцем хотел я блага только ей". Для воина, который ради защиты ближних своих подвергается опасности смерти, патриотизм, именно в религиозном аспекте, является вдохновляющей на самопожертвование силой, из чего необходимо заключить о

важности использования для воспитания личного состава войск именно религиозно окрашенного патриотизма.

Религиозность, как свойство присущее русскому человеку, проявлялось даже в пропаганде советского патриотизма, когда защита Родины провозглашалась *священной* обязанностью каждого гражданина. Здесь отчасти совпадала направленность воспитательной работы с той глубинной ориентацией на веру, на поиск святости, которая была вложена Православием в русскую душу. Да и сам русский атеизм, по меткому выражению Ф.М. Достоевского, был всё той же религиозной верой.

Можно конечно указать на тот трагический момент нашей истории, когда русская армия оставила свои позиции на фронтах Первой Мировой войны, и что произошло это именно из-за атеистической пропаганды, когда солдатам стали внушать, что он должен жить только для себя, а не для других помнить о земле и забыть о небе. Тем самым была упразднена сама почва русского патриотизма, армии не стало, и Россия была вынуждена заключить унижительный Брестский мирный договор с Германией. Но аналогия с крушением советского патриотического воспитания и разложением русской армии в 1917г. здесь представляется поверхностной. Ибо опора на антологический характер религиозной веры в воспитании патриотических чувств народа, помогала сохранять Российское государство на много большее время, чем 70-летний период советской политической системы. Если обратиться к богатой традиции воспитания русского солдата, заложенной ещё великим А.В. Суворовым, которая в полном объеме учитывала национальный характер воина, то религиозность и патриотизм были в ней не двумя отдельными пунктами, а единым взаимопроникающим понятием. Суворов всегда учил своих солдат не бояться смерти, ибо они отдают свою жизнь за "Дом Богородицы", какою всегда виделась русскому человеку его родная земля.⁷⁸ Отсюда появлялась уверенность в помощи Божией, черпались, дополнительные силы на полях сражений, что и приводило к победе. Это видно и из слов другого нашего полководца - генерал-фельдмаршала М.И. Кутузова: "Мы русские! Бог нам поможет".⁷⁹ Для наших великих военачальников было, несомненно, ясно, что основа русской военной мощи лежит в области духовной, именно там русские воины под руководством своих вождей заимствовали вдохновение и удесятеляющую физически силы помощь Духа Божьего.

Если внимательно присмотреться к жизни нашего уже советского выдающегося полководца - Г.К. Жукова, то для него, как продолжателя Суворовских и Кутузовских традиций и глубоко по духу русского человека, который, как пишет его дочь: "любил все русское: природу и народ, музыку и живопись, обычаи и пищу",⁸⁰ даже был не чужд веры⁸¹, и его слова перед сражением: "С Богом!" были не просто случайной фразой, а той духовной нитью, которая соединяла советского полководца с его великими предшественниками, и были проявлением тех религиозных начал, которые бессознательно присущи всякому русскому патриоту. Чтобы дополнить общую картину нашего рассуждения необходимо рассмотреть отношение православного христианства к национализму.

Несомненно, что православие чуждо крайностей национализма, ибо любовь к своему Отечеству и народу не означает, что христианин-патриот должен возвеличивать национальные пороки и недостатки (пьянство, ругань и т.д.). В противном случае человек впадает в национальную гордость, т.е. в тот грех, против которого так сильно должен подвизаться христианин. Истинный патриот оскорбит о грехах и недостатках своего народа, кается за них перед Богом и молится за себя и своих соотечественников. Как пишет В. Никольский: «Лечить национальные грехи можно только через лечение индивидуальных воль их производящих», а не относить их к форме государственной национальной жизни. Для христианина "сама народность не есть высшее благо, моральный идеал, а лишь бытие, реальность, в которой должен раскрываться этот идеал".

Русский православный народ чужд греха национальной гордости, это видно, если обратиться к истории почитаемого в России, особенно среди праздника Покрова Пресвятой Богородицы. История этого праздника восходит к IX веку, когда после неудачного похода русских князей Аскольда и Дира на Константинополь, они вразумлённые чудом заступничества Божией Матери за православных греков, вместе с остатками дружины приняли Святое Крещение в 860-861гг. Этот национальный праздник в честь военного поражения Руси не имеет аналогов у других народов. И здесь мы видим ту глубину народного христианского духа, который вопреки рациональному представлению о патриотизме, именно в этом празднике усмотрел и предпочёл торжество Правды Божией национальной гордости, без чего невозможно в полной мере быть патриотом-христианином. Так как все истинно верующие не должны забывать о всеобщем Отечестве Небесном, воплощение идеалов которого в Отечестве земном и любовь к ним обоим является основной задачей в жизни каждого христианина.

Православная Церковь проповедует не национальные, а религиозно-нравственные ценности, отсюда мы видим тот многовековой опыт мирного сосуществования народов в нашей стране. Как писал Н.А. Бердяев, великорусский патриотизм чужд агрессивного национализма, у русского народа нет склонности насильственной русификации" и эта общенародная черта есть проявление всечеловеческого христианского духа, так как христианство по природе своей наднационально в силу своих сверх национальных идеалов. Но этот же мыслитель говорит о том, что само единство человечества вытекающие из таких идеалов не отвергает национальность, ибо она является необходимой и не упраздняемой ступенью на пути к соборной личности. "Кто не любит своего народа и кому не мил конкретный образ его, тот не может любить и человечество, тому не мил конкретный образ человечества. Т.е. национализм, проявляющийся как любовь к своему народу, есть определенная степень раскрытия вселенской любви, конечно в том смысле как его видит христианство. Другой наш философ В.С. Соловьев утверждал, что необходимо любить "все народности, как свою" но свою Родину, свой народ мы должны любить предпочтительней.⁹¹ Отсюда видно, что патриотическая любовь не нарушает общего закона о любви ко всему человечеству, ко всем народам, но лишь поставляет свой народ непосредственным объектом нашей деятельной любви.

Поэтому такое чувство, как национальная нетерпимость является соответственно чуждым христианскому духу любви и даже оттенок его недопустим для православного человека, а особенно для русского православного воина Российских Вооруженных Сил, в которых проходят службу его боевые товарищи разных национальностей и вероисповеданий. Такое, однозначно осуждаемое Церковью чувство, может быть лишь плодом духовно незрелого патриотизма, в котором любовь к своей стране, к народу существует лишь благодаря неразумной и неопределенной склонности то замирающей, то вспыхивающей слепой страстью, которая часто ведет к озверению и презрительной гордыне. Сам же по себе русский национализм, а национальное чувство присуще всякому народу, как справедливо замечает проф. И.А. Ильин, носит инстинктивный и духовный характер, что предохраняет русского православного человека от презрения ко всему иноземному. Вследствие этого, христианский патриотизм не может быть причиной вражды, конфликтов и войн, так как они не соответствуют парадигме христианского мировоззрения.

Особенность же русского патриотизма, как указывалось выше, проявляется в том, что любовь к Родине, к своей нации здесь соединена с любовью к своей исторической вере - Православию. Это становится понятным из того, что для русского человека очень характерен образ Матери, в котором у него соединялись единым чувством любви родная мать. Мать Отчизна и Мать Церковь. По словам И.А. Ильина; «Православие положило в основу человеческого, и русского в том числе, существования жизнь сердца и исходящего из сердца мирозерцания. Весь дух и быт наших предков был оправославлен», сама форма национального русского бытия была "вращена Православием и закреплена славянством и природой России" в силу этого, любовь к отчизне у русского православного человека соизмерима лишь с любовью к своей вере, ради которой он готов претерпеть любые мучения и даже саму смерть. Отсюда можно заключить, что само чувство патриотизма необходимо признавать не только гражданской, но и христианской добродетелью. Поэтому, служба в армии для воина-христианина, необходимо требующая от него самоотдачи, самоограничения и жертвенности ради блага Родины, есть не потерянный отрезок времени его земного бытия, а возможность реально и в высшей степени послужить Богу, служа Отчизне, ибо патриотизм для русского православного воина всегда представлялся как нравственная добродетель, без которой невозможно в полной мере исполнять закон Христов.

Глава 3.

КРАТКАЯ ИСТОРИЯ ВОЕННОГО ДУХОВЕНСТВА

3.1. Начальный период истории военного духовенства

Христианское военное духовенство имеет свою славную историю и его благотворное воздействие на дух русской армии засвидетельствован многими отечественными военачальниками. В годы испытаний русские священники всегда являли себя великими патриотами, сердобольными христианами, терпеливыми страдальцами и даже дивными героями. В древней России не было особого института военного духовенства и не было особого церковного управления для него, хотя священнослужители всегда сопровождали войска в походах. Например, при царе Алексее

Михайловиче в 1647 г. была издана книга "Учение и хитрость ратного строя пехотных людей". Это был, по сути, перевод военного устава Карла V, с некоторыми дополнениями, и в нём уже есть упоминание о жаловании полковому попу. Духовенство временно прикомандировывалось к воинским частям по патриаршему указу или, в случае экстренной необходимости, по распоряжению царя. Только в синодальный период внутри духовенства появляется особая группа, которая занималась пастырским окормлением армии и флота. Эта часть духовенства была основана по личной инициативе Петра I, как необходимый элемент создаваемой им новой, регулярной Российской Армии. Точная дата появления священнослужителей в войсках и на флоте не известна, но уже с 1706 г. С приходов начинает взиматься особый сбор на нужды полковых священников и флотских иеромонахов. Хотя можно с уверенностью предположить, что уже в 1704 г. на флоте были корабельные священники, как это видно из письма Российского адмирала Крюйса. Воинские уставы петровского временный - 1716 г. и Устав морской службы 1720 г., призывают к развитию совести и религиозной морали, поэтому необходимость духовенства в войсках становится очевидной. Эти документы содержат в себе, кроме всего прочего, уже описание обязанностей священника в случае военных действий и наказаний за нерадение в службе. Несколько военных частей, сухопутных и морских, составляли в церковном отношении округ, за которым надзирал, по указу 1719 г., полевой обер-священник, или обер-иеромонах, по подобию обер-священников в западных армиях 17 века. При императоре Павле I, в 1797 г., всё военное духовенство подчиняется Главному обер-священнику армии и флота с особым управлением при нём. Сам обер-священник находился в распоряжении главнокомандующего войсками. С 1723 г. право назначения священников в армейские полки было предоставлено Св. Синоду, а тот предоставил его епархиальным архиереям, в округах которых располагались полки. При этом Синод требовал, чтобы назначались высоконравственные и "искусные" священники.

В мирное время, до 1800 г., священники подчинялись тем епархиальным архиереям, на территории которых расквартировывались их полки, а духовенство Военно-морского флота было подчинено Псковскому епископу. Само же назначение иеромонахов на флот происходило непосредственно с ведома Священного Синода, а приоритет среди кандидатов принадлежал иеромонахам Александро-Невской Лавры. Павел I коренным образом преобразовал управление военным духовенством: в 1799 г. фельд-обер-священник вводится в состав Священного Синода, а указом от 4 апреля 1800 г., его должность становится постоянной. Главному обер-священнику поручается начальство над духовенством в войсках в административном и судебном отношении.

При этом же императоре, тогдашним обер-священником протоиереем П. Я. Озерецковским (1758-1807гг.) был составлен проект особой войсковой семинарии. Император собственноручно подписал на этом проекте "Прекрасно, быть по сему". Она была открыта в Санкт-Петербурге при императоре Александре I, 4 июля 1801 г. в здании Тверского подворья на Васильевском острове. Выпускники семинарии должны были пополнять кадры военных священников. Для этого, кроме обычных предметов семинаристы изучали воинские артикулы и устав. При семинарии было училище, в котором состояло 84 ученика, в основном дети военного духовенства. Но при обер-священнике И. Державине возникли финансовые трудности по содержанию этого отдельного учебного заведения. По этому новым проектом, утвержденным Александром I 14 января 1816г. дети военного духовенства должны были обучаться уже в местных епархиальных училищах, хотя они и именовались еще учениками армейской семинарии и армейского духовного ища. Необходимость воссоздания этого учебного заведения понимал последний глава военного духовенства протопресвитер Георгий Шавельский В 1916 г. он планировал создать точно такую же армейскую семинарию.

Александр I в 1801 г. делает Озерецковского подотчетным Святейшему Синоду во всех вопросах его деятельности. В последующее время производится увеличение должностей в структуре данного вида духовенства: в 1840 г. появляется обер-священник Особого Кавказского корпуса, а в 1884 г., учрежденный ещё Александром I, в 1816 г., обер-священник для Гвардейского корпуса получает отдельное звание обер-священника Главного штаба гвардии и гренадёров.¹³ В 1853 г. Священный Синод предоставлял обер-священнику полномочия епархиальных архиереев: ему давалась дисциплинарная власть над военными священниками и он имел право назначать или увольнять клириков военного ведомства. В ведомственную подчинённость обер-священника переходят и некоторые неподвижные церкви, которые прежде относились к епархиальному духовенству. В 1858 г. он получает наименование Главного Священника. Он избирался из трех кандидатов Св. Синодом и утверждался императором. С 24 июля 1887 г. духовенство военного ведомства по правам и выплате жалования приравнивалось к военным чинам. Должность Главного Священника гвардии и гренадер, армии и флота приравнивалась к званию генерал-лейтенанта,

должность полкового священника соответствовала чину майора, а диакона - чину поручика. Нижние военные чины при встрече со священником военного ведомства обязаны были отдавать воинскую часть.

3.2. История военного духовенства после 1890 года.

1890 г. утверждается «Положение об управлении церквами и духовенством военного ведомства». Оно действовало на протяжении всего времени существования этого, уже ставшего вполне отдельным, вида духовенства, только после Русско-японской войны оно было переработано и дало возможность лучше организовать управление духовенством во время военных действий.

Во главе отдельного ведомства становится Протопресвитер военного и морского духовенства, ранее именовавшийся Главным Священником гвардии и гренадер, армии и флота. При нём утверждается особое духовное правление, состоящее из присутствия и канцелярии, штаты которых были утверждены 9 марта 1892 года. При рассмотрении и решении дел Протопресвитер и Правление руководствовались церковными правилами и соответствующими статьями Устава Духовных Консистолий.²² Духовное правление ведало, кроме всего прочего, и духовно-учебным делом военного ведомства, а также заботилось о заштатных священнослужителях, о вдовах и сиротах военного духовенства.

Кандидатура протопресвитера выдвигалась Святейшим Синодом и утверждалась императором. В церковных вопросах глава военного духовенства подчинялся Синоду, а в остальной своей деятельности руководствовался приказами военного и морского министров. В октябре 1915г., последний протопресвитер этого ведомства отец Георгий Шавельский, вводится высочайшим повелением Николая Второго в состав Святейшего Синода. В качестве члена Синода он пребывал до апреля 1917 г. Местными вспомогательными органами управления военного духовенства были благочинные, подчинявшиеся непосредственно протопресвитеру. Военные священники помимо подчинения протопресвитеру, подчинялись надзору местного епархиального архиерея и обязаны были исполнять все законные распоряжения своего непосредственного военного начальства. С 1912 г. в помощь Протопресвитеру был дан помощник, значительно облегчивший ему канцелярскую работу. Но как отмечает отец Георгий Шавельский, управление военным и морским духовенством в мирное время нельзя было признать совершенным. В военное время по Положению учреждались главные священники фронтов и священники при штабах армий.

Очень помог в деятельности духовенства во время Первой мировой войны, состоявшийся накануне ее, 1 июля 1914 г., первый Съезд военного и морского духовенства в г. Санкт-Петербурге. На нем было 49 священников, представлявших все военные округа. Он разработал специальную инструкцию, которая определяла точный курс работы и круг обязанностей каждого священника, прибывавшего в действующую армию. Значение этой инструкции было очень велико, т. к. в военное время количество подчиненного ведомству протопресвитера священников увеличивалось с 730 до 5000 человек. Позднее необходимые коррективы в сфере управления духовенством делались протопресвитером, чем активно и успешно пользовался Г. Шавельский во время этой войны, дополняя инструкцию своими указаниями, объявлявшимися в особых приказах. В 1916 г. были учреждены особые должности армейских проповедников, на которых была возложена обязанность проповедовать в воинских частях своей армии.

Таким образом, аппарат управления военным духовенством в 1916г. представляет собой по тем временам довольно стройную и совершенную структуру. В нее входили: протопресвитер, его ближайшие помощники; главные священники фронтов и двух флотов (Балтийского и Черноморского) их помощники; штабные священники; дивизионные и госпитальные благочинные, и, наконец, гарнизонные священники. Для лучшего взаимодействия духовенства армии и флота в Первую мировую войну проводились совещания протопресвитера с главными священниками, последних со штабными священниками и благочинными. Также по фронтам проходили Съезды духовенства под председательством протопресвитера или главных священников.

Военное духовенство, пребывающее нераздельно с армией и флотом на местах своего служения, одинаково делило с ними все тяготы боевой и мирной жизни. В мирное время роль священника заключалась в развитии крепкого и могучего духа армии. Это была роль молитвенника, просветителя и вдохновителя русского воина, часто она сопровождалась еще и миссионерскими трудами, что не входило в ближайшие задачи полкового священника. Например, этого рода служением прославились в свое время протоиерей Сергиевского всей артиллерии собора в Санкт-Петербурге А. Соколов, Главный священник Кавказской армии протоиерей С. Гумилевский и др. Архив Санкт-Петербургской Духовной Консистолии почти на половину

наполнен делами о присоединении лютеран, где в роли просветителей выступали полковые священники. Кроме укрепления патриотизма и преданности долгу службы священники занимались обучением солдат грамоте и Закону Божьему.

О самоотверженности полковых священников при исполнении их пастырских обязанностей в мирной обстановке можно судить по статье священника Н. Тяжелова "Священники в армии". Полковые пастыри и в лютый 45 градусный мороз, когда "у лошадей кровь сочится из ноздрей", и в проливной осенний дождь, когда "ноги вязнут в грязи" провожали в последний путь защитников Отечества, сами, становясь жертвой долга: простужаясь, обмораживаясь и умирая.³² Все это совершалось не ради наград и денег из-за "органической потребности - видеть лицом к лицу и разделять всю жизнь своей паствы, не исключая и самых крайних её положений". Пастыри делали свое дело не за страх, а за совесть. В свою очередь, военное руководство всецело поддерживало работу пастырей в деле воспитания солдат как охранителей высоконравственного духа воинов.

В военное время роль священника становилась еще более важной и ответственной. Вблизи опасности смерти у воинов обострялись религиозно-нравственные чувства. Поэтому кроме поддержки духа войск на поле боя священник использовал все свои силы для того, чтобы вверенная ему паства не осталась без богослужений, как очень действенного средства влияния на душу солдата, так и чтобы воины не поддались состоянию озлобленности, уныния, нравственным порокам, которыми страшна любая война. Никто не мог так поддержать, ободрить, наставить и направить на войне русского солдата, как делал это его войсковой пастырь. От военных священников требовалось не только переносить невзгоды житейские, быть свидетелем страданий других, но и облегчать их. На это требовались характеры самоотверженные, терпеливые, любвеобильные.

Богатый опыт, накопленный военным духовенством во время других войн, а особенно Русско-японской войны, позволил добиться успешного служения духовенства во время Первой мировой войны. Как пишет отец Г. Шавельский, ему неоднократно приходилось слышать самые лестные отзывы о работе военных священников, как от рядовых офицеров, так и от обоих Верховных Главнокомандующих. В войну 1914-1917 гг. военное духовенство впервые работало дружно, согласно, по самой широкой программе.

Во все предыдущие войны русское военное духовенство действовало без плана и системы, каждый работал по своему усмотрению, исполняя свои пастырские обязанности: совершение молебнов, иногда литургий, панихид, отпеваний, напутствие больных и раненных. С наступлением XX века изменился характер войны, вместо красивых атак с развивающимися знаменами пришла затяжная окопная война. Соответственно изменилась и роль священника вместо того чтобы идти впереди части с крестом в руках, вдохновляя воинов, батюшка занимает место в передовом перевязочном пункте и делом его стало, не столько ободрение находящихся в строю, сколько служение выбывшим из строя - раненым и убитым. Хотя исключения из этого правила бывали не редко.

Первым обер-священником армии и флота был протоиерей Павел Яковлевич Озерецковский (1800-1807 гг.). Он создал совершенно самостоятельную, отдельную от епархиального, организацию военного духовенства. На своём посту он много потрудился над улучшением его материального положения. При его участии 4 июля 1801 г. в здании Тверского подворья на Васильевском острове, была открыта особая армейская семинария. Его сменил протоиерей Иоанн Семенович Державин (1807-1826 гг.), прославившийся как талантливый проповедник и стойкий борец при отстаивании своего мнения в Священном Синоде.³⁸ С 1827 по 1832 гг. должность обер-священника занимает протоиерей Григорий Иванович Мансветов, известный своими духовными сочинениями. Он улучшил материальное положение военного духовенства приняв новый пенсионный устав. Его сменил на этом посту протопресвитер Василий Николаевич Кутневич (1833-1864 гг.), проявивший себя как хороший администратор. После него главой военного духовенства стал протоиерей Михаил Измаилович Богословский (1865-1871гг.) не уступавший в энергичности Кутневичу и известный своею ученостью. Протоиерей Петр Евдокимович Покровский (1871-1888 гг.), усиленно заботился о материальном состоянии вверенного ему духовенства. При нём было учреждено «Благотворительное общество попечения о бедных духовного звания». С 1888 г. по 1910г. главой военного духовенства стал магистр богословия С.-Петербургской Духовной Академии протопресвитер Александр Алексеевич Желобовский. С 1888 по 1890 г. он занимал должность Главного Священника гвардии и гренадер, армии и флота, а с 1890 г. - должность Протопресвитера военного и морского духовенства. По его инициативе в 1890 г. был основан журнал «Вестник военного духовенства», заведены внебогослужебные беседы в церквях для нижних чинов, устроены в воинских частях церковно-приходские школы, усилено

преподавались основы Закона Божия для учебных команд. В 1905 г. Желобовский издал внебогослужебные беседы пастыря с военными о высоком значении воинского звания. Также его заботами в 1890 г. был открыт свечной завод для военно-духовного ведомства и в 1910 г. учреждена похоронная касса служащих по ведомству протопресвитера. В 1901 г. был издан новый пенсионный устав.

Совсем небольшим срок эту должность занимал известный наш богослов Евгений Петрович Аквилонов (1910-1911 гг.). С 22 апреля 1911 г. по 1917 г. протопресвитером военного и морского становился магистр богословия С. Петербургской Духовной Академии протоиерей Георгий Иванович Шавельский. Он стал последним главой военного духовенства за более чем 100-летнюю историю его существования. Отец Георгий много потрудился для улучшения работы духовенства в войсках и прославился как выдающийся администратор. При нем были учреждены для офицеров специальные богословские чтения, сам Шавельский был прекрасным лектором и замечательным педагогом. Во время революционных событий Шавельский с 9 по 10 марта 1917 г. просидел под арестом в Таврическом дворце в Петрограде. Несмотря на выпады против него и жалобы в Совет рабочих и солдатских депутатов, отец Георгий был повторно избран на должность Протопресвитера в июле 1917 г. 2-м Всероссийским съездом военного и морского духовенства, который проходил в городе Могилеве. С 27 ноября 1918 г. по март 1920 г., Г. Шавельский исполнял обязанности Протопресвитера Добровольческой Армии и Флота.

В военное ведомство выбирались священники, имевшие особенно хорошую аттестацию от епархиальных управлений, или окончившие полный курс духовной Академии. Протопресвитеры Желобовский А. А. и Шавельский Г.И. особенно обращали внимание на нравственные качества избираемых, а так же проповеднические и пастырские способности кандидатов. Если в 1891 г. военное духовенство располагало всего 407 церквями и имело 443 священника и 57 диаконов, то в 1912 г. количество церквей увеличилось до 809, а священников и диаконов стало соответственно: 744 и 138 человек.

3.3. Самоотверженность военных пастырей. Подвиги военного духовенства

С момента своего появления в регулярной армии, военные священники всегда оставались на высоте своего пастырского служения. Они не только самоотверженно и со смирением переносили все трудности армейской жизни: сопровождали свои части в походах, боях, безбоязненно напутствуя раненных под огнём противника, при этом, сами получая ранения и попадая в плен, но и проявляли чудеса мужества и героизма, о которых с уважением писали наши знаменитые полководцы. Например, Суворов А. в своем рапорте о взятии, считавшегося неприступным Измаила (1790 г.), упоминает о подвиге священника Полоцкого пехотного полка отца Трофима Куцинского. Этот пастырь во время боя был в первых рядах штурмующих и с крестом в руках ободрял солдат, вдохновляя их на подвиги. Екатерина Вторая пожаловала ему за мужество наперсный крест с бриллиантами на георгиевской ленте. За подобный же подвиг при этом сражении был награжден и другой священник - отец Филофей Владевич.

Среди флотского духовенства в 1789 г. стал известен обер-иеромонах Иосаф, о котором упоминается в донесении главнокомандующего. В этом донесении говорится о ревностном служении, похвальном поведении и наблюдении за порядком со стороны отца Иоасафа, за что он получил от Екатерины II наградной крест.

В Отечественную войну 1812 г. было убито и умерло от болезней около 50-ти полковых священников и в последующие войны с Турцией было потеряно до 30 человек. В войну с Наполеоном прославился протоиерей Кавалерийского полка Михаил Гратинский, который в плену у неприятеля, несмотря на все лишения и с риском для жизни, стремился исполнить свои пастырские обязанности, вознося молитвы о победе русского воинства. Настоятелю Преображенского всей гвардии собора, протоиерею Топорогрицкому за отличную и самоотверженную службу в эту компанию была пожалована митра и назначение на должность обер-священником Главного штаба в 1816 г.

Протоиерей Апшеронского полка Анисим Боровик за свои выдающиеся труды, высокое пастырское служение и мужество, которое тот проявил, спасаясь от французов в ноябре 1812 г., ограбивших его и заставивших в лютый мороз пройти почти 250 верст, после принятия монашества с именем Онисифора, в 1814 г. был назначен Святейшим Синодом епископом на Вологодскую кафедру. Его 25-летняя отличная служба в армии в качестве священника была засвидетельствована самим фельдмаршалом М. И. Кутузовым.

Священник 19 Егерского полка Василий Васильковский, в боях под Витебском и при Мало-Ярославце и повторяет подвиг отца Трофима Куцинского. Он неся перед собою святой крест, вдохновлял воинов на победу, что во многом способствовало успеху в этих сражениях. В обоих боях мужественный священник получил ранения и за свою храбрость был одним из первых награждён орденом святого Георгия 4 класса.

В Прусско-турецкую войну 1828-1829 гг. на Балканах, военное духовенство не оскудело на подвиги. Священник 31-го Егерского полка Петр Евламов, сопровождая передовые части нашей армии, получил многочисленные ранения и попал в плен. Об этом в 1829 г. командование сообщило тогдашнему обер-священнику армии и флота протоиерею Григорию Мансветову.

Известен и подвиг священника Тамбовского полка Иова Каминского. Он отличился при переправе своего полка через Дунай: в полном облачении, ютом в руках отважный пастырь участвовал в последовавшей атаке, в которой и получил тяжелое ранение. За проявленную доблесть отец Иов был награжден Императором орденом святого Георгия 4 класса.

О действиях флотского духовенства в этот период мы можем судить по воспоминаниям лейтенанта Рыкачева А. П., офицера корабля «Гангут». В записках содержится описание того, как судовой священник отец Артамон своими действиями воодушевил команду перед предстоящим Наваринским сражением русского флота с турецким в 1827 г. После молебна и увещаний священника не бояться смерти за веру православную: "Все были необыкновенно веселы, что-то новое родилось между нами, все были между собою как истинные родные". Во многом благодаря такому, на первый взгляд малозаметному служению флотского духовенства, расположение духа экипажей кораблей было превосходным, что помогало им в достижении победы.

В русско-турецкую войну 1853-1856 гг. стал известен мученический подвиг иеромонаха Серафима Гуглинского, который не покинул обороняемые укрепления и турки, взяв его в плен, отпилили ему голову. Это было в самом начале, в 1853 г. Особенное мужество на поле боя проявил в 1854 протоиерей Могилевского полка Иоанн Пятибоков. Он сопровождал полк после переправы через Дунай и когда, в результате ураганного огня неприятеля, многие офицеры выбыли из строя и войска дрогнули, отец Иоанн в епитрахили с крестом выступил вперёд. Доблестный пастырь осенил крестом солдат и громко произнёс: "С нами Бог, ребята, и да расточаться враги Его... Родимые, не посраим себя! Сослужим службу во славу Святой Церкви, в честь Государя и на утешение нашей матушке России! Ура!!!" После этих слов священник и воодушевлённые им воины первыми взойшли на стены турецкого укрепления. Отец Иоанн получил две контузии в грудь; от Св. Креста была отбита правая сторона, а епитрахиль разорвало картечью. Мужественный священник был награждён орденом святого Георгия Победоносца 4 степени и дворянской грамотой. Героическая оборона Севастополя 1854-1855 гг. показала, что военное яство не было обузой обороняющимся. Священники, находясь среди защитников города, которые страдали от ран, сыпного тифа и других болезней, неуклонно исполняли свои обязанности, вселяя в своих пасомых мужество и стойкость. Иеромонах 45-го флотского экипажа Иоанникий (Савинов) в ночь на 11 марта 1855 г., проявив личное мужество, остановил начавшееся отступление солдат и с пением молитвы "Спаси, Господи люди Твоя..." повел их на штурм укреплений, который успешно завершился. За военные подвиги многие из них получили церковные и государственные награды. Можно указать на священника Углицкого полка Михаила Альбова, который получил одну из высоких наград духовенства - золотой наперсный крест.

В последующую, десятую по счёту, войну России с Турцией 1877-1878 гг., этот пастырь уже с Псковским полком, своим личным примером терпения и выносливости укреплял наших воинов. За проявленные в этой освободительной войне отличия, он был награждён орденами: Святой Анны 2-й степени с мечами; Святого Владимира 4 и 3 степени. В этой войне прославился своим ревностным пастырским служением отец Петр Рождественский. Он со своим 16 Мингрельским полком испытал все опасности на поле боя. Среди огня противника он спокойно напутствовал Святыми Дарами умирающих воинов и оказывал помощь раненым. Такое служение священника вселяло в боголюбивых воинов спокойствие и уверенность в том, что они не останутся в случае ранения или смерти без христианской заботы о себе. Это всегда очень существенно укрепляло воинский дух сражающихся воинов.

Русско-японская война 1904-1905 гг. уже носила совершенно иной характер - убийственная сила нового оружия привела к тому, что противники все реже встречались в открытом бою, а чаще всего разили друг друга из окопов и из укрытий. Поэтому основным местом служения священника в новой войне стал полковой лазарет, где пастырь со Святыми Дарами и словом утешения облегчал участь раненных и больных, проводил в последний путь умерших. По необходимости священник посещал и передовую линию. Как писал Протопресвитер военного и морского духовенства А.

Желобовский, характеризуя настроение полковых священников: "пастыри можно сказать рвались на Дальний Восток из-за желания послужить родине вместе с христоролюбивыми воинами".

Русское военное духовенство, вступившее в пору своей зрелости, столкнулось с необходимостью выработки новой структуры управления в условиях войны, с проблемой определения круга обязанностей священника действующей армии. В первый период войны возникли проблемы с обеспечением необходимой утварью, с походными церквями, которые были очень неудобными. Но полковые батюшки находили выход из положения используя свою личную утварь, ротные иконы и подручный материал для оборудования церквей и совершения в них богослужения. В этой войне личное вдохновение священника отходит на второй много стало зависеть от координации действий духовенства, от интенсивности его работы в войсках, так как четыре священника на дивизию, как полагалось по штатному расписанию военного времени, было весьма не достаточно в боевых условиях. С первых дней войны началось формирование новой структуры управления. Всё духовенство Маньчжурской армии стало подчиняться Полевому Главному священнику. По указанию Святейшего Синода от 18 февраля 1904 г. на эту должность был назначен протоиерей Сергей Голубев, бывший председателем Духовного Правления при Протопресвитере военного и морского духовенства.

При Управлении Полевого Главного священника был учрежден особый штат, который состоял из священника для командировок (позднее количество довели до трёх), диакона для служения в церкви Управления, секретаря и трёх псаломщиков. Священник для командировок должен был ездить по армии и совершать богослужения в частях, где нет духовенства, а последних было немало: артиллерийские бригады, казачьи полки, части обеспечения, лазареты, сборные пункты. При разделении армии на три отдельных Маньчжурских, осенью 1904 г., увеличилось и количество Полевых Главных священников. Под управлением Главного священника находились дивизионные благочинные, которым подчинялись полковые и госпитальные священники. В госпиталях проходило служение в основном духовенство, направленное из епархий.

Все священники трудились самоотверженно, не из-за тщеславия, или наград, а из-за любви к Отечеству, к ближним своим и чувства долга. Основным средством воздействия на дух армии стало богослужение, переносившее людей в обстановку далёкой родины, проповедь, беседы, забота о духовных нуждах воинов. Для защитников Родины само посещение священником их части было настоящим праздником. Солдаты и офицеры очень дорожили такой заботой и со спокойной душой вступали в бой с противником.

Священники испытали на себе все невзгоды войны, но, не смотря на это совершали свой ежедневный труд, возбуждая в русской армии высокие патриотические чувства. Поэтому даже неудачи на фронте не могли поколебать силы духа и бодрости царившей на передовой. Подвиги военного духовенства в Русско-японской войне сделали его предметом пристального интереса в России и создали ему большую популярность среди общества и духовенства.

Среди священников этой войны стал знаменит протоиерей Стефан Щербаковский. Он в старых традициях полковых священников, во время кровопролитного Тюренченского боя, 18 апреля 1904 г., вместе со своим 11 Восточно-Сибирским полком, дважды ходил в атаку с крестом в руке во главе знаменной роты своего полка. Во время второй атаки он получил ранения в руку и в ногу и контузию от близкого взрыва. После боя, еле живой, вынесенный спасенными от окончательного поражения солдатами своего полка к станции, он узнает, что вблизи погребают без священника умершего солдата. Отец Стефан потребовал отнести себя к могиле и молитвою напутствовал почившего. За проявленное мужество он был награжден орденом Святого Георгия 4 степени.⁷³

Во время осады Порт-Артура 1904-1905гг., как и при обороне Севастополя духовенство проявило себя на должной высоте. В тяжелые дни осады, многие часто исповедывались и причащались и, так как все церкви были разрушены, то службы совершались на открытом воздухе, часто под обстрелом японцев. При этом священники постоянно служили молебны, панихиды, погребали погибших. Пребывая в таком объеме работы, пастыри находили слова и силы, чтобы поддержать в защитниках волю к борьбе и надежду на благополучный исход. За мужество, проявленное при отражении штурмов крепости 7-19 ноября 1904 г., были награждены священники 14-го и 15-го Восточно-Сибирских полков Алексей Семов и Александр Холмогоров. Последний, совершал требы прямо на боевых позициях, посещая самые передовые окопы в нескольких десятках метрах от японцев. Такое самоотверженное служение поднимала дух обороняющихся. Священник Александр получил орден Святого Владимира 4 степени с мечами и бантом, а отец Алексей - орден Святой Анны 3 степени. После же сдачи крепости, полковые священники вместо разрешенного к вывозу японцами одного пуда личного имущества, взяли с собой храмовые

святыни, забыв о своих вещах. Так, священник штабной церкви крепости Николай Глаголев, спас Порт-артурскую святыню - икону Божией Матери Избавительницы.

Будущий протопресвитер военного и морского духовенства отец Г. Шавельский тоже стал известен как мужественный пастырь с самого начала войны. Он вместе со своим 33-м Восточно-Сибирским полком принял участие в двенадцати сражениях. "Церковные ведомости" за 1905 г. писем: "Отец Георгий работал в огне, точно он всю жизнь дышал этим переполненным свинцовыми шмелями воздухом... Тут он перевязывал, раненных, исповедывал и приобщал их Святыми Дарами. Страдающего брата он видел не только в своем солдате. Для него таким же являлся сраженный противник, и к нему он шел с тем же самоотвержением. В 1904 г., 1-го декабря, отец Георгий назначается главным священник 1-й Маньчжурской армии. Протопресвитер военного духовенства Александр Желобовский (1888-1891гг.) писал ему в то время: "Доколе у меня главные священники, отец Георгий Шавельский и отец Александр Журавский, я за армию спокоен". За отличную службу он был награжден орденами святой Анны 2 и 3 степени и Владимиром 4 степени с мечами, золотым крестом на Георгиевской ленте и чином протоиерея. Иногда священник занимался не своими прямыми обязанностями. Во время Ляоянского боя на перевязочном пункте скопилось вместе с ранеными множество здоровых солдат. Это были принесшие раненых с поля боя. Они бились всеми способами задержаться здесь как можно дольше. Полковой священник, заметив настроение бездельников, решил вернуть их обратно в окопы. Обличив их трусость, он построил солдат и отвел их к сражающемуся полку. «Вот где ваше место, бездельники, а не на перевязочном, Молодцами будьте!», сказал батюшка и оставил свою команду.⁷⁸ В своем служении раненым многие священники последними уходили с поля боя, стараясь, чтобы ни один раненый не остался без их помощи. Так священник 8-го пехотного Сибирского Томского полка П. Курдюмов остался раненым на поле сражения, когда напутствовал умирающего. А священники 24-го Восточно-Сибирского полка Василий Дубницкий, спасая раненых, последним покинул поле боя и догнал свой полк, когда его уже считали погибшим.

Флотское духовенство вместе с моряками испытало все трудности и страдания войны и японского плена, проявив в своем служении немало мужества и отваги. В первый же день войны в корейском порту Чемульпо неравный бой приняли крейсер «Варяг» и канонерская лодка «Кореец». Вовремя боя на залитой кровью палубе «Варяга» находился судовой священник Михаил Руднев. Он воодушевлял команду крейсера, помогал раненым и напутствовал умирающих. Взорвав «Кореец» и затопив крейсер, команда вместе со своим священником попала в плен.

1 августа 1904 г. произошло сражение трёх русских крейсеров «Рюрика», «Громобоя» и «России» в корейском проливе. Они приняли бой с целой эскадрой Камимурь. В самом начале боя «Рюрик» получил тяжелые повреждения. Были убиты многие офицеры, старший доктор, тяжело был ранен командир корабля Е. А. Трусков. Судовой иеромонах Алексей (Оконешников) находился на своем месте в лазарете, исповедуя раненных. Затем, когда всё место в помещении стало занято, он отправился перевязывать раненных на палубу. Помогал команде тушить пожар, и подносить снаряды к единственному целому орудию. В последний момент мужественной борьбы крейсера для оставшихся на палубе раненных, он провел последнюю общую исповедь. Чтобы поврежденный корабль не достался противнику, команда открыла кингстоны. Даже в этот трагический момент отец Алексей продолжал воодушевлять экипаж гибнущего крейсера - держась на плаву за койку оставшуюся от раненого, он пересилив себя крикнул "Ура". "За мной последовали другие и море раз десять огласилось этим криком", - как пишет этот мужественный священник. Отец Алексей попал вместе с оставшимися в живых моряками в японский плен, но как духовное лицо был отпущен. При этом он тайно вывез из плена донесение о гибели крейсера и знамя. За мужество и отвагу отец Алексей (Оконешников) 1 ноября 1904 г. был награжден золотым наперсным крестом на Георгиевской ленте. Священники крейсеров 1-го ранга «Россия» - Феодор Станкевич и «Громобой» - Георгий Федоров получили по ордену Святой Анны 2 степени с мечами.

14 мая 1904 г. произошло известное Цусимское сражение эскадры Рождественского с японским флотом. В этом сражении отличились многие судовые священники. За мужество, проявленное при исполнении своего служения, был представлен к награде золотым наперсным крестом судовой иеромонах крейсера «Олег» отец Порфирий. Он, несмотря на рвущиеся вокруг снаряды и осколки от них, помогал раненым, показывая пример самоотверженного христианского исполнения долга.

На это же сражение, по представлению капитана 2 ранга Неболсина, был представлен к награде золотым наперсным крестом на Георгиевской ленте иеромонах с крейсера «Аврора» отец Георгий. Как написано в представлении, отец Георгий: "при появлении всего неприятельского флота вышел

с крестом и Святой водой и окропил все судно и поднял мужество на предстоящий смертельный бой. После этого, находясь под пулями врага, приобщал тяжело раненых, а легко раненых утешал словом и поил чаем. Перевязочный пункт, полный тяжело ранеными больными, ...был в отличном настроении и бодром состоянии".⁸⁴ Подобным же образом действовал судовой иеромонах броненосца «Адмирал Ушаков» Иона, который в молодости был фельдшером и не утратил своих медицинских познаний. Во время сражения он оказывал помощь раненым в судовом лазарете.⁸³ В той войне местом судового священника во время боя был перевязочный пункт, где он вместе с врачами оказывал раненым первую помощь и приобщал Святыми Дарами умирающих. Во многих представлениях к наградам указывается, что священники самоотверженно трудились на своем боевом посту. Благочинный 2-й Тихоокеанской эскадры, судовой священник крейсера «Дмитрий Донской» Петр Добровольский, штатный священник «Паллада» Николай Исидоров, иеромонах Троице-Сергиевой Лавры Паисий с броненосца «Орел», иеромонах Гавриил с крейсера «Диана» были награждены за проявленное мужество золотыми наперсными крестами на георгиевской ленте.

Многие священники, спасшиеся при гибели своих кораблей, попали в плен, но продолжали свое служение, утешая собратий по несчастью. Некоторые продолжали служить на других судах, например, иеромонах Высочиновского Казанского монастыря Харьковской епархии Маркелл, после гибели линейного крейсера «Урал», сумел сохранить Антиминс и Священные сосуды. На подобранный его транспорте «Анадырь» он устроил походную церковь и совершал богослужения. После гибели 1-й и 2-й Тихоокеанских эскадр многие судовые священники приняли участие в боевых действиях на суше. За время войны потери военного и морского духовенства составили: восемь флотских священников и иеромонахов, священник 122-го пехотного Тамбовского полка Александр Любомудров, который погиб в бою 16-18-го августа при Юшулинском перевале от случайной пули.⁸⁸ Так же были убиты священник для командировок Алексей Агарев, священник при госпитале Красного Креста Николай Курлов, а священник 8-го Сибирского Томского полка П. Курдюмов - пропал без вести. Всего убитых и раненых священнослужителей было более тридцати.⁹⁰

Несмотря на все трудности и потери военное духовенство армии было инициатором сбора пожертвований в пользу семейств убитых и умерших от ран воинов.⁹¹ Такое проявление милосердия к обездоленным не могло не поднять еще выше престиж военного священника в армии и на флоте. Все священники, принимавшие участие в Русско-японской войне получили ордена Святой Анны 2-й и 3-й степени с мечами. Более 50-ти человек были награждены золотыми крестами на Георгиевской ленте. Кроме того, почти все они получили различные церковные награды от Священного Синода. Император Николай Второй учредил особый нагрудный знак для защитников Порт-Артура. Право ношения этого знака было предоставлено в том числе и священникам, которые служили в крепости с 26 января по 1 мая 1904 г. Опыт, приобретенный духовенством во время Русско-японской войны, позволил исправить многие ошибки и подготовить на должном уровне работу военных священников во время Первой мировой войны. Размер пастырской работы в эту войну, по сравнению с Русско-японской, вырос неимоверно. Если раньше священник в разгар был во втором обозе, то теперь он находился на передовом перевязочном пункте, в окопах, в линии боя.⁹³ Повествование о подвигах русских военных и морских священников в войну 1914-1917 гг., как пишет протопресвитер военного духовенства отец Георгий Шавельский, могло бы составить большую книгу.⁹⁴ Протоиерей 7-го Финляндского полка Сергей Соколовский, прозванный французами за свою храбрость «легендарным священником»*, был дважды ранен, потерял кисть правой руки. Он вместе с добровольцами участвовал в разрушении неприятельских проволочных заграждений. Несмотря на то, что несколько попыток уничтожить их до этого привели к большим потерям, добровольцы вместе с отцом Сергием успешно выполнили эту задачу. Георгиевская Дума присудила ему за этот подвиг орден Святого Георгия 4-й степени.

Одним из первых в этой войне был награжден наперсным крестом на Георгиевской ленте священник 58-го Прагского полка Парфений Холодный. Он в Галиции вместе с полковым врачом и одним офицером попал в австрийскую засаду.

Отец Парфений не растерялся и осенив врагов крестом, обратился к ним и убедил их сложить оружие. Речь отца Парфения была понятна, так как большинство нападавших были чехи и угророссы. дои, конвоируемые офицером и доктором, с отцом Парфением были приведены в штаб полка. Точно в такой же ситуации, такой же подвиг совершил священник Павел Добролюбов. После его пламенной речи в плену к вере пришло 23 австрийских солдата.

Известен подвиг священника 9-го драгунского Казанского полка Василия Спичека. Когда был отдан приказ двинуться в атаку на австрийцев, полк не тронулся с места. И тогда отважный

священник выехал перед строем и с криком: "За мной, ребята!" понесся вперед. За ним бросилось несколько офицеров, а затем и весь полк. Отец Василий был награжден Георгием 4-й степени.

*Вторую половину войны он провёл на французском фронте.

Священник 154 пехотного Дербентского полка Павел Смирнов, своим дом и спокойствием так поднял в трудную минуту дух полка, что не только преодолели опасность, но и одержала победу. После этого имя отца Павла стало геройским для всей Кавказской армии. И он получил Святого Георгия 4-й степени.⁹⁹ Священник 119 Коломенского полка Андрей Пашин получил золотой наперстный крест на Георгиевской ленте за то, что спас свой полк от неминуемой смерти. Он убедил командира не вести полк в неверном направлении, его их ждало бы пленение или расстрел.

Другого рода подвиг совершил иеромонах Н., священник одного из вредных полков. В один из воскресных дней 1915 г. на Галицийском он совершал литургию в заброшенной униатской церкви. Рядом шел бой взрывались снаряды. В конце евхаристического канона один из снарядов пробил крышу и упал около престола с правой стороны. Мужественный иеромонах спокойно прервал чтение тайных молитв, перекрестя бомбу и громко произнес: "Будь ты проклята, окаянная!". После чего спокойно продолжил молиться. Снаряд не разорвался, и молящиеся, видя спокойствие священника, остались на своих местах. И он был награжден крестом на Георгиевской ленте.¹⁰¹ О подобном же случае, только со священнике Грайворонского полка Иоакимом Лищенским, пишет протоиерей Ф. Ласкеев. По воспоминаниям Георгия Шавельского, в бою 19 октября 1916г. священник 318 Черноярского пехотного полка Александр Тарноутский и несколько других полковых священников были убиты, когда они по старой доблестной традиции шли с крестами в руках впереди своих полков. Другие священники во время этого боя погибли, перевязывая и унося раненых с поля сражения. Оставшиеся в живых четырнадцать героев-пастырей были награждены офицерскими Георгиевскими крестами 4-й степени.¹⁰² Таких же случаев проявления пастырского мужества было в ту войну очень много. Например, 4 мая 1915 г. священник 192 Рымникского полка Филипп Горбаневский во время атаки полка шел в первых рядах наступающих и своим присутствием ободрял дрогнувших новичков, впервые попавших под огонь тяжелой артиллерии. Молодые солдаты, видя это, говорили друг другу "Смотри, батюшка впереди, нельзя отставать." После удачной атаки, уже в окопе, отец Филипп получил смертельное ранение от немецкого снаряда.¹⁰³

Уже в конце войны, в списке представленных к наградам военных священников от 24 марта 1916г., мы находим имена шести корабельных пастырей. При чём двое из них - священник крейсера «Богатырь» отец Александр Изегов и священник линейного корабля «Слава» отец Владимир Куклин, награждены наперсными крестами на Георгиевской ленте.¹⁰⁵

Несмотря на жестокую войну, духовенство военного ведомства, с первых же дней её, стало готовить почву для мирной жизни. Уже в 1914 г. все военные священники начали отчислять из своего содержания по 3 рубля в месяц на благотворительно - просветительные нужды ведомства. К ноябрю 1915 г. было собрано уже 55 тыс. рублей на нужды инвалидов.

Всего за время существования высшего воинского ордена - ордена эго Георгия Победоносца с 1769 г. по 1914 г., этой награды удостоились только четыре священника. Во время же Великой войны его получили четырнадцать пастырей. За всю войну крестами на Георгиевской ленте было награждено более 100 священников. Для получения этой награды тоже потребовалось совершить какой-либо подвиг. Самую высокую оценку деятельности военного духовенства в Первую мировую войну дал в 1915 г. Верховный Главнокомандующий царской армии (до августа 1915 г.) великий князь Николай Николаевич: "Мы должны в ноги поклониться военному духовенству за его великолепную работу в армии. Император Николай II, сменивший великого князя на этом посту, произнёс в адрес военных священников следующее: "Я никогда не слышал ничего подобного о работе военного духовенства. Отовсюду слышу самые восторженные отзывы о нем".

После войны, в смутное время революции и гражданской войны, многие военные священники продолжали достойно исполнять свой пастырский долг, некоторые из них послужили Церкви уже в епископском сане как, например, отец Симеон Михайлов, который в годы Великой войны был священником 84-й пехотной дивизии, а в 1923 г. принял епископский сан. Занимал Чебоксарскую, а с 20 февраля 1924 г. и Вятскую кафедру. С 21 февраля 27 г. Вольский викарный епископ. После революции, институт военного духовенства в Красной Армии юридически был упразднен 16 января 1918г. приказом № 39 Наркомата по военным и морским делам. По этому приказу Ведомство Протопресвитера и вся система управления военным духовенством

расформировывалась, а все военные священники увольнялись с государственной службы.¹¹⁰ Вместо полковых священников учреждался институт военных комиссаров. Военные священники ещё сохранялись в Добровольческой Белой Армии: у генерала П.Н. Врангеля их было более 500, а у адмирала А. В. Колчака более 1000 человек военного духовенства.

Последний глава их, епископ Вениамин (Федченков) (позже митрополит), занимавший этот пост с марта 1920 г., ушёл с него уже в эмиграции, простившись с бывшими соратниками особым в 1923 г.

В Советском Союзе впервые после Гражданской войны о должности полкового священника упоминается в период войны с фашистской Германской. Эта должность была учреждена в отдельной югославской воинской части в СССР. Ее занимал священник Дмитрий Цветков, который имел звание майора.

Глава 4.

НРАВСТВЕННОЕ ВОСПИТАНИЕ ВОИНОВ

4.1. Необходимость нравственного воспитания воинов

Христианское вероучение несет в себе кристально-чистые воды божественной благодати, и в какое бы русло они бы ни впадали, поток никогда не будет мутным, поэтому христианство может благотворно влиять на все проявления земного бытия, в том числе и на общественные и государственные институты. На современном этапе реформирования российской необходимости использования потенциала Православия для создания эффективной системы воинского воспитания ощущается не только представителями Церкви, но и военными, о чем свидетельствует большое ячество публикуемых материалов.¹ Ощущается необходимость наполнение новым содержанием всей системы воспитания личного состава Вооружённых Сил на основе вечных христианских понятий о допустимом и не допустимом для воина, без чего невозможно говорить о высоком нравственном и боевом духе Армии. В данном стремлении нет ничего существенно нового, до 1917 г. Русская Армия жила и вдохновлялась именно такими понятиями. Воспитанием воинов занимались войсковые священники, которые следили за духовным и нравственным состоянием воинов, показывали с точки зрения христианства высоту и величие их воинского служения, заботились о нравственной чистоте и недопустимости негативных явлений в во всякой среде. Такое воспитание приносило добрые плоды: русский солдат всегда отличался глубокой религиозностью, несокрушимостью воинского духа, и был грозен своей нравственной крепостью.

¹См. напр., *Байдуков А.* Христианское вероучение о войне и воинской службе // ЖМП. ^9. М° 8. С.65-69.; *Котиков В.* Полковой священник - главный организатор духовного, "Явственного и патриотического воспитания военнослужащих русской армии. (Там же. 70-80.):

В современной ситуации, когда воспитанию уделяется минимальное значение и происходит подмена нравственных идеалов в обществе очень трудно воспитывать в войне вместо эгоцентрических качеств, качества самопожертвования, дисциплины, ответственности и чести, столь необходима для защитника Отечества, поэтому необходимо ввести религиозный элемент в программы обучения личного состава. По мнению генерала П. Краснова в государстве, отказывающемся от религиозного воспитания и формирующемся только на материальные ценности, никогда не будет хорошей армией потому, что «в день великой борьбы за свое существование будет побеждено людьми, сознательно идущими на смерть, верующими, и бессмертие своей души».² В современных условиях это становится очевидным, так как в вооруженных конфликтах одну из ведущих ролей играют методы «психологической» и «информационной» войны и иная психологическая устойчивость войск становятся необходимым уроком для их боеспособности, а наилучшей «вакциной» от нравственного разложения всегда являлась религиозная вера.* Нравственная же распушенность в армейской среде часто приводит не только к нарушениям воинского устава и дисциплины, но и в случае реальных боевых действий к, когда дикие инстинкты берут верх над разумом, когда вместо кого представления о том, что допустимо и что не допустимо для военнослужащего господствует убеждение - «война все спишет», что в некоторых случаях наблюдалось во время Чеченской войны (1994-1996 гг.)³

²*Краснов П.* Душа армии. // Российский военный сборник. Вып. 13. Душа армии. М., *Психологические операции - это проводимая в мирное и военное время плановая пропагандистская и психологическая деятельность, рассчитанная на иностранные -

враждебные, дружественные или нейтральные аудитории с тем, чтобы влиять на их мышление и поведение в благоприятном направлении для достижения как армейских, так и военных национальных целей США", Психологические операции. эй устав армии США FM 33 -1. Гл. 1.) (Цит. по: *Бенегуров С.* Психологические операции США в Боснии и Герцеговине. // *Солдат удачи.* - 1999. - № 11. - С.34); В США под информационной войной понимаются "действия, предпринимаемые для ведения информационного превосходства в поддержке национальной военной идеологии посредством воздействия на информацию и информационные системы противника, при одновременном обеспечении безопасности и защиты собственной информации и информационных систем" (Цит. по: *Цыганов В.Д., Лопатин В.Н.* тронное оружие и безопасность России. М.: СИНТЕГ, 1999. С.114)

Поэтому армия должна представлять собой не только школу воинского профессионализма и физического возмужания, но и систему воспитания личности её высоких духовных и нравственных качеств, основанных на патриотизме, что невозможно без участия Церкви в этом процессе. Потому, что процесс формирования личности, с христианской точки зрения, осуществляя через возрастание её в нравственных добродетелях⁴.

Как писал когда-то Императору Николаю I граф Ф.П. Толстой: «нравственное состояние войск - суть причина тишины и спокойствия общественного в мирное время и блестящих успехов во дни войны.»⁵ Это прекрасно понимал наш великий полководец А.В. Суворов, у которого необычайно было развито нравственное чувство, что делало его безусловным авторитетом для своих солдат. Строгую нравственность он считал обязательным для каждого воина⁶ и вся его система воспитания солдат основывалась на нравственных принципах Православия, что нашло отражение в его «Науке побеждать». Нравственное возрастание своих воинов он видел в развитии природных качеств, в воспитании и в действии Божественной благодати.

Такие врожденные человеку качества, как ясность и способность ума, чувства и воли, Суворов развивал в солдатах посредством задавания подчинённым неожиданных вопросов: сколько грибов в лесу, или звезд на небе? Такими вопросами он развивал находчивость и инициативу, а в случае замедления в ответе или его отсутствия выражал крайнее своё недовольство.⁷ О важности приобретения и воспитания в воинах нравственных качеств наш русский полководец говорил постоянно, так как благонравие он считал одним из необходимых признаков исправного солдата⁸.

³См. напр., *Серебрянников В.В.* Войны России: социально-политический анализ. М., -С.101. ⁴Платон (*Игуменов*), архим. Нравственность. // Катехизис. Киев: Издание Украинской Православной Церкви, 1991. С. 379.

⁵Цит. по: Российский военный сборник. Вып. 13. - Душа армии. С.567. ⁶«Твой есмь аз» Суворов / Сост.М.Г. Жукова. -М., 1998. С.43. ⁷Там же.С.65.

В своем письме молодому офицеру П.Н. Скрипичину А.В. Суворов показывает образ истинного героя, в котором главные черты относятся к нравственным добродетелям. Герой о котором я говорю... Основательное рассуждение он предпочитает остроумию; будучи врагом зависти, ненависти и мщенья, низлагает своих недругов великодушием и владычеству над друзьями своей верностью.

Он утомляет свое тело, дабы укрепить его; стыдливость и воздержание закон его; он живет, как велит религия, его добродетели суть добродетели великих мужей.... В день сражения или похода размеряет он все предлежащее, берет все нужные меры и вручает себя совершенно Промыслу Всевышнего⁹. Но при обладании всеми этими нравственными добродетелями главную надежду он полагал на помощь Божию. Поэтому, краеугольным камнем в деле воспитания своих войск А.В. Суворов считал насаждение в солдатах истинной религиозности.¹⁰ Как писал исследователь Суворовской воспитательной системы полковник С. Гершельман, верующий солдат в православной вере все, что необходимо было для хорошего воина преданность и любовь к своей Родине, полное послушание начальству, добрый нравы и честность. "И все это воспринималось солдатом не с помощью научной мозговой работы, а прямо сердцем, и было потому так твердо в креплено, что являлось плодом не разумения и памяти, а веры."¹¹ Вся цель «капральских бесед» великого полководца была наполнена молитвами и обращениями к Богу, Пресвятой Богородице и святым.¹² Поэтому глубокое упование на помощь Божию, которая подается по личной вере, молитвам и благочестию не только полководца, но и его подчиненных, помогла одерживать русскому воинству под его руководством удивительные победы

⁸См.тамже. С. 18. ⁹ Цит. по: Переписка Российского Генералиссимуса Князя Итальянского Графа андра Васильевича Суворова Рымникского. СПб., 1808. С.20-22. ¹⁰*Гершельман С.* Нравственный элемент в руках Суворова. СПб., 1892. С.101. ¹¹Там же. ¹²«Твой есмь аз». С.54.

Его слова: "Безверное войско учить - что перегорелое железо точить» - основывались на личном опыте и знании особенностей духовного русского солдата. Именно религиозность русского солдата являлась основой его высоких боевых качеств. Об этом писал в частности наш

исследователь наследия Суворова генерал М.И. Драгомиров¹⁴, для которого нравственный элемент в воспитании войск имел также большое значение¹⁵

Опыт, приобретенный нашими Вооруженными Силами в современных военных конфликтах, уже на практике свидетельствует о необходимости и большом значении религиозно-нравственного воспитания. Так как от состояния души воина в боевой обстановке во многом зависит боевой дух и благополучный исход в тяжелых ситуациях, когда только сочетание высоких нравственных качеств и вера в помощь Божию помогали воинам одерживать победы в боях.

4.2. Духовный элемент в воспитании воинов

Несмотря на развитие современных средств уничтожения противника, важнейшим элементом войны и боя всегда будет оставаться человек и от состояния его духа во многом будет зависеть успех сражения¹⁶. Особое внимание духовному фактору в деле воспитания войск уделяли деятели русской военной эмиграции. Они вывели целое понятие «Душа Армии», под которой разумели всю совокупность духовных процессов, происходящих во внутреннем мире воинского организма. Этим они обозначали "познающее и обеспечивающее преемственную связь поколений воинов, веками вырабатывающее в войске морально-нравственные качества (добродетели), позволяющие армии осознанно выполнять долг по защите Отечества, одерживать победы и возрождаться в случае поражения или упадка".¹⁷

¹³Цит. по: «Твой есмь аз». С.53. ¹⁴ См: Драгомиров М. Одиннадцать лет: 1895 - 1905 гг.: Сборник оригинальных и переводных статей М. И. Драгомирова за 1895 -1905 гг. Кн. 1. СПб., 1909. ¹⁵С.м. Там же. С.278.

На этот фактор обращали свое внимание и талантливые советские полководцы, например Г.К. Жуков, который всегда при планировании операций учитывал моральное состояние не только своих войск, но и войск противника. Подавило выведенное еще Наполеоном о том, что успех в сражении на $\frac{3}{4}$ зависит от моральных сил и только на $\frac{1}{4}$ от сил материальных остается актуальным и при нынешнем развитии военной техники¹⁹.

Учитывая данное соотношение, теоретики военного искусства вывели общую характеристику, по которой можно судить о боеспособности армии - воинский дух. По определению генерала Леера - "воинский дух есть общий итог всех тех нравственных качеств, которые тренируются войною (храбрости, находчивости, дисциплины, доведенной до высокого сознания чувство долга, доверия к себе, к соседу, начальнику, короче - взаимного доверия, являющегося ключевым камнем в деле воспитания войск.)" Собственно вся подготовка к войне, по мнению генерала М. Драгомирова, должна сводиться к развитию в солдатах воинского духа, так как именно в нем заключена истинная мощь армии²¹. В противном случае армия превратится в свиное стадо, неспособное сопротивляться врагу и более опасное своим, чем чужим"²².

При этом воинский дух коренится в нравах, т.е. добродетелях, которые необходимо воспитывать. Но так как армия является в социальном плане еще и частью общества (народа), то это привносит в неё известный запас нравственных качеств, выработанных в народе не без влияния Церкви, обязательно, мы опять приходим к необходимости учитывать религиозный характер, как неотъемлемую часть нравственного воспитания воинов.

¹⁶ Штейфон Б. Воин - Христов // Душа армии. С. 322. *ин И.* Краткий очерк военной мысли Русского Зарубежья. // Российский военный. Вып. 16. Военная мысль в изгнании. М., 1999. С. 518. *оное К.* Маршал Жуков (Заметки биографии) // Маршал Жуков: полководец и ж. Сборник. - В 2-х томах. - М., 1988. Т.2. С.173. *Масловский Е.* На кавказском фронте // Российский военный сборник. Вып. 16. С.нный дух // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. - СПб, 1892. Т. 12. *гомиров М.* Указ. Соч. С.37.

Действительно, только религиозная мораль может подвигнуть человека на постоянное следование добродетелям и только посредством религиозной веры человек может получить необходимые силы для торжества добрых устремлений в своей душе. Как писал священномученик протоиерей Иоанн Восторгов, об этом свидетельствует вся история человечества и религия «одна вдохновляла людей на величайшие подвиги, осмысливала, просвещала и освещала самый патриотизм и всякое геройство»²³.

Если же обратиться к одному из понятий характеризующих нравственное сознание, а именно к понятию долга, то верность в его соблюдении, в данном случае - воинского долга, признается добродетелью со стороны государства. А для того, чтобы долг, понимаемый человеком как необходимо следовать в своих поступках нравственным идеалам, стал не только человеческой

или государственной добродетелью, но добродетелью религии, необходимо признать должным "всё то, что служит утверждению богоподобного достоинства человека, благу ближних и славе Божией"²⁴. Это вполне возможно в нашем случае, так как для христианина исполнение воинского долга представляется как выполнение двуединой заповеди Господа Иисуса Христа о любви к Богу и ближним (Мф. 22,37-38; Мк. 12,30; Лк. 10, 27).

В таком случае, соотнося воинские добродетели с нравственными добродетелями в православном богословии мы сможем не только показать их общность, но и добиться религиозной мотивации в их исполнении, как наиболее сильной. Сами же нравственные добродетели открывают путь к утверждению "человеческой бытийности в Боге", что является общим определением для такого нравственного понятия как духовность.²⁵

²³ *Иоанн Восторгов, священномуч. прот.* Полное собр. соч. в 5-ти т. СПб., 1995. Т.3. ²⁴ *Платон (Игуменов), архим.* Нравственность //Катехизис. Киев, 1991. С.375. Гл. 2: Патриотизм.

Другим словом можно охарактеризовать как "степень преображенности человека Божественной благодатью"²⁶. Необходимость стяжания личной духовности как качества дающего воину источник неисчерпаемой помощи Божией, но качества, которое не может оставаться статичным, а требует постоянных личных усилий, об этом заботился А.В. Суворов и продолжатели его традиций.

О том, что личная духовность нашла себе особое выражение в русской а, писал наш религиозный философ И.А. Ильин. По его выражению, «Суворов, идя по стопам Петра Великого, выдвинул идею солдата как религиозно верующей и несущей духовное служение личности, где воинская инициатива и импровизация ценились всегда по заслугам»²⁷. Эта идея, лёгшая в основу военно-воспитательной системы русской армии, давала существенные преимущества русскому солдату, так как он, в отличие от западного солдата, понуждался к исполнению своего воинского долга не страхом наказаний и не материальной выгодой, а религиозными и патриотическими идеалами. Ибо укреплять свой воинский дух русский солдат должен был, по заповеди А.В. Суворова, "в вере отеческой, православной"²⁸. О правильности подобной идеи, на основании которой воспитались столь удивительные качества русского воина, можно судить по тем оценкам, какие давались нашими противниками русскому солдату: Прусский король Фридрих Великий говорил: "Русского солдата мало убить, его нужно ещё и повалить!"²⁹ Германский генеральный штаб в 1913 г. отмечал: "Русский солдат очень вынослив в физическом отношении и мало требователен. Вместе с этим Русская военная часть обладает исключительной способностью быстро оправляться от неудачных боев и быть опять способной к обороне."³⁰

²⁵ *Платон (Игуменов), архим.* Указ. соч. С.379.²⁶ Там же, С.380. ²⁷ Цит. по: Российский военный сборник. Вып. 16. С.596. ²⁸ Душа армии. С.322. ²⁹ Цит. по: «Твой есмь аз». С. 18.

Главный движущий фактор в этом явлении, который заставлял солдат, не смотря на поражения, не охладевать в исполнении своего долга, была вера в Бога, что но заключить из слов генерала М.В. Алексеева*. Поэтому наши исследователи военного прошлого из среды военной эмиграции особенно настаивают на воспитании в первую очередь душ воинов без чего невозможно не только иметь хорошую армию, но и спокойствие в государстве³¹.

Конечной и главной целью воинского воспитания является достижение победы воспитываемой армии в случае вооруженного конфликта. Хотя победа в каждом конкретном случае складывается из многих обстоятельств, но и в современных условиях развития военной техники окончательное решение остается за состоянием духа, или, как сейчас принято называть, психологическим состоянием бойцов. Ещё генералиссимус Суворов говорил, "не брэнное человеческое тело одерживает на войне победу, а бессмертная душа... и если душа воина велика и могуча, не предается страху и не падает на войне, то и победа несомненна, а потому и нужно воспитывать и закалять сердце воина так, чтобы оно не боялось никакой опасности и тогда было неустрашимо и бестрепетно!"³²

Поэтому, если война - это борьба двух волей, где каждая сторона желает господствовать над волей противника³³, то победа будет за той стороной, у которой воля более укоренена в нравственных, а, следовательно, и в воинских добродетелях.

³⁰ *Головин Н.* Военные усилия России в мировой войне. // Российский военный сборник. 1.16. С.110.

Будучи начальником штаба Императорской армии, в 1916г. говорил: "... А я вот зтлив, что верю, и глубоко верю в Бога и именно в Бога, а не в какую-то слепую и яичную Судьбу. Вот вижу, что война кончится нашим поражением, но выдумаете, и это охлаждает хоть на минуту в исполнении своего долга? Нисколько, потому что

Страна должна испытать всю горечь своего падения и подняться из него рукою Божьей. Помощи, чтобы потом встать во всем блеске своего богатейшего народного нутра". *Головин Н.* Там же, С. 111).*

³¹ См. напр., *Колесников Н.В.* О стратегии духа и прежних ошибках. // Душа армии. 09.

³² Цит. по; Твой есмь аз, С.61. ³³ *Хольмстон - Смысловский Б.* Сущность стратегии малой войны. // Российский военный сборник. Вып. 16. С.368.

Но, так как нравственность не может быть постоянным спутником человеческой жизни без религиозного ее оправдания, то воля воина должна стремиться к высшему христианскому совершенству любви, без которой невозможно самоотверженно нести воинское послушание в православном понимании, основывающееся на заповеди Господа Иисуса Христа: "Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих" (Ин. 15,13). Другими словами необходим нравственный подвиг, основой для которого всегда является любовь, направляющая волю христианина к совершению героических, не только в нравственном плане, поступков. Без этого невозможна никакая победа, ни над собой, ни над противником. Такое нравственное усилие происходит от веры, любви и от других Богом данных источников благодати и освящения. В этом процессе становления христианской духовности воинов важнейшей областью деятельности является их личные молитвы и нравственно-аскетическое делание. Только исходя из таких рассуждений можно вполне объяснить убежденность наших славных древних защитников Отчизны в том, что победа есть дар Божий, подаваемый за благочестие тем, кто защищает с оружием в руках покой своих ближних³⁴.

Отсюда мы можем сделать вывод о том, что нравственное воспитание воинов, формирование их личной духовности, как необходимые условия их высокой боеспособности, должны основываться на принципах православной христианской веры, что вполне очевидно прослеживается в истории Русской и Российской Армии. Потому, что только вера дает крепость духа в реальных боевых испытаниях, укрепляет волю в необходимых воинских добродетелей помогает найти правильный выход в сложных нравственных ситуациях, которые часто возникают как во время, так и после участия в вооружённых конфликтах.

³⁴ «Твой есмь аз». С.77.

4.3. Этика православного воина

О том, что для защитника Отечества необходимо нравственное и духовное воспитание и о важности его мы рассматривали в предыдущих главах, теперь попытаемся сформулировать само понятие этики православного воина и дать христианское наполнение некоторым качествам необходимым при исполнении воинского долга. Задачей этого раздела является попытка обосновать с точки зрения славного вероучения необходимость приобретения наиболее важных добродетелей не только для того, чтобы это способствовало росту воинского мастерства православного воина, но и чтобы само преуспевание представлялось нравственно оправданным. Это можно осуществить, показать, что требуемые воинские качества являются такими же необходимыми и для возрастания в христианских добродетелях поэтому, приобретая их, военный служащий, повышает не только свой профессионализм, но и развивает в себе с Божией помощью качества необходимые для стяжания вечного Царства Христова. Подтверждение этому мы можем найти, например в посланиях апостола Павла, который в своих нравственных увещаниях часто указывает на соответствующие качества у воинов которыми должен обладать и верующий во Христа. В частности, во Втором Послании к Тимофею апостол говорит о необходимости стойко переносить страдания, ибо терпение лишений присуще хорошим воинам: "Итак, переноси страдания, как добрый воин Иисуса Христа" (2 Тим. 2,3). С другой стороны, о возможности таких параллелей можно судить по выводу сделанному С. Гершельманом: "Войска могут обладать нравственным элементом лишь тогда, если воины, их составляющие, как единицы единого целого составного тела, будут на высоте воинских доблестей"³³, очевидно, что верно и обратное утверждение: войска будут на высоте воинских доблестей, если воины, их составляющие будут носителями высокой христианской нравственности. Таким образом, на основах православной веры в войне можно сформировать нравственный стержень, который всегда будет служить залогом его высокого воинского духа, поможет избежать воинских преступлений и не в возможные искушения и грехи, связанные с прохождением воинского служения.

Военный писатель русской военной эмиграции А.А. Керсновский 1905-1944 гг. различает понятия военной и воинской этики. По его мнению военной этикой следует понимать

«совокупность правил и обычаев кодифицированных, так и не кодифицированных, - которыми противники должны руководствоваться на войне»³⁶, а под воинской этикой следует понимать совокупность правил - писанных, но, главным образом неписанных, - которыми члены военной семьи руководствуются при сношениях друг с другом при этом, писанные правила воинской этики в достаточной мере отражены в воинских уставах³⁷.

В нашем случае эти два понятия объединены в более общее - этику явного воина, так как в ней будут рассматриваться вопросы, относящиеся как к военной, так и к воинской этике. Такой подход отражает предписания характерные для рыцарской этики, в которой защита слабых было одним из направлений её,³⁸ и для суворовской «Науки побеждать», где основы поведения в бою соединены с вопросами взаимоотношений внутри воинского коллектива и даже обывателями³⁹. В отличие от представлений о воинской этике, которые складывались в период советской воспитательной 1Ы, в основе которой лежал ленинский критерий нравственности: «нравственно все то, что способствует движению к коммунизму»⁴⁰, в основе этики лежат христианские заповеди. Применяя их к жизни воина, мы этим поможем дать ему нравственный ориентир, по которому он будет строить свою армейскую жизнь и приобретать качества необходимые ему не для успешного выполнения своего воинского долга, но и для духовной жизни во Христе.

³⁶ Керсновский А. Качества военного человека. // Душа армии. С.364. ³⁷ Там же, С.366. ³⁸ Флорижан. Идеология меча. Предыстория рыцарства. СПб., 1999. С.102. ³⁹ Тактика или разговор Суворова с солдатами их языком о науке побеждать. // Духго Суворова или Анекдоты... СПб., 1808. С. 151. ⁴⁰ Волкогонов Д.А. Беседы о воинской этике. М., 1977. С.8

Но при этом не следует забывать, что некоторые аспекты воинской службы, например, убийство противника на поле боя, выходят за рамки чисто этической проблемы добра и зла и должны рассматриваться в плоскости религиозной - с точки зрения простимости или непростимости известных деяний.

Воинская этика на основе православной веры не может рассмотреть все конкретные ситуации, которые возникают перед воином при прохождении службы, поэтому в нравственно затруднительном случае верное решение испрашивается у Подателя мудрости (Иак. 1. 5) вместе с самонаблюдением за своим внутренним нравственным чувством. Это возможно только при возрастании в христианских добродетелях веры, надежды, любви и молитвы. Поэтому, в силу высоты и ответственности воинского служения, воин вынужден отказываться от многих допустимых с точки зрения гражданского общежития действий, таких, как, например, приоритет семейных дел над делами связанными с воинской службой. В идеале, по мнению генерал-майора Попова А.Г. (1884 - 1968 гг.), для офицерского корпуса желательным было бы безбрачие⁴¹. Вследствие этого, военная служба по своим требованиям приближается к монашескому образу жизни и войско можно сравнить с огромным монастырем⁴².

Таким образом, под этикой православного воина следует понимать те нравственные нормы христианской жизни, руководствуясь которыми военнослужащий сможет достойно проходить свое служение в специфических условиях исполнения воинского долга. Исходя из этого определения, можно сказать, что такую этику интересуется, прежде всего, те нравственные качества, применяя которые воин не только сможет правильно построить свои отношения с сослуживцами, но главным образом проявить их в боевой обстановке, когда требуется самоотверженность, бесстрашие и самообладание.

⁴¹ Попов А. Философия воинской дисциплины. // Душа армии. С. 309. ⁴² Там же. С.32.

4.3.1. Нравственная ответственность воина.

О том, что на войне, как на человеке, которому вручено в руки оружие лежит большая нравственная ответственность – это вполне очевидно и не требует особенных доказательств. Нравственная ответственность воина, как одна из важнейших форм нравственного сознания должна соответствовать той степени нравственного доверия, которая оказывается человеку, имеющему в своих руках оружие. Смысл нравственной ответственности в данном случае заключается в самоотдаче личности при реализации той свободы, которая предоставляется военнослужащему рамками воинских уставов, или отданными приказами. Осознание своей ответственности способно оградить воина от совершения бесчестных, не должных и недостойных поступков, уберечь его от преступлений, которые могут возникнуть на воинской почве, и привести его к принятию требований воинской чести, долга и совести. В этом деле первым и наиболее доступным средством может служить совесть, как постоянно действующий элемент нравственного

сознания человека. Совесть в правильном случае ее функционирования, является показателем «вложенного Богом в человеческую природу знания добра и зла»⁴⁴. Чтобы добиться правильного состояния совести необходимо благодатное воздействие на нее и здесь в первом ряду должны стоять "воздействие на человеческую душу Слова Божия и молитвы"⁴⁵. Поэтому так важно организовывать военнослужащих возможность посещения православных богослужений.

Сознание своей ответственности перед Богом, государством, товарищами по оружию, окружающим миром и перед совестью является преградой возможных нарушений нравственных норм. Положительной стороной в данной форме нравственного сознания является то, что "сознание ответственности является фактором, контролирующим и дисциплинирующим личность и направляющим ее силы на осуществление в личной и общественной дел правды и долга, чести и нравственной доблести",⁴⁶ что важно для созидания личности воина. В случае же ситуации, когда военнослужащему трудно самому разобраться в виновности или невиновности совершенного думанного деяния, когда воспоминание о совершенном или задуманном и сопровождающие их оттенки чувств не дают однозначного ответа, то в таких случаях особенно необходима помощь православного священника. Духовный наставник, способный объективно проанализировать и оценить ситуацию, т.е. определить степень ценности совершенного деяния, может суждение о величине личной ответственности военнослужащего. Такая деятельность священника духовно окормляющего воинов особенно важна в ситуациях во время, и после участия военнослужащих в вооруженных конфликтах.

4.3.2. Воинский долг.

Такое понятие как воинский долг является основной характеристикой, которой мы можем судить о самом воинском служении. Воинский долг Обязанность гражданина перед своим государством по его защите и эта обязанность выражается в требованиях воинской присяги и воинских уставах, которые силой закона обуславливают саму необходимость его исполнения. Пока существует в мире угроза войны, исполнение воинского долга, а будет оставаться необходимостью и от тщательности в его исполнении во многом будет зависеть спокойствие государства и благополучие его граждан. Вследствие этого, необходимость в выполнении воинского долга на обосновываться не внешним понуждением, а более сильными внутренними мотивами - нравственными.

Следует отметить, что нравственное учение о долге как таковом, составляет один из важнейших разделов этики⁴⁷. Само понятие долга укоренено в человеческой природе и неразрывно соединено с нашим бытием. Отказаться от него все равно, что отказаться не только от звания христианина, звания человека вообще, отказаться от достоинства человеческого.⁴⁸ Поэтому, верность в исполнении долга уже представляется добродетелью достойной человека. Долг предполагает исполнение определенных обязанностей перед кем-то за оказанные благодеяния. Эти обязанности нравственное осознание представляет как необходимость ответного благодеяния или жертвы чем-либо. В данном случае воинский долг есть нравственный долг Д Отчеством за те блага, которые оно предоставляет своим гражданам.

На уровне отдельной человеческой личности долг является важнейшей санкцией нравственного сознания и в каждой конкретной ситуации обуславливает её поведение как нравственно необходимое. Долг помогает человеку, в нашем случае воину, хорошо знать свои обязанности и удерживаются от не должного - от нарушения воинской дисциплины и совершения преступлений. Главным фактором для избежания возможных коллизий между нравственными и служебными обязанностями, служит правильная нравственная ориентация воина, когда он имеет правильные нравственные ценности, вытекающими из его христианской православной веры. Тогда военнослужащий сможет отличить высшие от второстепенных или даже от безнравственных обязанностей и не пойти, например, на поводу у других сослуживцев, которые толкают его на нарушение его воинского долга, обосновывая это воинской субординацией.

В представлениях XIX-го века такое качество как долг являлось одной из главных добродетелей военного человека⁴⁹. Русский солдат всегда отличался этим качеством, как писал один полковой священник, времен Японской войны: "Сознание долга и верность данной присяге всегда составляли ореол величия нашей русской армии. Перед лицом долга не страшна даже самая мучительная смерть"⁵⁰. Другой наш церковный деятель, митрополит Алексей (Симанский), во время Великой Отечественной войны так отзывался о качествах защитника Родины: "Он готов

отдать все свои силы на защиту ее; он рвется в бой за ее честь, неприкосновенность и целостность и проявляет беззаветную храбрость, полное презрение к смерти. Не только как Долг, священный долг, смотрит он на дело ее защиты, но это есть непреодолимое веление сердца, порыв любви, который он не в силах остановить, который он должен до конца исчерпать".⁵¹ Причину этого явления можно объяснить тем, что в основе чувства долга лежит справедливость, обостренная чувствительность к которой всегда отличала русского православного человека. В Православном исповедании Кафолической и Апостольской Церкви Восточной (1662 г.) справедливость определяется как добродетель «воздающая каждому должное и соблюдающая долг свой без рассмотрения лиц, не только в делах, касающихся богатства, но и чести и достоинств».³²

Как уже было показано выше с понятием воинского долга очень тесно связана **воинская присяга**, поэтому необходимо дать для верующего чело-основание её необходимости из-за распространившихся сектантских взглядов о недопустимости для христианина любого рода клятв. Понимание присяги как некоей внешней необходимости при помощи, которой можно обязать человека выполнять воинский долг, не может вполне удовлетворить нравственное сознание. Это понимал ещё А.В. Суворов, который в своих поучениях солдатам обращал их внимание на религиозный ее смысл как завета с Богом: "Один десятерых своею силою не одолеешь, помощь Божия нужна! Она в присяге: будешь богатырь в бою, хоть овцой в дому; а овцой в дому так и останешься, чтобы не возгордился...". Хотя эти слова и относились к тексту старой присяги, которая была клятвой именем Божиим и скреплялась крестным целованием, но и в современных условиях православный верующий может соотносить слова присяги по смыслу с обещанием особенно ревностно исполнять заповедь Христову о любви к Богу и ближним в условиях воинского служения. Тем более что сейчас по договоренности с командованием части в некоторых случаях желающие могут принять присягу ещё дополнительно и в православном храме. Для верующего человека особенно важно, так как воинская служба действительно примет черты обета Богу, как это видно из слов протопресвитера военного духовенства А. Желобовского: "Нарушить присягу, или исполнять ее нерадиво, небрежно, без любви и усердия, значит - нарушить обещание, данное Богу, значит обмануть Самого Царя Небесного, какой страшный, непростительный грех!"³⁴

⁵¹ *Алексий, митр. Ленинградский.* Слово за литургией в кафедральном Богоявленском соборе в Москве 10 августа 1941 г. // Правда о религии в России. М., 1942. С.99. Православное исповедание Кафолической и Апостольской Церкви Восточной // Магические послания православных иерархов ХУІ - ХІХ веков о православной вере. И Вопр. 12. - Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1995. - С.І 13 г. по: «Твой есмь аз». С. 5 5.

Что же касается возражений противников произнесения любых клятв, то слова Спасителя «... не клянись вовсе.... Но да будет слово ваше: «да, да»; «нет, нет»; а что сверх этого, то от лукавого» (Мф. 5., 33-36; См. Иак. 5 12), свидетельствуют лишь о чрезмерном и неразборчивом употреблении клятв с именем Божиим иудеями современниками Иисуса Христа. Сам же Спаситель, будучи с клятвою спрошен на суде (Мф. 26,63-64.), «принял присягу и под присягою показал, что Он действительно есть Мессия, Единый Сын Божий»⁵. Апостол Павел в своих Посланиях употреблял вид клятвы, например, чтобы ободрить своих учеников в Филиппах: "Бог – свидетель, что я люблю всех вас любовью Иисуса Христа" (Фил. 1,8.; Ср.: Рим. Кор. 1,23.). В своем Послании к Евреям он прямо указывает на это, как на способ прекращения всякого спора (Евр. 5. 16.), а в Первом послании к Тимофею среди разных грешников апостол указывает и клятвопреступников (1 Тим. 1,10.) Все же настойчивые внушения святителя Иоанна Златоуста "не клясться, на которые любят ссылаться противники а и присяги, относятся тоже к злоупотреблениям клятвою, так как Антиохийцы, современники святого отца, по его словам, так пристрастились к клятве, что без употребления ее не могли и беседовать между собою"³⁶. В свете такого взгляда на воинскую присягу измена ей представляется не только тягчайшим воинским преступлением, но предательством по отношению к вере. Как пишет исследователь повести Н.В. Гоголя «Тарас Бульба» К. Хоцянов, убийство Тарасом своего сына Андрея произошло за предательство главной идеи казацкого служения - защиты веры. Само же физическое убийство является лишь итогом того нравственного убийства, которое совершено в душе предателя³⁷.

⁵⁴ *Желобовский А., протопр.* Слова, беседы, поучения. СПб., 1889. С.99. ⁵³ *Гусев А., проф.* О клятвах и присяге. Против современных отрицателей ее. Казань, ⁵⁶ *Гусев А., проф.* Указ. соч. С.21.

Предательство своего Отечества, своих товарищей всегда считалось тягчайшим грехом оскорбительным для воина и приравнивалось к предательству Иуды. Как отмечает *С.С. Аверийцев*, в традиции древнего христианского символизма предательство Иуды предстает равнозначным воинской измене, а не просто нечестия. Действительно, измена своей воинской семье, а тем более переход на сторону врага в древности являлся равнозначным «Иудиному греху», так как традиционное обращение русских воинов друг ко другу было «братцы» и далось оно не только на

общем для всех роде служения, но и на духовном родстве, которое осуществлялось посредством церковных Таинств - причастности всех Телу и Крови Христовым.

Именно такими соображениями руководствовался Поместный Собор Русской Православной Церкви в 1943 году, когда своим постановлением от 8 сентября этого же года провозгласил, что: "Всякий виновный в измене общецерковному делу и перешедший на сторону фашизма, как противник Креста Господня, да числиться отлученным, а епископ или клирик – лишен сана. Аминь"⁵⁹. Поэтому любая добровольная сдача в плен, даже если это мотивируется «избеганием напрасного кровопролития», всегда есть нравственное преступление и зараза, которая разлагает армию, так как "Армии и Флоту и Родине легче перенести гибель в честном бою корпуса, эскадры, чем их сдача врагу"⁶⁰.

Проблема пленения все-таки требует своего рассмотрения из-за неоднозначного к ней отношения в историческом прошлом нашего государства. С одной стороны, генерал А.А. Брусилов (1853-1926) говорил: "Для малодушных, сдающихся в плен или оставляющих строй, не должно быть пощады",⁶¹ с другой стороны, если воин исчерпал все средства сопротивления и не может уже наносить ему поражения вследствие ранения или иных объективных причин, то попадание в плен уже нельзя считать актом предательства, хотя и нельзя считать проявлением доблести, так как главное в войне является не поражение, а победа в бою.

⁵⁷ Хоцянов К. Опыт разбора повести Гоголя: «Тарас Бульба». СПб., 1883. С.39. ⁵⁸ Аверинцев С.С. Поэтика ранневизантийской литературы. М., 1977. С.126. ⁵⁹ Постановление Собора от 8 сентября 1943 г. // ЖМП. 1943. № 1. С.16. ⁶⁰ Керсновский А. Качества военного человека. // Душа армии. С.369.^b

В свое время Г.К. Жуков очень нелестно отзывался о знаменитой во время Великой Отечественной войны формуле, которую выдвинул главный политработник страны Мехлис: "Каждый, кто попал в плен, - предатель Родины". По смыслу этой формулы, всякий военнослужащий, оказавшись перед угрозой пленения, должен был покончить жизнь самоубийством и тогда к нескольким миллионам погибшим на фронте, добавилось бы еще несколько миллионов самоубийц. Позорность этой формулы, по мнению нашего полковника, заключается в том недоверии к солдатам и офицерам, которое она выражает, "в несправедливом предположении, что все они попали в плен из-за собственной трусости".⁶²

Как пример общецерковного отношения к этой проблеме можно привести слова священномученика патриарха Гермогена, который в своих грамотах писал: "Обращаюсь к вам, бывшим православным христианам всякого чина, возраста и сана... ибо вы отступили от Бога, возненавидели правду, отпали от Соборной и Апостольской Церкви... преступили крестное целование и клятву стоять до смерти за дом Пресвятой Богородицы и за Московское государство и престали к ложно мнимому вашему царьку... А которые взяты в плен, как Филарет митрополит и прочие, не своею волею, но нуждою, и на христианский закон не стоят, и крови православных своих СВ не проливают, таковых мы не порицаем, но молим о них Бога, чтобы Он отвратил от них и от нас праведный гнев Свой... то мученики Господни".⁶³ Как показывает современный опыт пребывания военнослужащих в плену, любые издевательства и лишения значительно легче перенести если человек в такой ситуации находит опору в религиозной вере.^{64*}

В связи с понятием воинского долга необходимо рассмотреть проблему, которую можно обозначить как: **проблема приказа**. Не вызывает сомнения такая солдатская поговорка: "Приказ свят, без дисциплины солдат не солдат"⁶⁵ и то, что приказ для военнослужащего должен звучать как собственное желание. Но можно ли подчиняться заведомо преступным приказам? Без сомнения, для воина считающего себя православным христианином может быть только однозначный ответ - нет! Таким приказом можно считать убийство мирных, безоружных людей, убийство пленных и другие приказания, требующие нарушения закона Божьего. Для православного руководством для разрешения этой проблемы могут служить слова святителя Тихона Задонского: "Что не противное закону Божию приказуют, слушай и исполняй: в противном не слушай, яко повиноватися подобает Богу паче, нежели человекам (Деян. 5. 29.) Тако поступали мученики святии... велит неправду делать, обидеть, украсть, солгать и прочая, не слушай. грозит за то казнию, не бойся"⁶⁷.

Примером не выполнения преступного приказа в современной российской истории можно считать отказ спец подразделения «Альфа» штурмовать «Белый дом» в 1991 году, так как это привело бы к массовым жертвам среди мирных граждан.

Воинский долг подразумевает ответственное отношение **к освоению воинской специальности**. В этом деле не должно быть лени или нерадения, так как от успехов в боевой учебе зависит победа в реальном бою.

⁶⁴ Джерелиевский Б. Чеченский плен // Солдат удачи. 2000. № 3. С.8. Здесь следует привести пример героического, не только с точки зрения общества, но и с оной, поведения в плену российского воина Евгения Родионова. Рядовой - ичник попал в чеченский плен в феврале 1996 года и, несмотря на возможность 'я в живых, приняв ислам, под пытками и побоями не изменил ни Христу, ни ой присяге. Как показывает практика, за переменной веры сразу же следовало и воинскому долгу - изменников заставляли расстреливать своих пленных товарищей. (Шкурко В.Н., Дудко Д., сеящ. Я - Христианин. //Русский Дом. -1999. - № 1. 45.)

⁶⁵ Военные пословицы русского народа. Л, 1945. С.42. ⁶⁶ Золкогонов Д.А. Доблести. М., 1981. С.39.

О необходимости такой подготовки для воинов писал архиепископ Иннокентий (Борисов), ибо победа - главная цель, к которой необходимо усердно готовиться: «Посему-то и стараются заранее быть готовыми к брани; по ему-то и без брани постоянно упражняют себя в искусстве сражаться»⁶⁸.

Кроме интеллектуального обучения для военнослужащих необходимо и укрепление своих физических сил, ибо физическая усталость действует на психику человека аналогично действию страха: "она притупляет рассудочность и волю"⁶⁹. Поэтому, как пишет святитель Василий Великий: «Обучающие телесным упражнениям, стараются упражняемых сделать самыми сильными и ловкими, чтобы, при силе и опытности совершив искусный подвиг, оказались они славными победителями противоборцев»⁷⁰.

В освоение воинской профессии, таким образом, входит часто и изучение приемов рукопашного боя. Хотя это, как кажется, и вступает в видимое противоречие со словами Спасителя: "Ударившему тебя по щеке подставь и другую"(Лк. 6529.), но это лишь видимое противоречие, как покато, было выше* и для исполнения воинского долга часто является необходимым именно такой вид обучения. Главное в изучении различных видов единоборств не позволять себя заставить изучать «духовную основу» и источник того или иного единоборства с соответствующей психотехникой, так к в основе их лежит буддизм в китайском или японском варианте или язычество, с его многочисленными богами⁷¹. В противном случае это будет уже замаскированной изменой православной вере и становление на гибельный для души путь псевдодуховности. Православному военнослужащему Обходимо помнить слова И.А. Ильина о том, что сама подготовка к исполнению воинского долга: навыки в обращении с оружием, изучение японской борьбы легко могут пробудить в человеке страсти, ввести его в ожесточение дать ему "особое наслаждение азарта" и пробудить в нем свирепые и кровожадные инстинкты.

⁶⁷ Тихон Задонский, сет. Творения.. М., 1875. Т. 3. С.345.

⁶⁸ Иннокенти (Борисов), архиеп. Сочинения. Т. 3. Слова и речи. СПб., 1908. С.407.

⁶⁹ Головин Н. Обширное поле военной психологии//Душа армии. С. 19-20.

⁷⁰ Василий Великий, сет. Творения. СПб., 1911. Т. 2. С.517. ^ Гл. 1. Отношение Церкви к войне и воинскому служению.

⁷¹ Никифоров Ю. Здоров ли дух в здоровом теле? Об антихристианской сущности очных единоборств. //Православная беседа. 1998. № 2. С.10.

«Человек, - как пишет философ, - не машина и не ангел; его неуравновешенная и страстная душа вовлекается в эту борьбу не только лучшими своими силами, но и худшими своими сторонами», поэтому необходимо впоследствии гасить и обезвреживать в себе тот враждебных и ли озлобленных порывов и чувств "и притом именно потому, что в момент борьбы они бывают целесообразны."⁷²

Исходя из выше сказанного, можно говорить не только о допустимости, но и о необходимости закалять и упражнять свое тело верующему воину, так как здоровье - это дар Божий и слова А.В. Суворова о важности здоровья для воинов и сейчас остаются актуальными⁷³. Но этот процесс не должен способствовать формированию «культы тела» и пробуждению греховных страстей, все должно проходить в гармонии вместе с возрастанием в христианских добродетелях.

⁷² Ильин И.А. О сопротивлению злу силою. Берлин, 1925. С. 179.

⁷³ Дух великого Суворова... С. 157.136

В связи с этой проблемой необходимо рассмотреть вопрос о **соблюдении религиозных постов** несущими воинскую службу православными христианами. По словам святителя Василия Великого: "Кто упражняется в военном деле, кто занимается телесными упражнениями, тем свойственно укреплять свою плоть обилием пищи, чтобы с большими силами приниматься за труды", но далее святой отец пишет, что "и воинские станы, и путешественники, и мореплаватели, и купцы, все равно слышат и с радостью принимают повеление (о посте)"⁷⁴. В современных условиях, к сожалению, нельзя всерьез говорить о соблюдении постов, тем более что военнослужащие часто очень ограничены в выборе даже самой необходимой пищи. Но и в старой Русской армии все солдаты и офицеры имели послабления в исполнении своих религиозных

обязанностей. Так, например, по Уставу внутренней службы 1910 года дни говенья православных воинских чинов ограничить неделей.

В эти дни конкретная рота, в порядке определенном командиром воинской части, посещала церковные богослужения, освобождаясь при этом от выполнения очередных нарядов, а занятия проводились в часы свободные от церковных служб⁷³. Естественно, что во время походов, учений или ведения боевых действий вообще всякие посты отменялись.

На основании имеющегося опыта можно лишь говорить о желательности воздержаться от мясной пищи лишь накануне дня исповеди и причастия, в тех воинских частях, где налажено регулярное посещение военными богослужений в православном храме. Чувство долга всегда помогало нашей армии выстоять в тяжелые годы и смутные времена. Для военного человека осознание важности этого чувства не только для исполнения своих служебных обязанностей, но и для нравственного совершенствования на пути стяжания благодати Святого Духа поможет быть более усердным в деле защиты нашего Отечества и даст необходимую нравственную крепость в положении, когда даже само некое служение подвергается дискредитации.

4.3.3. Воинская честь

Само понятие воинская честь является наиболее трудным для однозначного определения из-за множества понятий, которые в нее вкладываются. По словам Альфреда Де Виньи, честь - это «некое неприкосновенное «святая святых», нечто вроде второго сердца, где царит Божество», честь можно определить как совесть, но совесть болезненно чуткую, которая подразумевает уважение к самому себе и к достоинству своей жизни, доведённое до крайней степени чистоты.

Свт. Василий Великий. Творения. СПб., 1911. Т. 2: Кн. 5. С.85. См. Устав внутренней службы. 23 марта 1910 г. - СПб, 1910. -Гл. X., ст. 550-552. - Хотя в древности русские воины соблюдали пост даже в самых тяжелых условиях крепостной осады и одерживали при этом победы. (См. Повесть об Азовском осадном рении донских казаков. (1641 г.) // Воинские повести Древней Руси. Л: Лениздат, 1985. p.464.)

Далее военный писатель определяет ее как мужское целомудрие, позор погрешить против которого для военного человека нестерпим⁷⁶. В этом определении Альфред Де Виньи очень близко подошел к раскрытию нравственного содержания понятия чести как это делается в православном нравственном богословии. Поэтому христианское снование такого воинского качества как честь вполне возможно, что поят существенным стимулом в процессе воспитания его у верующих военнослужащих.

Воинскую честь можно определить при помощи понятия воинского ...истолкованного как высшее повеление нравственного сознания. Поэтому все попытки объяснить понятие воинской чести с «классовой», марксистско-ленинской позиции, как собственное достоинство воина выглядят ущербно⁷⁸.

Для состава прежнего офицерского корпуса принцип рыцарской чести является первой заповедью, которая охватывала всю сферу как служебной, так и *' гной жизни⁹. В старой Русской Армии существовали особые кодексы чести, которые регламентировали этическое поведение воинских чинов в различных жизненных ситуациях, например, в морском кадетском корпусе были «Правила учтивости офицера», у улан - «чести наставление» и т.д.

Но не всегда эти понятия и представления о чести согласовывались с требованиями православной веры и нравственности, например, офицерский суд ЧЕСТИ, мог постановить виновному закончить свою жизнь самоубийством. Поэтому, как отмечали офицеры, воспитанные на старых традициях, необходимо создать новый кодекс чести, который должен был устранить все возможные противоречия между своими требованиями и нормами церковной жизни.

Если воинский долг есть нравственный долг перед Отечеством и достойное ему служение, то воинская честь есть осознание высоты этого служения, которое невозможно без сохранения самого служащего на соответствующей высоте религиозно-нравственной чистоты. Это служение предполагает воздаяние чести, т.е. воздаяния того «что есть» данная личностью в смысле онтологическом и иерархическом: жертвование всех своих сил - физических и нравственных, для выполнения главной задачи воина - защиты ближних своих. Воздаяние чести предполагает особенное благоговейное и ценное напоминание о нашей ответственности пред Богом за вверенное Отечество, хотя только Ему одному подобает "честь и слава" (1 Тим. 1, 17), но искренность воздаяния чести Богу проявляется в свете нашей любви к ближним.

С точки зрения нравственного богословия, честь является одним из трёх важнейших нравственных принципов, которые определяют достоинство личности исходя из тройственной ориентации человека в мире: во-первых, на свое собственное существование, во-вторых, на нравственные отношения к ближним и, в-третьих, на религиозное поклонение Богу. Все они

выстраиваются в четкий аксиологический* ряд и определяют нравственное достоинство личности. Честь - служит основным принципом отношения человека к самому себе и включает в себя целомудрие и благородство; честность - является основным принципом отношения человека к ближнему и включает в себя правдивость и искренность; благочестие - выступает как основной принцип религиозного отношения человека к Богу, включает в себя благоговение и праведность⁸². Начало этому аксиологическому ряду предполагает нравственный принцип чести, поскольку он наиболее полно и глубоко отражает норму природного человеческого существования, которая задается в двух биологических категориях - целомудрия и благородства.

*Аксиология - учение о ценностях."М. Платон.

Честь является нравственной предпосылкой для честности, которая есть выражение человеческого соучастия в деле осуществления путей Божией справедливости, что вполне соответствует основной идее воинского служения. Вместе они предполагают необходимое основание для религиозного благочестия, которое является высшим свидетельством о реальности религиозной жизни и «имеет своим основным содержанием переживание святости и славы Бога - Его абсолютной неприступности и Его непостижимой близости, открывающейся в благодатной стихии церковной жизни».

Именно благочестие было высшим качеством, которое требовал от солдат генералиссимус А.В. Суворов в «Науке побеждать»: «Солдату надлежит быть здорову, храбру, твердо, решиму, справедливу, благочестиву!».

При этом, путь к благочестию лежал; по Суворову, через воспитание честности, которая выражается "в сдержании слова, в безлукавстве и осторожности, в безмщении". Сама же честность воспитывалась у суворовских солдат через научение их молитвам и основам православной веры, о чём писал наш великий полководец: "Тако догадывались и познавали они, что во всех делах Бог с ними и устремлялись к честности".

Таким образом, с точки зрения нравственного богословия, понятие воинской чести подразумевает наличие у воина такой нравственной добродетели как целомудрие. Которое, по определению преподобного Иоанна Лествичника, - "есть всеобъемлющее название всех добродетелей" и "есть чистота души и тела", что исключает всякую корысть и нечестность в исполнении своего воинского долга. Чистота души или, по более принятой святоотеческой терминологии, чистота ума, открывает способность к богообщению, т.е. ведет к благочестию. Для воинов это путь воплощения в своей жизни и служении правды Божией, стремление к торжеству истины, справедливости и нравственного порядка, что выражается в нравственной победе над злом в своей душе без чего "невозможна верная и победоносная борьба со злодеями", - о чем постоянно напоминает в своей работе «О сопротивлению злу силою» И.А. Ильин⁹⁰.

Другой отличительной чертой военного человека является такое качество как благородство. **Благородство** у воина всегда сочетается с высокой степенью самоотверженности и в то же время со скромностью⁹¹. Благородство часто проявляется в великодушии и немстительности*, которые невозможны без такой христианской добродетели как милосердие, что нашло своё выражение в словах Суворова об отношении к сдающимся в плен:

«Грех напрасно убивать! - Они такие же люди!»⁹² Тем более это можно сказать, по отношению к мирным жителям, которых собственно и призван защищать вне зависимости от их принадлежности к той или иной воюющей стороне военнотружущий: "Обывателя не обижай!... Солдат не разбойник."⁹³ Без соблюдения этого правила невозможно получить помощи Божией в бою, на которую всегда надеялся наш великий полководец: "Божия же помощь быстрее мысли воину доблестному (нужна); посему просящего в бою пощады - помилуй, кто мститель - тот разбойник, а разбойникам Бог не помощник!"⁹⁴

Как говорилось выше, благородство, с точки зрения нравственного богословия, есть одна из аксиологических категорий, которая определяет нравственный принцип чести. Благородство является идеальной нормой постного существования и помогает человеку сохранить целомудрие, оберегая его от недобрых поступков⁹⁵. Благородство, как сознание личного достоинства, формируется в человеке по мере физического и духовного возрастания не без действия благодати Божией, которая помогает победить всевозможные искушения и соблазны. Чем выше степень благородной личности, "тем в большей степени гарантированы присущие ей чистота, целомудрие и честь как главные характеристики человеческого достоинства"⁹⁶. Для военного человека благородство выражается в заботе о чести своего воинского звания, своего воинского коллектива и своей страны.

Забота о чести своего воинского звания заключается в строгом следовании всем требованиям воинской дисциплины, которая, по генералу М.И. Драгомирову, - "есть совокупность нравственных, физических и умственных навыков, нужных для того, чтобы офицеры и солдаты всех степеней отвечали своему назначению"⁹⁷. Именно дисциплина в сочетании с верой, по мнению отца С. Булгакова, делала из русского воинства классный боевой материал. Сама дисциплина, как считал И.А. Ильин, должна осмысливаться "началами веры, преданности, совести и чести"⁹⁹. Пребывая на таких основах, требования воинских уставов будут осознаваться не как внешнее ограничение свободы воина, а как внутреннее побуждение к осуществлению нравственного порядка в своей жизни и в окружающем мире, что, по сути, предохраняет общество и государство от хаоса и разрушения. Армия будет воспитываться в таком случае не в страхе наказаний, а в стыде от возможного наказания, так как оно подразумевает нанесение ущерба воинской чести военнослужащего. При такой ситуации, защитник Отечества, заботясь о чести своего воинского звания, будет строгим хранителем воинских традиций своего подразделения и ревностным стражем чести нашего государства.

Поэтому весьма грешит против не только заповедей Божиих, но против своей воинской чести тот военнослужащий, который предается грехам лжи, сквернословия, пьянства и блуда. Все они влияют на воина, им предающегося не только разрушительно в духовном плане, но и оказывают негативное воздействие на его боеспособность. Например, митрополит Вениамин (Федченков) будучи главой военного духовенства Белой Армии, предал П.Н. Врангелю принять особый приказ против матерной брани среди военнослужащих, но проект приказа был отвергнут из-за превратившейся в губную привычку материщины¹⁰⁰. Это было одной из причин, по мнению владыки Вениамина, которая разлагала дух армии и в конечном итоге привела к поражению добровольцев¹⁰¹. Об опасности таких грехов для воинов можно судить и, по словам святителя Василия Великого, которые он произнёс о судьбе израильского народа Самсоне: "Пока он не был разлучен с ним (воздержанием), враги падали тысячами, городские ворота исторгались, и львы не выдерживали крепости рук его. Но когда овладело им пьянство и блуд, уловлен был он неприятелями и, лишенный очей, выставлен на посмешище детям иноплеменников"¹⁰².

В связи с таким грехом как ложь необходимо рассмотреть проблему отношения верующего воина к такому довольно распространенному способу борьбы с противником как **военная хитрость**.* Нет сомнения в том, что всякая ложь в межличностном общении оскорбляет честь и достоинство личности, но там, где является нравственная необходимость физической силой защищать ближних своих, например, во время войны, как считает протопресвитер Янышев И.Л., "ложь под именем военной хитрости терпится нравственным чувством, не как выражение нравственного общения с ближним, а как новое интеллектуальное средство или сила, вместе с физической силой направленная к отражению враждебного физического же насилия, угрожающего высшим благам человечества"¹⁰³. Подтверждение подобной мысли мы можем найти у святителя Иоанна Златоуста, который пишет, что: «Вообще же хитрость благовременная и сделанная с добрым намерением вносит такую пользу, что многие часто подвергались наказаниям за то, не воспользовались ею»¹⁰⁴.

В свете православного взгляда на такое воинское качество как честь необходимо упомянуть об опасности такой греховной страсти как честолюбие, или тщеславие, которая заставляет человека стремиться к чести ради, искать почестей и наград, вместо того, чтобы заботиться о благе ближних и своем спасении¹⁰⁵. Честолюбие находится в тесной и неразрывной связи с гордостью, которая собственно и есть "неумеренное и несправедливое желание собственной славы, дабы превзойти других, подобных себе, достойно или недостойно"¹⁰⁶. Хотя А.В. Суворов и говорил о честолюбии как о качестве хорошего солдата: "Без честолюбия, послушания и благонравия нет хорошего солдата", но в его интерпретации это означало стремление к наилучшему исправлению службы.¹⁰⁷ Эта греховная страсть серьезно может навредить не только душе православного воина, но и соответственно его воинским качествам, как и самому честному исполнению воинского долга. Подобный вывод следует из слов святителя Иоанна Златоуста сказанных им по поводу честолюбия: «Ничто, истинно ничто так не делает людей законопреступными и неосмысленными, как желание славы народной. Равно ничто так не делает славными и мужественными, как презрение оной. Посему надобно иметь чрезвычайно мужественную душу тому, кто хочет противостоять толикой буре и силе ветра»

Воинская честь, ее требования закреплены в воинских уставах, в существующих нормах взаимоотношений и обязывают военного человека всегда быть на высоте своего звания. Поэтому воспитание воинской чести является особенно важным этапом на пути становления молодого человека достойным защитником своего Отечества. Воинская честь всегда воспитывалась в

русской армии на основе православной веры, идей патриотизма и готовности к самопожертвованию ради блага своей Родины.

4.3.4. Воинские доблести

Одним из первых попытался объединить воинские добродетели с христианскими святитель Фульгенций Руспийский (+532 г.) в своем послании графу Регину¹⁰⁹. Но уже в Новом Завете воинские доблести рассматривался как один из внешних признаков праведности у ветхозаветных «героев веры»: "Которые верою побеждали царства, творили правду... избегали острия меча, укреплялись от немощи, были крепки на войне, прогоняли полки чужих" (Евр. 11,33-34). О том, что воинские доблести являются у христоролюбивого воина плодом его христианских добродетелей и помогают ему не только в безукоризненном исполнении воинского долга, но и в благодатном возрастании для Царствия Небесного писал архиепископ Херсонеский Иннокентий (Борисов) (1800-1857). По его словам воины, соблюдая заповеди Христовы, - "убегая от невоздержания, срамословия, лжи, буйства и притеснения; употребляя мужество свое не на поражение токмо врагов отечества, а на удержание от собственных страстей; одушевляясь к перенесению трудностей звания своего не похвалой токмо начальников, не достижением отличий, а постоянно устремляя взор к тем нетленным венцам, кои на главу победителей возложит некогда Сам Владыка неба и земли. ... в этом случае они, не переставая быть воинством царя земного, сделаются вместе с тем динами Царя небесного, станут выполнять самым лучшим образом все, чего требует от них долг звания их, и, окончив подвиг на земле, примут венец славы на небе"¹¹¹. Подобное совпадение требуемых добродетелей как для воина и, так и для христианина утверждал и великий Суворов, который говорил, что русский воин знает «три сестры»: "веру, любовь и надежду; с ними слава и победа, с ними Бог". Поэтому можно вполне уверенно утверждать о непротиворечивости православной веры и нравственности воинским качествам и более того, христианские добродетели помогали солдатам легко приобретать навыки воинской службы и возрастать в воинских доблестях¹¹².

Первой и главной воинской доблестью является *вера*. От нее происходят все остальные добродетели как воинские, так и христианские: "Добрые дела, или христианские добродетели, есть плод, рождающийся от веры как от хорошего дерева". По словам архиепископа Иннокентия (Борисова): «Истинный ратник Христов тот, кто кроме оружия земного имеет и оружие Божие (Еф. 6, 13) - веру живую, упование твердое, любовь нелицемерную к правде и смирение христианское"¹¹⁴. Вера являлась основой мировосприятия русского офицера. Весь быт воинской части был построен на воспитании у солдат религиозного сознания: день завершался молитвой, всякое торжество освящалось молебном и церковным благословением. Моральные завила поведения на войне, сформулированные в императивных лозунгах: «жителя не обижай», «пленному - пощада», «воевать - малою кровью», проистекали из твердо усвоенных офицерами евангельских истин веры¹¹³.

Вера всегда воодушевляла русских воинов даже в самых, казалось безвыходных ситуациях, и помогала добиваться победы. Вера подкрепляла ревность о святынях, попираемых врагом и воодушевляла на подвиги, подвигала на самоотверженность в деле защиты Отечества, так как помогала преодолевать страх смерти. Как писал святитель Филарет (Дроздов), эта добродетель помогала возрастать в воинском мастерстве еще только начинающим свое служение воинам: "Вера запечатлела их собственным своим именем, утвердила своим благословением; и сии неопытные ратники подкрепили, обрадовали, удивили старых воинов"¹¹⁶.

Вера подразумевает такое качество христианина как *верность*. Это качество означает верность, несмотря ни на что, избранному служению, постоянство в выбранном направлении христианской жизни, что для православного воина означает не только верность воинскому долгу, данной присяге и своей Родине, но и постоянство в усовершенствовании, раскрытие и приумножении тех естественных и благодатных даров, которые он имеет!. Слова Священного Писания: "Будь верен до смерти, и дам тебе венец жизни" (Апок. 1,10), подразумевают качества христианина диаметрально противоположные лености, духовной и телесной беспечности, небрежности, нерадению, т.е. все то, что препятствует возрастанию в и воинских добродетелях.

Другое качество, которое так же порождается верою и которым необходимо должен обладать верующий военнослужащий это - *молитвенность*. По словам архиепископа Иннокентия (Борисова), успех сражения зависит роме всего прочего, от благословения Божьего, а оно достигается "верою в Бога, упованием на Его помощь, молитвою, чистотою души и тела, исполнением заповедей Божиих".

Конечно, в условиях реального боя невозможно читать продолжительные молитвы, но в таком случае от воина этого и не требуется, как пишет тот же архипастырь: "От вас (воинов), среди постоянных смертных опасностей, не требуется ни продолжительных молитв, ни обыкновенных пощений, ни даже церковной исповеди. Боже, милостив, буди мне грешному! Вот ваша молитва! - Без числа согреших. Господи, помилуй мя! Вот ваша исповедь!..."¹¹⁹

По мнению ещё самого Наполеона, очень важным качеством хорошего войска является терпение, или *стойкость*.

Воин должен уметь безропотно и без ущерба для воинского духа переносить все трудности и лишения своей службы, особенно во время боевых действий. Действительно, первым врагом для веры является уныние и малодушие, которые могут привести к отчаянию, но именно такими же врагами являются эти чувства и для военного человека, поэтому Суворов и писал в наставлениях своему крестному сыну: "Будь терпелив в военных трудах! В несчастье не унывай и не отчаивайся"¹²⁰. От терпения воспитывается в солдате самообладание - качество, без которого невозможно достойно и правильно вести себя в экстремальной боевой ситуации. Это объясняется тем, что посредством терпения достигается победа над страхом возможных страши, как пишет преподобный Иоанн Лествичник: "Объятый оным (терпением) не убоится когда-либо страдания, и не отвратится от него"¹²¹. Если самообладание есть результат воспитания воли¹²², то саму волю воспитывает терпение и послушание воинской дисциплине.

Несомненной воинской доблестью следует признать *товарищество*. Под боевым товариществом понимают такие отношения между военнослужащими, складывающиеся в условиях воинской службы и в боевой обстановке, "для которых свойственна самая высокая степень солидарности, доверия, взаимопомощи и братства". Как писал генерал Драгомиров М.И., в диском деле все построено на единодушии и товариществе и весь процесс учения войск должен стремиться развивать эти качества. Один из трех принципов суворовской тактики особенно подчеркивал значение товарищества в военном деле и указывал на взаимосвязь его с самопожертвованием, что невозможно без Божьей помощи: "Сам погибай, а товарищей выручай. Решимость у Бога получай"¹²⁵. Очевидна взаимосвязь этого выражения со словами Спасителя: "Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих" (Ин. 15,13). Поэтому боевое товарищество, для верующего воина, может быть представлено как разновидность такой христианской добродетели как христианское дружество, тем более что преподобный Иоанн Кассиан Римлянин указывает на это, говоря, что дружба по воинской службе есть несовершенный образ данной добродетели.

Христианское дружество можно определить как "союз двух или нескольких лиц, для достижения достойных христианина целей, посредством особенного взаимного уважения, искренней любви и взаимной доверенности друг к другу. Для верующего воина самой достойной целью необходимо считать защиту своего Отечества и ближних. Если же ради этого он идет в воинском коллективе единодушную устремленность и преданность воле Божьей, взаимную любовь до самопожертвования, то это явится началом не только и не столько для боевого товарищества, сколько для христианского дружества. Эта добродетель упразднит всякие разделения между воинами и, по словам митрополита Антония (Храповицкого), тогда между воинами образуется одно неразрывное братство, объединенное не тщеславием, не корыстью или мстительной злобой, а верой и надеждой на Бога, преданностью патриотическим идеалам и бесстрашием перед лицом смерти.

¹²⁴ Драгомиров М.И. Армейские заметки // О долге и чести воинской в российской армии. .120.

¹²⁵ Цит. по: Дрейлинг Р. Воинский устав Петра Великого и Суворова // Душа армии. .352.

¹²⁶ Скурат К.Е., проф. Великие учителя Церкви. Клин, 1999. С.201.

Христианское дружество явится надежной преградой на пути различных негативных явлений в воинской среде, известных под общим названием «дедовщины», так как сама нравственная обстановка в воинском коллективе, где будет определяющим подобная добродетель, способна наилучшим разом внутри него самого исправлять все возникающие отклонения от нормы христоролюбивого воинства.

Наиболее известной воинской доблестью является *мужество*. Но мужество не есть только воинская добродетель, в христианском понимании мужество есть "непоколебимая твердость духа,

которую сохраняет христианин при нападении на него всех возможных искушений, претерпеваемых им Христа от видимого или невидимого врага"¹²⁹. Мужество, как христианская добродетель, проявляется в двух видах: храбрости и терпении и выражается в торжестве духа над телом не только в предпочтении духовных благ высшим, но и отечественных благ над личными, индивидуальными.

Воинская храбрость русского солдата всегда покоилась на высоких идеалах христианства, воодушевлялась верой в Бога. По мнению святителя Амвросия Медиоланского, воинская храбрость всегда должна покоиться на христианской добродетели справедливости,¹³¹ потому что "храбрость без справедливости есть повод к (допущению) неправды", поэтому храбрость всегда возвышается над остальными христианскими добродетелями.¹³² Но истинная храбрость и мужество проявляются в умении побеждать свои греховные страсти, отсюда рождается стойкость, самообладание и твердость духа воина: "И по всей справедливости храбрым называют того, кто побеждает сам себя, кто удерживает гнев, не склоняется и не поддается ни на какие приманки, не приходит в замешательство при несчастях, не превозносятся при счастье".

Все воинское служение предполагает наличие у несущего его такого качества как **самоотверженность**. Военнослужащий при подготовке к военным действиям вынужден жертвовать своими семейными интересами, подвергать свое здоровье и даже жизнь серьезным опасностям, отречься от своей воли ради общего дела. По словам Драгомирова М.И., самоотверженность является составной силой товарищества и представляет собой нравственную энергию, проявляющуюся в воле.¹³⁴ Сама самоотверженность есть следствие добродетели мужества и на основании его может укореняться в нравственно-волевых качествах воина.¹³³ Эта воинская доблесть предполагает наличие высокого нематериального, идеала у военнослужащего и этим идеалом с полным правом может являться религиозная вера.

Сам Господь наш Иисус Христос необходимым условием следования Своему учению полагает условие самоотвержения: "Если кто хочет идти за Мною, отвергнись себя, и возьми крест свой, и следуй за Мною" (Мф. 16,24). Поэтому христианская жизнь требует, по словам святителя Феофана Затворника, постоянных актов самоотвержения от верующего человека¹³⁶ и, бедствие этого, она в наибольшей степени может способствовать выработке у воина столь необходимой качества. Приобретение подобной воинской доблести необходимо верующему воину еще и потому, что сама воинская служба обучает не только достижению победы над врагом, но и через средство самоотвержения, достижению победы над своими эгоцентрическими качествами, над своей греховностью. Это есть путь к праведности во Христе, об этом свидетельствуют слова святителя Амвросия Медиоланского: "Кто отвергается себя, тот праведен, тот угоден Христу".

Следствием сознательной самоотверженности является **самопожертвование**, которое ведет к героизму и воинским подвигам. Самопожертвование предполагает преодоление воином страха смерти, что наиболее естественно для верующего православного христианина. К самопожертвованию всегда воодушевляли русское воинство слова Христовы: "Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих" (Ин. 15,13). В этих словах и в непоколебимой вере в Бога, Который "воскресил Господа, воскресит и нас силою Своею" (I Кор. 6,14), преодолевался страх смерти и являлись подвиги истинно-христианского самопожертвования. Архиепископ Иннокентий (Борисов), в дни осады Севастополя в 1854-1855 гг., указывал важность этого воинской доблести для защитников города, призывая их спешить прославиться "славою чистою и святою, явив в мыслях и действиях своих любовь к Отечеству, таким образом, и с тою силою, как любили являть ее в подобных случаях древние сыны его... забывая все собственные выгоды, готовы были принести в жертву для него не только все достояние, но и самую жизнь свою". Поэтому самопожертвование есть высшее прошение христианской любви и венец добродетели мужества, отсюда самопожертвование можно считать образцом высокой добродетели не только с точки зрения воинской науки, но и с точки зрения христианской веры. Но, с другой стороны, по словам архиепископа Иннокентия (Борисова), есть определенная опасность, когда проявление мужества и самопожертвования перестает быть добродетелью с точки зрения христианства. Свою мысль он основывает на словах апостола Павла: "Если же кто и подвизается, не увенчивается, если незаконно будет подвизаться" (2 Тим. 2,5). По мнению церковного писателя, законно подвизается во время сражения тот, кто, во-первых, не рискует понапрасну своей жизнью без видимой на то причины, во-вторых, кто сражается и умирает не по язычески, а по-христиански, т.е. воодушевляясь в своем самоотвержении не желанием себе славы или успеха, а чувством долга, патриотизмом и любовью к православной вере и Церкви.

Кроме этого, "законно подвизается, наконец, тот, кто, находясь перед лицом смерти, заранее изгоняет из своей души все помыслы плотские". Именно на основании такой доблести как

самопожертвование в русской армии появляется понятие о доблестной смерти, которая всегда лучше позорной жизни и имеет своим источником жертвенную, одухотворенную любовь.

При этом с точки зрения православного мыслителя И.А. Ильина, основой для человека, борющегося со злом, каким и предстает защитник Отечества, является духовный героизм, так как "героизм меча состоит не только в том, что его дело трудно, беспокойно, полно лишений, опасностей и страши; но и том, что меченосец нуждается в особых духовных усилиях для ограждения своего личного духовного Кремля".¹⁴⁰ Эти усилия заключатся в противодействии страстям, которые возникают в процессе борьбы со злом и препятствуют ей, стараясь поработить самого воина.

Серьезной нравственной проблемой связанной с добродетелью самопожертвования и воинским служением являются случаи, когда военнослужащий, не желая попадать в плен или, прикрывая своих товарищей, сам добровольно расстается со своей жизнью. В настоящее время можно услышать по поводу данной проблемы совершенно противоположные или даже осмысленные мнения. Например, в книге «Жизнь для вечности», изданий под общей редакцией епископа Сергия (Соколова), по поводу случая с одним лейтенантом в Великой Отечественной войне, когда он, опасаясь немецкого плена, задумал подорвать себя гранатой, дается следующий комментарий: "Володя не был воспитан в заповедях христианства и не знал, что самоубийство грех перед Богом. Поэтому (sic!) его готовность пожертвовать жизнью, во имя долга перед Родиной, надо рассматривать как самопожертвование и героизм". А в одном из журналов предназначенном для военнослужащих, автор, исследуя проблемы, с которыми человек может столкнуться в плену, говорит о многочисленных фактах, когда российские военнослужащие или милиционеры подрывали себя гранатой, чтобы избежать пена, при этом он утверждает, что "с точки зрения большинства религий (в том числе и Православия) такой поступок самоубийством не считается".¹⁴²

Чтобы попытаться разрешить данную проблему необходимо обратиться к опыту решения её на основании житий святых, высказываний святых отцов и церковных писателей. Жития святых периода гонений на христианство в языческой Римской империи свидетельствуют о многочисленных случаях самоубийства христиан.* По мнению профессора В.В. Болотова, на это их вынуждала жестокость и продолжительность пыток, а так же оскорбительность их для нравственного чувства: "Христиане и в особенности христианки, не желая отдаться в руки посланных арестовать их, сами оканчивали с собою мечем, то бросались в реку, то бросались с верхнего этажа дома, где их хотели арестовать".¹⁴³ Как можно заключить из сочинения блаженного Августина «О граде Божиим», он не совсем одобряет такое поведение. Но в то же время этот святой не отрицает святости тех христиан, которые таким образом завершили свою жизнь. По его мнению, на такой поступок святые могли решиться только по особому Божественному повелению, наподобие того, как это было с ветхозаветным судьей израильского народа Самсоном¹⁴⁵ (См. Суд. 16,28-30.). "Итак, кто слышит, что убивать себя непозволительно, - пишет блаженный Августин, - пусть убивает, коль скоро ему повелел Тот, приказаний Которого нельзя не исполнять".¹⁴⁶

¹⁴¹ Жизнь для вечности. Новосибирск, 1997. С.141. ¹⁴² Длсерелиевский Б. Чеченский плен // Солдат удачи. 2000.№ 3. С.9. , См., напр.. Житие святой мученицы Домны и двух дочерей ее Виринеи и Проскудии (IV-в память 4-го октября ст. ст.; Житие святой Пелагии девицы антиохийской (IV в.) память 15 октября ст. ст.

¹⁴³ Болотов В.В., проф. Лекции по истории Древней Церкви. М., 1994. Т.2. С.148.

¹⁴⁴ См. Б.пмс. Августин Иппонийский, епископ. О граде Божиим. М., 1994. Т. 1. С.44-45. ¹⁴⁵ Там же. С.46.

Общим же критерием для осуждения подобного поступка у него служит не желание пожертвовать своей жизнью ради ближнего своего, а эгоистическое желание во чтобы то ни стало сохранить себя от еще одного незапланированного греха.

Как пример более конкретного высказывания по данному вопросу можно привести мнение византийского императора-монаха, историка и богослова Иоанна Кантакузина (+ 1383 г.). Он проводит различие между самоубийством и самопожертвованием, как поступком одобряемым с точки зрения христианства. Говоря о добровольной Голгофской жертве Иисуса Христа, Иоанн VI (в постриге Иоасаф) делает такой вывод: "Самоубийцей по справедливости называется тот, кто себя убил, а не тот, кто из-за любви к любимым им людям не пощадил себя и пошел на смерть. Не самоубийцей такого человека, а истинным другом подобает называть как жертвующего собою ради любимых, чтобы если возможно, избавить их от угрожающей им смерти".¹⁴⁸

По мнению философа Н. Бердяева, самоубийство есть всегда проявление малодушия, и "самоубийца есть менее всего человек способный к жертве своей жизнью".¹⁴ В своем исследовании

под названием «О самоубийстве», он даже отказывается считать проявлением этого греха поступок, когда человек убивает себя из-за опасения предательства, которое он возможно совершит пытками.¹³⁰ Как считает этот христианский мыслитель, самоотречение и самопожертвование во имя сверх личной святости, что в нашем случае и следует отнести к действиям воина жертвующего своей жизнью ради боевых товарищей, есть явление прямо противоположное самоубийству, и есть добро и благо.¹³¹

¹⁴⁶ Там же. С.47.

¹⁴⁷ См. Там же. С.45.

¹⁴⁸ Иоанн Кантакузин. Беседа с папским легатом. Диалог с иудеем и другие сочинения. СПб, 1997. С. 138.

¹⁴⁹ Бердяев Н. О самоубийстве. М., 1992. С. 11. ¹⁵⁰ Там же. С.9. Г См. ¹⁵¹ Там же. С.21.

Таким образом, акт самопожертвования, который совершает воин на поле боя, который выражается в добровольном принятии смерти ради спасения своих товарищей, или ради выполнения боевой задачи следует признать не грехом самоубийства, а высочайшим проявлением христианской любви, что вполне соответствует не только нормам христианского благочестия, но древним традициям русского воинства.

В условиях реформирования Российской Армии, когда осознается необходимость не только материального переоснащения ее новой военной техникой, но и создания эффективной воспитательной системы военнослужащих, Русская Православная Церковь, как воспитательница и хранительница нравственных сокровищ русского народа может обогатить и дать новое пополнение этой системе. Это вполне возможно, так как русская армия всегда отличалась своей духовной силой, которая помогала ей справляться с задачами по защите родного Отечества. Духовная сила армии складывалась как сумма из тех христианских и воинских качеств, которые каждый Российский воин черпал в православной вере и поддерживал церковной жизнью. Еще со времен А.В. Суворова подобная система воспитания солдат и офицеров стала традиционной и была искусственно прервана новой политической властью России в 1917 г.

Близость и во многих своих сторонах совпадение христианских добродетелей с воинскими, которые часто являются подобием и начальным этапом для христианских, свидетельствует о возможности быстрого преобразования общественно-государственной подготовки военнослужащих в остаточную стройную систему воспитания для православных воинов. Все понятия воинской этики можно представить в виде определенной системы христианских нравственных добродетелей, что будет способствовать органичному вращению верующего военнослужащего в воинский коллектив и формированию у него высоких нравственных и боевых качеств. Воинские доблести, наполненные христианским содержанием, становятся для воинов не внешне навязываемыми понятиями, а тем, что необходимо и должно приобретать. При этом военнослужащий получает дополнительный стимул к добросовестному отношению к своему воинскому служению, так как необходимость приобретения требуемых воинских качеств, в таком случае, обосновывается полезностью их для духовно-нравственного преуспеяния пути стяжания благодати Христовой. Кроме того, воины, стремящиеся к обладанию такими воинскими добродетелями, станут духовно и нравственно более крепкими в любых боевых испытаниях, что положительно скажутся на их боеспособности. Осознавая это, воин будет ответственно относиться к исполнению своего воинского долга, тщательно заботиться о своей воинской чести и чести своего воинского подразделения, а так же развивать себе высокие нравственные и боевые доблести которые требуются от защитника Родины.

Глава 5.

ОПЫТ НРАВСТВЕННО-ПАТРИОТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ ВОИНОВ НА ОСНОВАХ ПРАВОСЛАВНОЙ ХРИСТИАНСКОЙ ВЕРЫ

5.1. Сотрудничество Русской Православной Церкви и Вооруженных Сил в области воспитания российских воинов.

По словам Святейшего Патриарха Алексия II: "Русская Православная Церковь, как и вся Россия, с надеждой смотрит ныне на преобразования в Российской армии, веруя в то, что результатом этих преобразований будет (только и не столько изменение формы и реорганизация, но и, что не менее важно, возрождение духовных основ в Вооруженных Силах".¹ С другой стороны, понимание важности и на современном этапе необходимости сотрудничества Церкви и Армии, использование духовного потенциала Православия в "целях улучшения морально-психологического климата в воинских коллективах", ощущается и со стороны представителей Вооруженных Сил.² Но, как замечают сами военнослужащие, в их среде часто сталкиваются совершенно противоположные точки зрения по вопросу данного сотрудничества: от полного неприятия любых форм его до чуть ли не составления штатного расписания частей и соединений с учетом военных священников.³

Современные статистические данные свидетельствуют, однако, в пользу более тесного взаимодействия Церкви и Армии. Уже с начала девяностых годов среди военнослужащих стал наблюдаться существенный рост числа верующих православных христиан. К концу девяностых годов общее количество верующих достигло 25 % от общего количества всего личного става, при этом количество православных из них составило 76%. По категориям они распределены следующим образом:

¹ *Алексий, Патриарх Московский и всея Руси. Слово к воинам // Православная Москва. 1998. № 32-33. С. 2.*

² *Богачев С.В. Армия и Церковь: История и современный опыт сотрудничества // Школа духовности. 1999. № 1. С. 41.*

³ *Байдуков А. Христианское вероучение о войне и воинской службе // ЖМП. 1999. № 8. С. 65.*

- а) Среди военнослужащих срочной службы* - более 30 %
- б) Среди курсантов и слушателей военно-учебных заведений – около 30 %
- в) Среди офицерского состава - около 15 %.

По данным военных психологов, в обязанности которых входит кроме его прочего и выяснение религиозной принадлежности личного состава, в период и после участия подразделения в боевых действиях религиозность военнослужащих существенно возрастает. По данным опросов, проведенных в таких воинских частях **, за период участия в боевых действиях количество верующих увеличивалось в среднем с 30 до 40 %.⁴ Особенно существенный рост религиозности наблюдается во время нынешней военной операции в Чеченской республике, по словам полковника Генерального Штаба Валерия Новикова, которые он сказал одной из делегаций православных верующих, прибывшей в район боевых действий с благотворительной миссией, солдатам сейчас больше всего нужны не столько теплые вещи и продукты, сколько "нужны обычные крестики и Библии, ваши теплые слова, ваша вера".⁵

*Количество православных призывников может существенно меняться в разные призывы, например, в одной из воинских частей Шиханского гарнизона войск РХБЗ в весеннем призыве количество человек относящих себя к православным христианам оставило 65 % от общего числа принимавших присягу.

** Следует сказать, что данные могут существенно отличаться в разных воинских частях, например, по словам командующего войсками РХБЗ генерал-полковника Петрова С.В. во время первой чеченской войны 1995-1996 гг. количество верующих среди воинов-огнеметчиков достигло почти 100 %. Перед боем многое из них крестились и одевали как повязку на лоб или на руку пояс с текстом 90 Псалма «Живый в помощи...» (Из вступления начальника войск РХБЗ МО РФ ген.-полковника С.В. Петрова на сборе священников окормляющих военнослужащих воинских частей РХБЗ центрального подчинения и зам. командиров по воспитательной работе по проблемам духовно-нравственного воспитания воинов в г. Костроме, 1999г. 2 июня.

⁴ Все данные приведены по ст. подп-ка Богачева С. В. См. Указ соч. С. 16.

⁵ *Пономарева А. Вторая чеченская // Истина и жизнь. 2000. № 3. С. 3.*

Таким образом, хотя большинство военнослужащих относящих себя к православным верующим мало просвещены в религиозной области и веру еще нельзя назвать вполне осознанной, но общее их количество должно учитываться при работе с личным составом. Тем более что интерес среди солдат срочной службы к общению со священнослужителями и желание посещать богослужения в православном храме, притом, что это сопряжено с определенными трудностями: ранний подъем и отказ от дополнительного сна в выходной день, отказ от завтрака и тому подобного, достаточно высок.*

* Данное наблюдение основывается на опыте работы с военнослужащими Шиханского гарнизона войск РХБЗ.

Подобное обстоятельство обязывает с одной стороны соблюдать права военнослужащих на свободу вероисповедания и, с другой стороны, использовать благотворное влияние православной веры для улучшения морально-психологического климата в воинских подразделениях.

С момента возникновения при Петре I регулярной Российской Армии церковь накопила огромный опыт сотрудничества и взаимодействия с Вооруженными Силами. Несмотря на изменившиеся внешние обстоятельства, данный опыт может использоваться для формирования у воинов ответственного отношения к своей личности, к своим воинским обязанностям, таких воинских добродетелей как патриотизм, воинская честь, мужество, самоотверженность и др., что приведет к оздоровлению нравственных условий воинской службы. На данном этапе сотрудничества очень актуальной становится помощь Церкви в профилактике самоубийств, в формировании психологической устойчивости воинов в боевой обстановке, а так/же психологическая реабилитация воинов после военных конфликтов, забота о раненных попечение о военных госпиталях.

Возможность сотрудничества между Министерством обороны и Русской Православной Церковью в настоящее время основывается на Конституции Российской Федерации, Законами РФ «О статусе военнослужащих»,⁸ «О воинской обязанности и военной службе», «О свободе совести и религиозных объединениях».

Важнейшей вехой на пути углубления данного сотрудничества явилось подписание 2 марта 1994 г. Святейшим Патриархом Московским и всея Руси Алексием II и Министром обороны Российской Федерации Совместного заявления о сотрудничестве между Православной Церковью и Вооруженными Силами. Заявление констатировало необходимость подобного взаимодействия и является с этой точки зрения гарантом и успешного реформирования Вооруженных Сил Российской Федерации. Положительный опыт взаимодействия Православной Церкви и Министерства обороны показал необходимость дальнейшего расширения сотрудничества и придания ему более систематического характера. На основании ого 4 апреля 1997 г. Министр обороны РФ и Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексий II подписали Соглашение о сотрудничестве. Данное Соглашение предусматривает расширение направлений и форм взаимодействия на самых различных уровнях: от Министерства обороны до воинской части, отдельного корабля. Среди основных направлений сотрудничества по данному Соглашению выделяется направление, предусматривающее социальную защиту военнослужащих и членов их семей, реализация религиозных потребностей военнослужащих, патриотическое, нравственное воспитание и духовное просвещение, профилактика суицидов, неуставных взаимоотношений и др.⁶

⁶См. *Богачев С.В.* Там же. С.48.

Ещё одним документом, который может сыграть большую положительную роль в деле более тесного сотрудничества Православной Церкви и Российской Армии может являться изданные Главным Управлением воспитательной работы Вооруженных Сил Российской Федерации в конце 1998 г. Методические рекомендации командирам воинских частей, подразделений, их заместителям по воспитательной работе по использованию помощи религиозных объединений в профилактике самоубийств» (М., 1998). В этом методическом указании настоятельно рекомендуется командирам воинских подразделений использовать опыт православного духовенства не только как средство профилактики суицидальных случаев, но и для адаптации молодого пополнения к условиям воинской службы, для проведения психопрофилактических мероприятий.

Рекомендуется проведение индивидуальных групповых бесед со священнослужителями, приводится даже примерный план такой беседы, указывается на важность для военнослужащих чтения духовной литературы, просмотра православных телепередач⁹. Кроме этого, данном документе, который есть в распоряжении каждого воспитательного отдела в каждой воинской части Вооруженных Сил РФ говорится, о: "При планировании боевой подготовки, организации повседневной жизни войск (сил) необходимо учитывать календарь религиозных праздников, религиозные обычаи и традиции".¹⁰

Посредством соглашений между Русской Православной Церковью и Министром обороны РФ был дан существенный стимул процессу духовного зарождения армии, даны основы для нравственного укрепления воинского организма, произошла переориентация в стремлении только материально-техническими средствами осуществить реформу Вооруженных Сил. Весь предыдущий опыт российской армии свидетельствует о приоритете воспитательной работы в войсках над чисто техническим переоснащением, так как без духовно и нравственно крепких военных кадров невозможно эффективно и безопасно для самого государства использовать самое современное оружие, которое поступит на вооружение армии. В основе данной воспитательной работы должна лежать духовная жизнь и нравственное перерождение на основах христианской православной веры, что будет воспитывать у воинов совершенные военные качества. По мнению

А.Е. Савинкина, Военный ренессанс на основе духовного возрождения обеспечит даже и при слабости успешный характер реформы".¹¹

⁷Методические указания ... С.3. ⁸Там же. С. 7. ⁹Там же. С.4. ¹⁰Там же. С.5. ¹¹Савинкин А. Духовное возрождение - центральная задача военной реформы // Душа армии. С.590.

Армия не может существовать без прочных мировоззренческих и нравственных устоев, без объединяющей патриотической идеи и всем этим армия может обогатиться, обратившись к наследию, выработанному множеством поколений русских людей трудившихся на благо Русской Церкви и Отечества, хранительницей которого является Русская Православная Церковь. Православная Церковь всегда выполняла и выполняет предохраняющие функции на путях развития человеческого общества, обеспечивая недопущение социального и духовного хаоса на каждом этапе исторического прогресса и ориентируя человечество на высшие созидательные ценности. Поэтому роль Церкви при проведении реформы Вооруженных Силах заключается в возрождении истинных православных традиций в армии и на флоте, освящении всего строя армейской жизни, переориентируя его на вечные, ровные и нравственные ценности Православия, в наполнении атмосферы уставных отношений духом благородства и уважения к личности.

Серьезной опасностью на пути духовного и нравственного возрождения Российской Армии является деятельность различных сект, которые пытаются всеми силами проникнуть в воинские подразделения и распространить там свое влияние. В «Методических рекомендациях», которые рассылались из учебного Управления воспитательной работе ВС РФ в каждую воинскую часть, доводится до сведения командиров воинских частей опасность распространения и деятельности религиозных сект, которые оказывают деструктивное влияние на психику военнослужащих.¹² Пользуясь религиозной грамотностью командиров воинских частей, а часто и просто халатным отношением к религиозным потребностям военнослужащих, вопреки заключенному только с Русской Православной Церковью Соглашению о сотрудничестве, подобные секты пытаются распространять свою пропагандистскую литературу, вербовать, часто не без корыстных соображений, своих сторонников в армейской среде.

¹²Там же. С.5-6.

*Например, в одной из воинских частей офицер, принадлежащий к одной из многочисленных протестантских сект пытался распространять брошюры религиозно-пропагандистского характера. Существует также и «Военно-христианский журнал», неизвестными путями распространяемый среди военнослужащих и издаваемый, по всей видимости баптистами, без указания профессиональной принадлежности этого издания, что нарушает Закон РФ «О свободе совести и о религиозных объединениях» от 26 сентября 1997 г. (Гл. III, ст. 17.)

Подобная деятельность вызывает напряженность в отношениях между военнослужащими, подрывает истинные традиции воинского служения в Российской Армии, одна из которых заключается в благоговейном чествовании памяти героев как общегосударственных так и данного воинского подразделения отдавших свою жизнь за честь Независимость нашей Родины. Это вытекает из общего для всех протестантских сект вероучительного положения о запрете поминовения усопших бесполезности молитв за них. Подобная деятельность подрывает традиционные для нашей армии, как и для Церкви методы патриотического воспитания. Во время Первой мировой войны деятельность русских сектантов, том числе и протестантского направления серьезно подрывала боеспособность войск.

5.2. Современное состояние нравственно-патриотического воспитания воинов на основах православной христианской веры

Общеизвестный факт того, что служба в Вооруженных Силах для молодого человека становится первым опытом самостоятельной жизни. Воинская служба есть определенный этап в становлении личности юноши, его нравственных ценностей, его гражданской ответственности и патриотизма. На современном историческом этапе жизни нашего государства во многом общество потеряло те возможности, и тот потенциал воспитания сознательного и нравственного гражданина, ибо школа и другие учебные заведения, после которых приходят на воинскую службу молодые люди, не выполняют данных воспитательных функций. Единственным государственным институтом, где еще можно правильно нравственно сориентировать молодого человека века перед самостоятельной жизнью остается армия.

¹³Георгиева Л.С. Письма священника Г.И. Шавельского // Из истории религиозных, Ультурных и политических взаимоотношений России и Японии. С. 169.

Вся армейская жизнь строена на принципах дисциплины и ответственности и молодые призывники более восприимчивы к воспитательному воздействию на них в данной еде, чем где-либо. Поэтому на этом поприще открывается благоприятная ложность для нравственного и патриотического воспитания военнослужащих, что сейчас невозможно успешно осуществить без помощи Православной Церкви.

В настоящее время активно наращивается объем работы, как со старорусской Православной Церкви, так и со стороны Министерства Обороны в области духовно-нравственного и патриотического воспитания воинства. По словам епископа Саввы (Волкова), возглавляющего Синодальный Отдел Московского Патриархата по взаимодействию с Вооруженными Силами и правоохранительными учреждениями, количество воинских подразделений, где имеются православные храмы, на июнь месяц 1999 г. достигло цифры 116, включая Академию Генерального Штаба Министерства Обороны РФ и ряд военных училищ.¹⁴

Как пишет подполковник С. В. Богачев, заместитель начальника отдела патриотического воспитания Главного управления воспитательной работы Вооруженных Сил РФ, основными формами работы духовенства с личным составом является в настоящее время пастырские посещения воинских частей, кораблей, военных училищ и академий. Духовенство проводит индивидуальные и групповые занятия и беседы с военнослужащими, в том числе и представителями так называемых «групп риска». Становится весьма распространенной традиция освящения воинских знамен, боевого оружия и техники, проводятся консультации командиров и офицеров воспитательных отделов воинских частей по религиозным вопросам.

¹⁴Из доклада Саввы (Волкова), еп. Красногорского на сборе священников, окормляющих военнослужащих воинских частей РХБЗ центрального подчинения и местных командиров по воспитательной работе по проблемам духовно-нравственного воспитания воинов. Кострома, 1999. 2 июня. С.6.

В некоторых храмах устанавливают телефоны доверия, по которым военнослужащие могут позвонить консультацию священника по волнующим их проблемам.¹⁵ Несмотря на объективные трудности, которые возникают на пути сотрудничества православного духовенства и военнослужащих, что объясняя недостаточным финансированием армии и нехваткой личного состава, а чего часто очень трудно найти время для того, чтобы собрать личный состав для беседы с православным священником, многие военачальники отдают приоритет в нравственно-патриотическом воспитании Православной Церкви. По словам епископа Саввы (Волкова), в такой сложной ситуации некоторые командиры воинских подразделений уже успешно начали нелегкую работу по духовно-нравственному воспитанию личного состава совместно с верской Православной Церковью. По мнению главы Синодального отдела по сотрудничеству с Вооруженными Силами, в вопросах нравственно-патриотического воспитания необходимо ориентироваться не на «западные образцы», ибо это будет лишней потерей времени, а на традиционные православные нормы воспитания воинства и воплощать их в жизнь.

Армия никогда не сможет успешно выполнять свои функции в государстве без объединяющей патриотической идеи, и работа Синодального отдела сейчас направлена именно на возрождение и утверждение государственно-патриотической идеи основы, которой лежат в традиционной для нашей страны православной вере. Усилия Церкви направляются в данный момент на возрождение "традиций верного служения Отечеству, созданию правильной патриотической подготовки допризывников".¹⁷ Как отмечает в своем докладе епископ Савва (Волков), исходя из современного опыта сотрудничества, главными проблемами при работе духовенства в войсках является непонимание важности правильного нравственного воспитания воинов со стороны среднего звена определенной части заместителей командиров по воспитательной работе, а также "проблематичность духовной тематики и недостаток знаний о христианской методике воспитания". Другим препятствием на пути развития сотрудничества является "нежелание законодательной власти утвердить нормы содействия Православной Церкви духовному воспитанию военнослужащих на государственном уровне".¹⁹

Богачев С.В. Указ. соч. С.48. 'См. Савва (Волков), еп. Доклад на сборе священников... Кострома, 1999. 2 июня. С.3.

Все-таки, несмотря на все возникающие трудности, в отдельных воинских частях Министерства обороны имеется уже значительный опыт взаимодействия Православной Церкви и воспитательных отделов в области Нравственно-патриотического воспитания военнослужащих. К таким воинским частям можно отнести части составляющие Шиханский военный гарнизон войск Радиационной, Химической и Бактериологической Защиты (РХБЗ). Особенно следует выделить Первую мобильную бригаду войск РХБЗ, в которой посещение духовенством данного воинского

подразделения с лекциями, совершение церковных Таинств и присутствие при принятии воинской присяги началось еще в 1993 году. Совместными усилиями духовенства Вольского Благовещенского храма, командования гарнизона, командования отдельных воинских частей, воспитательного отдела Первой мобильной бригады и православных верующих, в системе общественно-государственной подготовки (ОГП) с 1993 г. началась работа по нравственно-патриотическому воспитанию воинов на основах православной веры. Работа шла по трем направлениям: Нравственное - где раскрывались такие понятия: воин, защитник, долг, честь. Отечество, жизнь, вера, вечность, товарищ и др.; Патриотическое - ознакомление со страницами истории Церкви и государства Российского; Религиозное - участие православных священнослужителей в воинских торжествах и удовлетворении религиозных нужд православно верующих воинов.

Наиболее активно сотрудничество стало развиваться после постройки на территории воинского гарнизона силами военнослужащих православного храма и освящения его в честь перенесения мощей Святителя и Чудотворца Николая, Архиепископа Мир Ликийских в мае 1997 года. Исполняя обязанности настоятеля данного храма с момента его освящения Высокопреосвященнейшим Александром, Архиепископом Саратовским и Вольским по период 1999 г. автор данной работы попытается изложить приобретенный опыт работы с военнослужащими с дальнейшими перспективами его развития. К моменту освящения храма стало уже постоянной традицией присутствие священника на принятии воинской присяги в воинских частях гарнизона и выступление на торжественном мероприятии после нее с напутственным словом к молодым воинам, основной темой которого обычно является, кроме призыва к добросовестному исполнению своего воинского долга, приведение образцов высокого патриотизма и веры, носителями которых являлись наши национальные герои от святого благоверного великого князя Александра Невского и Дмитрия Донского до священномученика патриарха Гермогена, Козьмы Минина, Дмитрия Пожарского и др. Другой формой воспитательной работы среди военнослужащих стало проведение лекций по темам предварительно согласованным с командованием каждой конкретной воинской части и воспитательным отделом её.

В первый год подобного сотрудничества темы лекционных занятий определялись текущими проблемами работы с личным составом; профилактика самовольного оставления военнослужащими своего воинского подразделения, профилактика неуставных взаимоотношений, случаев суицида, алкоголизма и наркомании, нарушения норм воинской чести и нравственности, и проблема тоталитарных сект. Затем лекционные занятия стали строиться по определенной программе, разработанной священником Вольского благовещенского храма Михаилом Воробьевым, который занимался работой с личным составом Первой мобильной бригады до открытия в военном городке собственного храма. Программа под названием «Нравственно-патриотическое воспитание российского воина на основах Православия», предназначался сотрудникам воспитательных отделов воинских частей войск РХБЗ и могла использоваться в качестве практического руководства, но, к сожалению, материалы к данной программе в полном объеме разработаны не были. В данной программе, которая появилась в мае 1997 г. содержались следующие вопросы с соответствующим раскрытием их с точки зрения православного вероучения:

1) Человек и его место в мире. Понятие нравственного закона. Свобода воли и ответственность человека.

2) Нравственные ценности и соотношение между ними. Нехристианские системы этики. Несостоятельность утилитаризма и гедонизма. Христианский и без религиозный гедонизм.

3) Понятие религии. Древние и современные мировые религии о нравственности.

4) Русский народ и Православная Церковь. Образование Русского государства и Крещение Руси.

5) Православие и культура Руси. Русское возрождение. Духовные корни русской литературы.

Программа и материалы к ней распространялись по воспитательным отделам воинских частей войск РХБЗ по распоряжению начальника войск генерал-полковника С.В. Петрова.

По мере чтения лекций и наработки навыков в общении с воинской аудиторией, которая хотя и отличается примерным поведением, но проявляет малую активность в обсуждении темы лекции и задавании вопросов после неё, особенно это наблюдение относится к солдатам срочной службы, направлялся тематический материал по направлениям и разделам нравственно-патриотического воспитания воинов. Приобретенный опыт и желание дальнейшего углубления сотрудничества со стороны, в первую очередь воспитательного отдела Первой мобильной бригады, послужил основой для составления двух/годичной программы общественно-государственной

подготовки (ОГП), которая одновременно содержала как нравственные и религиозные вопросы, так и исторический материал по патриотической теме.

В методических рекомендациях к данной программе, которые разрабатывал инструктор по работе с семьями военнослужащих Первой мобильной бригады Г.Г. Алексеева, указывается три основных направления, по которым должен идти воспитательный процесс: становление семьянина, становление гражданина и становление наследника Царствия Божьего. **Цели программы** провозглашались следующие:

1) Обрести понятие «человек» и осознать духовное предназначение каждой личности;

2) Обрести жажду жить по совести;

3) Воспитать совестливого Гражданина своего Отечества. **Задачи образовательные** заключаются в раскрытии нравственных понятий: совесть, честь, воздержание, внимание, благодарность, верность, благородство, великодушие, преступление, мужество, трудолюбие, свобода.

Задачи развивающие преследуют цель - вызвать интерес к полученным знаниям и желание практической реализации их.

Задачи воспитательные должны стремиться к тому, чтобы выработать у воинов ответственность за свою жизнь, за жизнь близких, за судьбу России.

Содержание программы состоит: на первом году службы, с декабря по ноябрь месяц - из раскрытия на каждом отдельном занятии одного нравственного понятия и исторической темы, содержание которой берется из дат православного богослужебного календаря на текущий месяц. Например, на декабрь месяц рассматривается такое нравственное понятие как совесть, а историческая тема - о жизни и подвигах на благо Отечества святого князя Александра Невского, так как 6 декабря (н. ст.) - день памяти святого благоверного великого князя Александра Невского, в схиме Алексия (+ 1263 г.). На втором году службы программа уже ориентированна на раскрытие православных вероучительных истин, таких как Бог - Творец мира, грехопадение, спасение и др. Принцип определения исторической темы остается прежним.

Компоненты процесса обучения, по мнению профессионального православного педагога Алексеевой Г.Г., должны состоять из лекционного цикла, практических семинаров, встреч с духовенством, участия верующих воинов в религиозной жизни, концертов духовного песнопения для личного состава в дни великих православных праздников, организации вокальной группы духовного песнопения, устройства доступных православных библиотек для военнослужащих, по возможности просмотр православных фильмов и участие в молебнах, как при принятии присяги, так и после окончания воинской службы.

Организация занятий в системе ОГП состоит из одного занятия в месяц по два часа. Первый час - раскрывается нравственное понятие методом сократического диалога, при помощи обозначенных в программе вопросов по данному понятию вопросов, благодаря чему пробуждается самостоятельность суждений. Второй час - историческая тема, - которая, по мнению Алексеевой Г.Г., является не самоцелью, а средством, позволяющим заинтересованно вовлечь в размышления о своем Отечестве. На занятиях запрещается осуждать, обличать, критиковать. Должна быть опора на позитивные суждения, что должно подвигнуть обучаемую аудиторию на неоформленное чувство благодарности.

Программа была разработана представителем воспитательного отдела Первой мобильной бригады служащей Российской Армии Алексеевой Г.Г. в сотрудничестве с настоятелем Свято-Никольского храма Шиханского гарнизона в феврале 1999 года. Несмотря на некоторые трудности в ее практической реализации и отдельные, по мнению автора данной работы, недостатки, о которых речь пойдет ниже, программа построена на правильных предпосылках и по своему объему и тематике вполне успешно сможет выполнять задачи по нравственно-патриотическому воспитанию военнослужащих на основах православной веры. Сама программа в своих основных частях совпадает с тем проектом программы вне богослужебных бесед с воинскими чинами, который был разработан на Первом Всероссийском съезде военного и морского духовенства в 1914 г. В том проекте также предусматривалось в первый год службы проводить беседы в основном на нравственно-патриотические темы, а во второй год службы - беседы по вопросам православного вероучения.²⁰ По сведениям автора, данную программу как образец для реализации и подражания активно распространяет Синодальный отдел Московского Патриархата по взаимодействию с Вооруженными силами и правоохранительными учреждениями. На основании имеющегося у автора данной работы опыта проведения лекционных занятий, как с солдатами срочной службы, так и с офицерами можно высказать некоторые критические замечания по данной программе. Следует сказать, что разработанная программа еще не

реализовывалась в одном своем объеме на практике при проведении занятий с военнослужащими. Это объясняется тем, что, во-первых, по причине занятости личного состава, не удалось на данный момент наладить систематическое проведение занятий именно по разработанной в программе тематике, а, во-вторых, работа осложнялось необходимостью проведения внеочередных бесед и лекций по темам актуальным на данный момент с точки зрения вышестоящего командования.

Другая причина, которая препятствует реализации программы в данном виде, заключается в малой активности личного состава во время занятий. Солдатская масса не склонна участвовать в обсуждении нравственных или вероучительных проблем по методике сократического диалога, когда требуется активная работа в группах, на которые должна разбиваться вся аудитория. Подобный метод, как показывает практика, может работать только при проведении занятий с офицерами и то с некоторыми ограничениями: более молодые офицеры, примерно в звании до капитана включительно, активно участвуют в работе с преподавателем, офицеры же более старшего возраста и звания не проявляют должного интереса и пытаются вступать в различные бесплодные дискуссии.

См. Извлечения из трудов Первого Всероссийского съезда военного и морского духовенства//ВВ Д. 1914. № 15/16. С.562-563.

Другой менее значительной проблемой является отсутствие достаточного лекционного материала по предложенным темам с учетом особых задач армейского воспитательного процесса. По мнению автора данной работы, темы по нравственным понятиям должны больше соотноситься с занятием воспитания именно православного воина. Поэтому некоторые нравственные понятия в программе можно заменить на другие, например, вместо нравственного понятия «благодарность» - «справедливость», вместо «преступление» - «ответственность», вместо «трудолюбие» - «товарищество». К историческим темам, которые ориентируются на даты церковного календаря, желательно было бы добавить исторические события, связанные с историей нашего Отечества и нашей армии. Это могут быть даты, перечисленные в Законе Российской Федерации « О днях воинской славы (победных днях) России», в Статье 1-й данного закона, сюда же, по согласованию командованием воинской части, могут быть добавлены события, раскрывающие исторический путь и подвиги данного воинского подразделения.

Кроме проведения лекционных занятий, другой основной формой работы с военнослужащими стало организованное посещение богослужений Гарнизонного храма. По договоренности священника с командирами воинских подразделений все желающие могли в выходной день, обычно в воскресенье утром до начала службы, при сопровождении офицера посетить храм, встретиться со священником, который проводил беседу с солдатами, в общем, и индивидуальном порядке. После чего все желающие могли исповедоваться и причаститься за Божественной Литургией. Подобная пастырская форма работы с военнослужащими, тоже стала традиционной и давала, по своему мнению, более эффективный результат в плане профилактики среди военнослужащих неуставных взаимоотношений, алкоголизма, наркомании, самовольных оставлений воинской части и случаев суицида.

См. Дни воинской славы. Победные дни России: Сб. статей. / Сост. И.К. Новожилов. Екатеринбург, 1998. С.3.

Это объясняется тем, что в обстановке храма и личных бесед со священнослужителем солдаты становятся более откровенными, проявляют неподдельный интерес к вопросам духовно-нравственной жизни и более восприимчивы к воспитательному воздействию на них. Здесь следует учитывать и особое благодатное воздействие на души воинов православного богослужения.

Прихожане и настоятель храма принимали участие в обустройстве в воинских казармах молитвенных комнат и уголков и при них православных библиотек, в которых военнослужащие могли бы удовлетворять свои религиозные потребности. В настоящее время количество подобных мест в казармах увеличивается, а на территории Первой мобильной бригады планируется строительство православной часовни.

Довольно новой, но уже успешно себя зарекомендовавшей формой работы по нравственно-патриотическому воспитанию воинов стало проведение выездных, на месте воинской части, православных праздников. На такие праздники как Рождество Христово. Пасха и др., например, день памяти святого благоверного великого князя Александра Невского, организовывался выезд священнослужителя, иногда нескольких, храмового хора и прихожан в расположение воинской части. По определенной программе, которая состояла из изложения истории праздника, раскрытия истин православного вероучения, связанного с этим праздником, выступления православного хора

и чтения духовных стихов. Накануне данного мероприятия проводились единовременные беседы священнослужителя с офицерами и наиболее подготовленных прихожан с солдатами по подразделениям. Особенно успешно справлялись с этой задачей женщины, на занятиях которых солдаты проявляли повышенную активность, так как, по-видимому, в образе этих женщин, проявляющих о них заботу, солдаты видели своих матерей.

Развитием данной формы сотрудничества явилось создание на базе Первой мобильной бригады хора духовно-патриотических песнопений «Щит веры». Первоначально при организации хора под управлением регента гарнизонного храма солдаты не высказывали особой заинтересованности, но после успешного выступления хора на одном из таких выездных православных праздников, интерес к участию в нем резко возрос, репертуар хора составляют песнопения из православного богослужения, старшин- строевых и солдатских песен, а также гимна бригады. Хор, по мнению автора данной работы, стал играть весьма значительную роль в деле общего религиозного просвещения военнослужащих, так как солдаты, изучая лучшие православные песнопения и старинные русские, казачьи и строевые песни, в которых большое значение уделяется вере и Церкви, интересовались вопросами, связанными с православным богослужением и вероучением.

Другой, тоже традиционной формой нравственно-патриотического воспитания военнослужащих в Шиханском гарнизоне стало совместное проведение командованием гарнизона и настоятелем храма совместно с хором праздников 9 мая, дня гарнизона, дня войск РХБЗ. Программа праздника включала в себя выступление священника на торжественном митинге с поздравительным словом, благословении Крестом, проходящих в парадном строю воинских частей гарнизона и служение панихиды по павшим на полях сражений и при исполнении своего служебного долга воинам-химикам.

По просьбе командования воинских частей гарнизона проводилось освящение жилых и служебных помещений и боксов с военной техникой воинской части. В настоящее время в гарнизоне, уже другим настоятелем, проводилось освящение военного оружия и техники перед отправкой сводного огнеметного батальона в район боевых действий в Чеченской республике в декабре 1999 г.

Весьма важным, с практической точки зрения, стал проведенный в городе Костроме по благословению Святейшего Патриарха Алексия II и с одобрения Министерства обороны сбор священников, окормляющих военнослужащих воинских частей РХБЗ центрального подчинения и заместителей командиров по воспитательной работе по проблемам духовно-нравственного воспитания воинов. Данный сбор проходил на базе Костромского военного училища войск РХБЗ 2-3 июня 1999 г. и стал возможен благодаря личной инициативе начальника войск генерал-полковника С.В. Петрова. На данном мероприятии происходил активный обмен опытом между духовенством и заместителями командиров по воспитательной работе, слушались вклады и выступления по тематике совместного взаимодействия командования и православного духовенства в вопросах возрождения духовных основ воинской службы, патриотического воспитания. Намечались новые формы работы духовенства и командования воинских частей и перспективы

Углубления сотрудничества по нравственно-патриотическому воспитанию военнослужащих на основах православной веры. Основными проблемами при проведении данной работы по нравственно-патриотическому воспитанию воинов являются:

во-первых, как верно отметил в своем докладе на сборе священников и заместителей командиров по воспитательной работе в городе Костроме начальник войск РХБЗ генерал-полковник С.В. Петров, - "глубинное подсознательно скептическое отношение значительной части командиров, их заместителей по воспитательной работе к взаимодействию с Церковью". Активизация взаимодействия с Русской Православной Церковью часто "воспринимается ими как дань моде, как очередная компания, проведение которой зависит от личности конкретного руководителя".²¹ Действительно, интенсивность проведения совместных мероприятий, занятий и посещений православных богослужений в храме во многом зависит от личного желания и инициативы каждого конкретного командира воинской части. Например, несмотря на чрезвычайную занятость, нехватку времени в день проведения воинской присяги, которая обычно проводится в воскресный день, когда в храме совершается Литургия, командир Первой мобильной бригады полковник Дьяков Н.А. перенес время принятия воинской присяги на один час позднее только чтобы священнослужитель успел бы к началу торжественного митинга и выступил бы напутственной речью и преподал благословение молодым воинам.

Второй проблемой, с которой приходится сталкиваться в войсках при проведении воспитательного процесса является отсутствие систематичности занятиях, даже при наличии согласованной программы работы священнослужителя с личным составом, часто из-за занятости личного состава или недостаточно ответственного отношения контролирующих этот процесс офицеров назначенные занятия не проводились. Здесь же следует отметить, это из-за большого количества военнослужащих в некоторых воинских подразделениях не удается за один месяц охватить занятиями весь личный состав, поэтому крайне важно иметь в штатном расписании воинской части Православно-образованного верующего на должности или помощника психолога, или, как в случае с Первой мобильной бригадой инструктора по работе с семьями военнослужащих (Алексеева Г.Г.), которые могли бы помогать священнослужителю при проведении занятий и вести самостоятельную заботу в подразделениях.

Еще одной проблемой при практической реализации программы по нравственно-патриотическому воспитанию воинов на основах Православия является недостаток практической литературы по данной программе. Только постепенно, по мере приобретения опыта и накопления материала возможно решение данной проблемы. Содержание предыдущих глав данной работы может использоваться как лекционный материал при проведении занятий. Здесь же следует указать на трудность и для самих военнослужащих доступа даже к имеющейся на территории воинской части православной литературе, так как обычно православные библиотечки находятся в штабе воинской части, а не в казарме и военнослужащим трудно ими пользоваться. Выходом из данной ситуации может стать организация данных библиотечек в 'казармах при молитвенных комнатах или уголках, с назначением ответственного за сохранность литературы офицера.

5.3. Дальнейшие перспективы нравственно-патриотического воспитания военнослужащих на основах православной христианской веры

5.4. Следует отметить, что в настоящее время, как впрочем, и в перспективе, развитие сотрудничества между Православной Церковью и Вооруженными Силами не приведет к подмене духовенством военных психологов, социологов и офицеров-воспитателей. Об этом свидетельствует современная (практика работы духовенства в армиях многих государств, в которых есть отдельный институт военных священников. В них практикуется совместная параллельная работа военных психологов и военных священников. Поэтому в нашем случае следует говорить только о совместном объединении усилий православного духовенства и воспитательных отделов воинских частей в деле нравственно-патриотического воспитания.

Кроме приведенных выше замечаний по устранению возникающих проблем в воспитательном процессе военнослужащих необходимо развивать и совершенствовать уже сложившиеся в Вооруженных Силах формы взаимодействия, к которым, кроме перечисленных выше, следует добавить следующие:

1) Проведение совместных мероприятий, связанных с историческими датами в истории государства. Вооруженных Сил Российской Федерации.

2) Участие священнослужителей в работе с военнослужащими нарушителями воинской дисциплины и требующими повышенного психолого-педагогического внимания.

3) Проведение экскурсий военнослужащих с посещением храмов, музеев и выставок по истории государства и Русской Православной Церкви.

4) Проведение акций милосердия и гуманитарной помощи в военных госпиталях и лечебных заведениях.

5) Совместная работа по приведению в надлежащий порядок мест захоронения павших защитников Отечества, памятников, мемориальных знаков, а также по сохранению достойной памяти о павших воинах.

Данные формы взаимодействия должны принять строго систематический характер для достижения максимального результата в воспитательном процессе. Для этого по согласованию с командованием и воспитательным отделом воинской части необходимо заранее на целый год составить программу совместных мероприятий, лекций и бесед, которые должны быть включены в сетку занятий по ОПТ и в расписание праздничных и выходных дней воинской части.

По мнению автора данной работы, к имеющимся уже методам воспитательного процесса следует добавить еще средства наглядной агитации, которые имеются в каждой воинской части и в которых необходимо более активно использовать выражения наших великих отечественных военачальников и церковных деятелей по вопросам важности православной веры для воинского служения, патриотической тематике. Необходимо активно практиковать в воинских частях создание хоров из военнослужащих с репертуаром не только воинских, казачьих и строевых песен,

но и с обязательным включением песнопений из православного богослужения, так как это является древней традицией русской армии, когда после вечернего отбоя каждая рота перед своим ротным образом вместе с офицерами исполняли такие песнопения как «Отче наш», «Спаси Господи люди Твоя», «Взбранной воеводе» и Др.

В перспективе возможно восстановление еще одной традиции русской армии, а именно - установление полковых праздников в честь святого покровителя воинского подразделения. Кроме этого в каждой роте старой Русской армии был свой особый Небесный покровитель и в честь него устраивались отдельные ротные праздники, что нашло свое отражение в Уставе внутренней службы (Гл. X., п. 557). В этой связи следует отрегулировать опрос с правами военнослужащих других конфессий и вероисповеданий. (Тот вопрос регулировался параграфом 556 того же Устава, по которому} в дни больших христианских праздников все наряды воинской части распределялись, по возможности, между чинами нехристианских исповеданий, и наоборот, военнослужащие нехристианского вероисповедания освобождаясь от несения нарядов и служебных обязанностей по части в дни своих религиозных праздников.²³ При этом следует отметить, что праздник воинской части, или именины полка воспринимался военнослужащими старой армии не как повод к возникновению межрелигиозной вражды, а как праздник своей полковой семьи и даже военнослужащие нехристианских вероисповеданий проявляли свое уважение к данной традиции.²⁴

Для более интенсивной работы с военнослужащими по нравственно-патриотическому воспитанию желательно было бы, по возможности, организовать в воинской части свой телецентр или узел связи, посредством которых можно было прослушивать прямо в казармах православные передачи и беседы священнослужителей. Посредством данных мероприятий заметно усилилась бы результативность пастырской работы и соответственно улучшился бы нравственно-психологический климат в воинском коллективе. Возможной заменой данных методов работы с личным составом может стать чтение во время воскресного завтрака или обеда православными военнослужащими житий святых, например, из книги «Русские святые воины» [М., 1999), а так же чтение исторической литературы с событиями из истории нашего государства и его Вооруженных Сил. Этот метод работы вполне можно применять на практике и сейчас, например, в Первой мобильной бригаде войск РХБЗ, так как военнослужащие присутствовавшие в воскресный день за богослужением в православном храме, завтракают в более

См. Устав внутренней службы. СПб., 1910. С.178. Там же. См., напр., *Шавельский Г., протопр.* Воспоминания... Т.1. С.409.

позднее время, чем все остальные и без ущемления прав военнослужащих нехристианских исповеданий могут прослушать житие святого данного дня.

Следует отметить, что постоянная и эффективная работа по нравственно-патриотическому воспитанию воинов в современных условиях в воинских частях возможна лишь при наличии в данной воинской части или верующего офицера, отвечающего за взаимодействие с Православной Церковью, или гражданского штатного сотрудника, который занимался бы на своем уровне данным воспитанием, охватывая все подразделения данной воинской части, что часто не в силах сделать священнослужитель. Имеющийся опыт в такой работе, например, в Первой мобильной бригаде, где таким воспитанием занимается инструктор по работе с семьями военнослужащих служащая Российской Армии Г.Г. Алексеева, а также еще один пример, когда в другом воинском подразделении помощником психолога части был верующий православный солдат срочной службы, имевший высшее образование, свидетельствует в пользу эффективности данного метода работы в самой среде военнослужащих. На совещании в городе Костроме предложение ввести в состав воинского подразделения, в качестве помощников психологов, хорошо разбирающихся в вопросах веры православных из числа солдат срочной службы с высшим светским или с семинарским образованием, встретило одобрение со стороны начальника войск РХБЗ генерал-полковника С.В. Петрова.

Более интенсивно следует развивать такую форму работы с военнослужащими как помощь православного священника в вопросах психологической реабилитации военнослужащих после участия их в вооруженном конфликте. Это может быть помощь в преодолении военнослужащим так называемого «посттравматического синдрома», который определяется Бенджамином Колодзиным, специалистом в данной области, как нормальная реакция на ненормальную ситуацию и который, будучи полезным для выживания в боевой обстановке, в основном лишен смысла в мирной жизни.²³ Как следует из публикаций военного психолога Игоря Соловьева до данной проблеме, в преодолении негативных последствий данного психологического явления

большую положительную роль может играть религиозная вера военнослужащего,²⁶ так как она дает человеку чувство защищенности и обращает его к истинной любви, которая помогает вернуться в нормальное русло мирной жизни,²⁷ а также помощь священника.²⁸

Весьма серьезным представляется такое направление в работе православного священника с личным составом и командованием воинских частей как разъяснение опасности для души человека применения различных психотехник, гипноза, и так называемых пси-технологий. Это становится весьма актуальным в настоящее время, когда появляется множество литературы по «психотронному» оружию и «психотронной» войне. По определению авторов данных работ, психотронное оружие - это "любые средства созданные на основе решения пси - проблемы и предназначенные для насильственного воздействия на мозг одного человека или массы людей... на окружающую среду... на информационные, производственные и технологические процессы, на предприятия и крупные стратегические объекты, используемые человечеством, на войска и военную технику с целью нарушения их нормального состояния и функционирования".²⁹ При этом авторы данных разработок не скрывают, что основу так называемой - проблемы составляет область парапсихологии,³⁰ под которой современные оккультисты понимают область действия демонических сил.

На подобные исследования в области экстрасенсорики, создания психогенераторов и другие оккультные технологии, как свидетельствует постановление Комитета по науке и технологиям Верховного Совета СССР от 4 июля 1991 г., в то время было потрачено силовыми ведомствами полмиллиарда рублей.³¹

²⁵ *Colodzin Benjamin*. How to survive trauma: a program for war veterans and survivors of rape, assault, abuse, or environmental disasters. New York, 1993. P. xii. *Соловьев И.* О вере // Солдат удачи. 1999. № 7. С.32-33.

См. *Соловьев И.* Жизнь после войны: работа со страхом // Солдат удачи. 1999. № 9. С.44-45. См. *Соловьев И.* Жизнь после войны: миф о социальной адаптации // Солдат удачи. 1999. № 10. С.44. *Цыганков В. Д., Лопатин В. Н.* Психотронное оружие и безопасность России. М., 1999. С. 17.

Насколько же опасно подобное заигрывание с падшими духами можно заключить из слов одного из участников подобных исследовательских работ Александра Кочурова: "Энергии пси-генераторов как бы прорывают дыры в иное, демоническое измерение. Не случайно вся история подобной техники связана с загадочными смертями ее создателей".³² При этом некоторые разработчики программ противодействия психотронному оружию весьма справедливо указывают на большое значение в этом деле религиозной веры, но под нею понимают "некий синтез, «мирное сосуществование» разных религий под флагом саентологической церкви по пути духовной идентификации и дианетики как науке выживания и душевного здоровья нации",³³ что является откровенной пропагандой учения одной из самых тоталитарных сект, которая прославилась скандалами с похищением секретных документов из ЦРУ и ФБР.³⁴

Совершенно очевидно, что в работе священника с личным составом по данной тематике можно обращать внимание военнослужащих на то, что с момента своего основания в земном бытии Господом нашим Иисусом Христом Православная Церковь одной из своих целей имеет брань "против мироправителей тьмы века сего, против духов злобы поднебесных" (Еф. 6,12), и успешный тысячелетний опыт этой борьбы отражен в Житиях святых и православной аскетической литературе.

Следует отметить, что отдельные формы пастырской работы с военнослужащими не отличаются от подобных же форм работы военных капелланов с личным составом армии США, за исключением разве только антисектантской пропаганды. В некоторых же областях сотрудничества, касающихся не только простого удовлетворения религиозных потребностей воинских чинов, а именно в области нравственно-патриотического и духовного воспитания военнослужащих у нас имеются большие преимущества, которые необходимо реализовывать в практической области. Так как военный капеллан армии США может лишь информировать военнослужащего, нуждающегося в пастырском руководстве в области правильного нравственного выбора.

Там же. С. 15.

³¹ *Воробьевский Ю.Ю.* Путь в Апокалипсис: Точка Омега. М., 1999. С.31.

³² Цит. по: *Воробьевский Ю.Ю.* Указ. соч. С.43-44.

³³ *Цыганков В.Д.; Лопатин В.Н.*, Указ. соч. С.85, 88.

По мнению автора данной работы, необходимо усовершенствование разработанной в феврале 1999 г. программы нравственно-патриотического воспитания на основах православной

христианской веры в системе ОГП. данное усовершенствование программы должно коснуться главным образом той части, которая составлена для 1-го года воинской службы. Программа для первого года службы может быть представлена в виде цикла лекций по таким вопросам, которые нашли свое освещение в главах данной работы:

Отношение Православной Церкви к войне и воинскому служению, патриотизм, история военного духовенства, воинская этика православного военнослужащего. Из-за неэффективности работы с военнослужащими срочной службы по методу сократического диалога необходимо ограничиваться чтением лекций, при этом вторая, историческая часть должна быть расширена за счет добавления в нее дат знаменательных событий из истории нашего государства и армии. Программа для второго года службы должна быть уже ориентированной на изучение основ православной веры всеми желающими военнослужащими. (См. Приложение). Кроме перечисленных исторических событий и дней церковного прославления святых воинов, которые составляют исторические темы каждого занятия, должны организовываться еще и православные праздники на территории воинской части, наподобие тех, о которых упоминалось выше в этой главе. В качестве необходимой литературы.

³⁴ Дворкин А. Ведение в сектоведение. Нижний Новгород, 1998. С. 13-7. ³⁵ См. Serve God and Country as an army chaplain. Washington: U.S. Dept. Of the Army, 1992.P.5.

Все даты церковного календаря приводятся по новому стилю. Цитаты, для организации воспитательного процесса можно использовать книги из библиографического списка данной работы.

Основной задачей данной программы и всего воспитательного процесса должно стать воспитание в воинах Российской Армии осознанного и глубокого чувства патриотизма и высоконравственных качеств, без чего невозможно поддерживать в Вооруженных Силах высокий уровень боеготовности и иметь современную и эффективную армию. Так как в современных способах ведения боевых действий ведущее место занимают методы психологической и информационной войны, и противостоять им может только воин, имеющий непоколебимые нравственные принципы и горячую любовь к своей Родине, а этого невозможно добиться без участия в воспитательном процессе Православной Церкви с её богатым и благодатным опытом воспитания множества поколений русских людей.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Следует отметить, что данная работа не претендует на всеобъемлющее и исчерпывающее раскрытие всех вопросов связанных с нравственно-патриотическим воспитанием в Вооруженных Силах на основах православной христианской веры, потому что отдельные главы данной работы при соответствующем их освещении вполне могут претендовать на название отдельных кандидатских диссертаций. Основной задачей данной работы является раскрытие необходимого минимума того круга вопросов, без которого невозможно осуществлять работу по нравственно-патриотическому воспитанию военнослужащих на основах православной веры и указать общее направление для развития данной формы взаимодействия Русской Православной Церкви с Вооруженными Силами Российской Федерации.

Раскрытие такого вопроса как отношение Православной Церкви к войне и воинскому служению дано наиболее подробно, так как это необходимо для того, чтобы православное духовенство, осуществляющее взаимодействие с воинскими частями имело возможность дать обоснованный ответ перед воинской аудиторией о непротиворечивости совместимости православной веры и воинского служения, а также, для противодействия тем предрассудкам, скептическим и даже пацифистским взглядам, которые иногда имеют место быть в армейской среде. Сделанные выводы вполне могут упразднить те сомнения, которые препятствовали как командованию и воспитательным отделам воинских частей, так и самим военнослужащим активно привлекать для участия в воспитательном процессе воинов православное духовенство, тем более что воинское служение, традиционно для Русской Православной Церкви, возносилось на высоту нравственно-религиозного подвига.

То же самое можно сказать и по такому рассмотренному в данной работе вопросу, как патриотизм. В современном обществе, когда стало почти нормой считать это чувство проявлением политического экстремизма и когда воспитательные институты государства, с одной стороны, фактически отказались от патриотического воспитания, а, с другой, усиленно ищут ему адекватную замену, подробное изложение православного взгляда на данный вопрос необходимо для пастырской работы с военнослужащими, так как вся задача по воспитанию патриотизма, столь

важному при исполнении воинского долга целиком легла на воспитательный аппарат Вооруженных Сил. Поэтому Русская Православная Церковь вполне может существенно помочь в осуществлении этой задачи воинского воспитания и разделить часть трудов с воспитательными отделами воинских частей. Соответствующая глава данной работы дает не только оценку бывшей и нынешней ситуации в области патриотического воспитания в Вооруженных Силах, но может послужить и для переориентации данного воспитания на основы традиционной для нашего государства религиозной конфессии - Православия. Естественно это должно относиться к тем военнослужащим, который считают себя православными христианами.

Рассмотрение такого вопроса как краткая история военного духовенства, относящегося больше к исторической тематике, преследовало цель исторически показать обоснованность и пользу от сотрудничества Православной Церкви и Российской армии, дать необходимый материал и для патриотического воспитания российских военнослужащих. Так как подвиги военного духовенства и самоотверженность при исполнении своего пастырского долга не могут не вдохновлять военнослужащих на патриотические чувства и вселять уверенность в пользе и плодотворности совместного сотрудничества. Кроме того, успешный опыт взаимодействия Церкви и Армии в прошлом дает надежду на укрепление сотрудничества, указывает на точку отсчета в дальнейшем развитии его перспектив. Хотя данная глава не отражает современной ситуации, которая сложилась на данный момент, когда становятся известны факты самоотверженного исполнения пастырского долга отдельными православными священнослужителями в воинских частях и даже их подвиги во время вооруженных конфликтов, но на данном этапе, когда еще не принято решение со стороны государства о создании специального 'органа военного духовенства в войсках, их еще нельзя относить к истории именно военного духовенства. Эти факты лишь еще раз свидетельствует об огромном желании со стороны Русской Православной Церкви и духовенства участвовать в пастырской работе в войсках и о возможности, и полезности сотрудничества в области нравственно-патриотического воспитания.

При рассмотрении основ нравственного воспитания военнослужащих и раскрытии содержания воинской этики православного военнослужащего

автором данной работы не ставилась задача наиболее подробно рассмотреть с точки зрения православного нравственного богословия все особенности и принципы воинского служения, а так же обосновать с православной точки зрения воинские ритуалы, например почитание воинского знамени. Задачей данной главы являлось дать общий подход к решению вопросов по воинской этике и рассмотреть наиболее серьезные с точки зрения православного нравственного богословия. Истолкование религиозной и нравственной значимости воинских качеств и доблестей с православной точки зрения вполне реально и имеет большое значение для воинского воспитания, так как открывает возможность религиозно мотивировать для военнослужащего необходимость их приобретения и более ревностно стремиться к идеалу воинского и, в то же время, христианского служения, который в нашей русской православной традиции получил название «христоролюбивого воинства».

Все воинские качества и доблести можно назвать нравственными или этическими добродетелям и отнести к приобретенным волевым добродетелям,² что предоставляет возможность для их воспитания именно на основах православного учения о нравственности. В то же время, как показано в данной работе, воинские добродетели, по мнению наших отечественных полководцев и церковных писателей, можно отнести и к религиозным добродетелям и, что все они имеют своим основанием и идеалом христианские нравственные качества.

Об этом см., напр., *Недешев И., свящ.* Поучение о полковом знамени // Руководство для сельских пастырей. Киев, 1871. Т.2. С.253-255.

Можно сказать, что все воинские, нравственные и религиозные добродетели взаимно связаны, дополняют и определяют друг с друга, и составляют некоторое динамическое единство в единстве личности воина. Вследствие этого можно утверждать, что данные добродетели служат не только для успешного выполнения воинского долга, но и для нравственного совершенства на пути к Царству Небесному. Поэтому в отношении воинского воспитания можно сказать, что оно вполне может встать на основы православной веры и приобрести более действенные методы и большую эффективность. Это можно подтвердить словами митрополита Иоанна (Сычева), который считал, что лучшим воплощением идеи современной армии для России станет соединение национального самосознания с

"животворящими истинами веры, гармонично соединяющих в себя смирение и мужество, доблесть и кротость, силу и милосердие"/

При изложении имеющегося опыта работы по нравственно-патриотическому воспитанию, автор данной работы преследовал цель показать современное положение в этой области сотрудничества православного духовенства и воинских частей для того, чтобы иметь возможность критически его проанализировать и показать пути к его развитию и усовершенствованию. Следует отметить, что данный опыт работы по нравственно-патриотическому воспитанию включает себя анализ и оценку опыта предшественников автора, трудившихся в этом же направлении в Шиханском гарнизоне войск РХБЗ, и фактически охватывает период с 1993 по 1999 гг.

Как уже отмечалось в соответствующей главе, хотя подобная форма сотрудничества в Шиханском гарнизоне имеет довольно продолжительное время, по сравнению с другими воинскими частями, но и имеющийся опыт пока еще далек от желаемого вида. Проведя его критический анализ, и указав на возможные пути преодоления имеющихся препятствий и проблем, а так же учитывая ответы на выше изложенные вопросы, возникающие при работе священнослужителя в воинских коллективах в рассматриваемой области сотрудничества, автор данной работы предлагает на обсуждение, как один из возможных вариантов, программу по нравственно-патриотическому воспитанию военнослужащих на основах православной христианской веры в системе ОГП. (см. Приложение.)

² См. Платон (Игумнов), архим. Православное нравственное богословие. С.212-213.

Сама предложенная программа не исчерпывает всех других возможных решений вопросов связанных с воинским воспитанием, но ценность ее основывается на уже имеющемся опыте, тем более, как об этом говорилось выше, программа отражает общее направление подобной же программы, которая была разработана еще на Первом Всероссийском съезде военного и морского духовенства в 1914 г. в городе Санкт-Петербурге.

Лекционный материал к представленной программе может быть дополнен отрывками из житий святых воинов, в которых содержится раскрытие необходимых нравственных качеств для воина, сюда же могут быть включены примеры высоконравственного и героического поведения воинов из истории войн, которое вело наше государство на протяжении своей истории. Весьма желательным было бы включить в исторические темы данной программы знаменательные события из истории воинской части, в которой проходят занятия по данной программе, примеры подвигов и доблестного исполнения своего воинского долга воинами, проходившими службу в данном подразделении.

Второй год обучения военнослужащих по данной программе предусматривает изучение основ православного вероучения, так как при современном состоянии религиозного просвещения в нашем обществе, даже среди призывников считающих себя верующими православными христианами наблюдается незнание элементарных основ православной веры, без чего невозможно закрепление результатов первого года обучения, который посвящался воспитанию нравственно-патриотических качеств.

Иоанн (Снычев), митр. Русская симфония. Очерки русской историософии. СПб., 1998. С.297. См. Проект программы вне богослужебных бесед полкового священника с воинскими чинами//ВВД. 1914. № 15/16. С.562-563.

На втором году службы в рамках программы по ОГП происходит закрепление и повторение результатов первого года через обоснование религиозной необходимости нравственности для воина как средства для стяжания столь необходимой воину благодати Божией. Во время второго года обучения не прекращается и патриотическая составляющая воспитания, которой посвящены вторые - исторические темы занятий.

Следует сказать, что общий подход к воспитанию воинов, который был характерен для советского воинского воспитания, когда вначале рассматривались отдельные воинские и моральные качества необходимые для военнослужащего, а потом закреплялись приведением соответствующих теме примеров из истории советских Вооруженных Сил, остается таким же и для нравственно-патриотического воспитания военнослужащих на основах православной веры. Но в нашем случае исторических примеров может быть гораздо больше, так как они не ограничиваются ни идеологическими, ни историческими границами, а количество действительно необходимых воинских качеств, которые традиционно, со времен генералиссимуса А.В. Суворова, связывались с нравственно-религиозными, значительно увеличивается. Это является еще одним свидетельством в

пользу именно подобного воспитания, так как большее количество воинских черт наиболее тщательно обрисовывает облик воина, который должен включать в себя все лучшее, без чего трудно достичь победы.

В современной ситуации реформирования Вооруженных Сил, когда идет поиск новых форм воспитательной работы в войсках, возникает возможность переориентации воспитательного процесса военнослужащих на традиционные для русского воинства основы веры, любви к Отечеству и служения ближним своим. Поэтому всякое движение в области возрождения подобных духовно-нравственных основ имеет определенную ценность и послужит укреплению не только общего состояния боеготовности Вооруженных Сил, но и закладывает будущие нравственно-здоровые устои нашего общества, так как сегодня воспитанные воины завтра перенесут их в гражданскую жизнь и станут здоровой закваской для всего общества. Вследствие этого, автор данной работы считает, что имеющийся опыт по нравственно-патриотическому воспитанию военнослужащих на основах христианской православной веры, который имеется в Шиханском гарнизоне войск РХБЗ, вполне может стать точкой отсчета для развития и применения подобной формы воинского воспитания в других воинских частях Вооруженных Сил Российской Федерации.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Библия. Книги Священного писания Ветхого и Нового Завета / В рус. переводе с I прил. - 4-е изд. Брюссель: «Жизнь с Богом», 1989.
2. Августин Аврелий, еп., блж. О граде Божием.: В 4-х т.- Репринт. - М.: Изд. Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1994. - Т. 1: Кн. 1-7. - 394 с. *Амеросий Медиоланский, сет.* Об обязанностях священнослужителей. Пер. с лат. Гр. Прохорова. Казань, 1908. - 380 с. \, *Афанасий Великий, сет.* Творения: В 4-х т. - Репринт. - М.: Изд. Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1994.- Т.3. - 524, XIII с.
5. *Василий Великий, сет.* Творения. СПб.: Изд. «Русский Паломник», 1911. - Т. 2: Нравственные правила. Беседы. О подвижничестве. - 530, IV с.
6. *Василий Великий, сет.* Творения. СПб.: Изд. «Русский Паломник», 1911. -Т. 3: Письма к разным людям. - 420, XXIII с.
7. *Григорий Богослов, сет.* Творения: В 2-х т. - Свято-Троицкая Сергеева Лавра, 1994. -Т. 2. - 596, IV с.
8. *Григорий Чудотворец, сет.* Творения. / Пер. проф. Н. Сагарды. - Репринт. - М.: Паломник, 1996. - 211 с. - (Библиотека отцов и учителей Церкви: № 4.)
9. *Иоанн Дамаскин, прп.* Точное изложение православной веры. - Репринт. - М.: Братство святителя Алексия, 1992. - 446 с.
10. *Иоанн Златоуст, сет.* Творения: В рус. переводе: В 12-ти т. - СПб.: Изд. СПб. Д.А., 1898-1911. - Т. 2: Беседы о статуях, Слова огласительные и др.: Кн. 1. -1899. -520с.
11. *Иоанн Златоуст, сет.* Творения: В рус. переводе: В 12-ти т.- СПб.: Изд. СПб. Д.А., 1898-1911. - Т. 7:Толкование на Святого Матфея Евангелиста-.В 2-х кн. - 1901. - 891 с.
12. *Иоанн Златоуст, сет.* Избранные беседы о повседневных вопросах христианской жизни. - Репринт. - М.: «Отчий дом», 1999. - 628, V с.
13. *Иоанн Лествичник, прп.* Лествица. - Репринт. - М.: Изд. Свято-Успенского Псково-Печерского монастыря, 1994. - ХП, 276, 90, П с.
14. *Климент Александрийский.* «Кто из богатых спасется?». Увещание к эллинам / Пер. с греч. Н. Корсунского. Ярославль, 1888. - 179 с.
15. *Климент Александрийский.* Педагог / Пер. с греч. Н. Н. Корсунского и свящ. Г. Чистякова. - М.: Изд. Учебно-информационного экуменического центра ап. Павла, 1996. - 290 с. - (Учители нераздельной Церкви).
16. *Лактаций.* Творения; В 2-х ч. - СПб., 1848. - Ч. 2: Божественные наставления. - 317 с.
17. *Немесий Эмесский.* О природе человека. / Пер. с греч. Ф.С. Владимирского; Вступ. ст. Н.В. Шабурова. - М.: Изд. Учебно-информационного экуменического центра ап. Павла, 1996. -203 с.- (Учители нераздельной Церкви).

18. Отцы и учителя Церкви III в.: Антология: В 2-х т. / Сост., биограф, и библиограф, ст. иером. Илариона (Алфеева). - М., 1996.
19. Писания Мужей Апостольских Пер. прот. П. Преображенского. - Репринт. - Рига, 1994.-440 с.
20. Ранние отцы Церкви: Антология. (Мужья Апостольские и Апологеты). - Брюссель: «Жизнь с Богом», 1998. -734 с.
21. *Тертуллиан*. Избранные сочинения / Сост. и общая ред. А.А. Столярова; Пер. с лат. И. Маханькова и др. - М.: Прогресс, 1994. - 444 с.
22. *Фотий Константинопольский, сет. Амфилохии* / Пер., прим. Д.Е. Афиногенова // Альфа и Омега. - 1998. - № 2 (16). - С. 87-100.
23. *Аверинцев С.С.* Поэтика ранневизантийской литературы. М.: «Наука», 1977. - 318с.
24. Акафистник: В 2-х ч. -М.: Изд. Московской Патриархии, 1993. -Ч. 1. -254 с.
25. *Алексий II, Патриарх Московский и всея Руси*. Слово к воинам // Православная Москва. - 1998. - №32-33. - С. 2.
26. Алфавитная Синтагма Матфея Властаря / Пер. с греч. Свящ. Н. Ильинского. - Репринт. - М., 1996. - 479 с.
27. *Антоний (Храповицкий), митр.* Собрание сочинений в 3-х т. - Казань, 1900. - Т. 3: Статьи философские и критические. Ч. 1,2 - 642 с.
28. *Антоний (Храповицкий), митр.* Словарь к творениям Достоевского. М., 1999. - 191 с. Т
29. *Байдуков А.* Христианское вероучение о войне и воинской службе. Журнал Московской Патриархии (ЖМП). - 1999. - № 8. С. 65-69.
30. *Барсов М.В.* Сборник статей по истолковательному и назидательному чтению Четвероевангелия. СПб., 1893. - Т. 1. - 807 с.
31. *Бепозуров С.* Психологические операции США в Боснии и Герцеговине. // Солдат удачи. - 1999. -№11.- С.34-38.
32. *Бердяев Н.А.* Кошмар злого добра // Путь. Кн. 1 (I-VI). М.: Информ-Прогресс, 1992. С. 462-471.
33. *Бердяев Н.* О самоубийстве. М.: Изд. Московского ун-та, 1992. - 24 с.
34. *Бердяев Н.А.* Судьба России. -Репринт. - М.: Изд. МГУ, 1990. - XIV, 240 с.
35. Биографии Российских генералиссимусов и генерал-фельдмаршалов: В 3-х ч. - СПб., 1840.-4.3.-268 с.
36. *Богачев С.В.* Армия и Церковь: История и современный опыт сотрудничества. Школа духовности. - 1999. - № 1. - С. 40-49.
37. *Болотов В.В., проф.* Лекции по истории Древней Церкви: В 4-х т. - Репринт. - М.: Изд. Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1994. - Т. 2: История Церкви в период до Константина Великого. - ХУШ, 474,-XVII с.
38. *Булгаков С.* На пиру богов. София, 1920. -118 с.
39. Власть. Основы отношения к властям, обществу и государству: Сб. ст.-М., КАЗАК, 1998.-80 с.
40. *Вениамин (Федченков), митр.* На рубеже двух эпох / Подготовка текста, вступ. статья, коммент. А.К. Светозарский. - М.: «Отчий дом», 1994. - 446 с.
41. Военный дух // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. - СПб, 1892. Т. 12. С.860.
42. Военное духовенство // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. СПб Военные пословицы русского народа / Сост. М.И. Шахнович. Л., 1945. -146 с.
44. Военная реформа // Словарь атичности / Пер. с нем. - М.: Эллис Лак; Прогресс, 1993. С. 108.
45. Воинские повести Древней Руси: Сб. - Л.: Лениздат, 1985. - 495 с.
46. *Волкогонов Д.А.* Беседы о воинской этике. М., ДОСААФ, 1977. - 159 с.
47. *Волкогонов Д.А.* Доблести. М.: «Молодая Гвардия», 1981. - 191с.
48. *Воробьевский Ю.Ю.* Путь в Апокалипсис: Точка Омега. М., 1999. - 396 с.
49. *Воронов Л., прот.* Догматическое богословие: Учебное пособие. М.: «Хроника», 1994. - 94 с.
50. *Гаврюшин Н.К.* Антитезы «православного меча» .7 Вопросы философии. -1992.-№ 4.-С. 79-83.
51. *Гальбиати Э., Пьяцца А.* Трудные страницы Библии. <Ветхий Завет>. М.: Путь, 1995 -315 с.

52. Гершельман С. Нравственный элемент в руках Суворова. СПб., 1892. - 134 с.
53. Гончаров Н. Военское звание перед судом Слова Божия и разума святой Православной Церкви // Вестник военного и морского духовенства (ВВД). - 1914. - №19. - С. 664-671.
54. Гусев А., проф. О клятвах и присяге. Против современных отрицателей ее. Казань, 1891.-60 с.
55. Гусейнов А.А. Этика ненасилия // Вопросы философии. -1992, - С. 72-81.
56. Дворкина А. Ведение в сектоведение: Учебное пособие к курсу «Сектоведение». Нижний Новгород: Изд. Братства во имя святого великого князя Александра Невского, 1998.-457 с.
57. Дебольский Г.С. Отечество небесное, отечество земное по слову Божию. - Репринт.- М, 1996. - 62с.
58. Де Виньи Альфред. Неволя и Величие солдата / Сост. и коммент. Б. Г. Реизов - Л.: «Наука», 1968.-187 с.
59. Димитрий Ростовский, *сет.* Поучения: В 2-х т. - СПб.: Изд. П. П. Сойкина, б. г. - Т. 1.-522с.
60. Длсервлиевский Б. Чеченский плен // Солдат удачи. - 2000.- № 3.- С.4-9.
61. Димитрий (Муретов), архиеп. Слова, беседы и речи в 5 Т. М., 1898. - Т.2: Слова и беседы на дни Богородичные и святых. - 298 с.
62. Дни воинской славы. Победные дни России: Сб. статей. / Сост. И.К. Новожилов. - Екатеринбург, 1998. - 48 с.
63. Догматические послания православных иерархов XVII-XDC веков о православной вере. - Репринт. - Свято-Троицкая Сергиева Лавра. 1995. - 270 с.
64. Драгомиров М. Одиннадцать лет: 1895 - 1905 гг.: Сборник оригинальных и переводных статей М.И. Драгомирова за 1895 -1905 гг. Кн. 1. СПб., 1909. - VI, 420, Vine.
65. Дронов М., прот. «Не протився злему...» // Альфа и Омега. -1996. -№ 1. - С.136-158.
66. Дунаев ММ Своеобразие русской иконописи. Очерки по русской культуре XI-XVII вв. -М.: «ГОНЧАРЪ», 1995. - 79 с.
67. Дух великого Суворова или Анекдоты подлинные о Князе Итальянском графе Александре Васильевиче Суворове Рымникском. Тактика или разговор Суворова с солдатами их языком о науке искусно побеждать. СПб., 1808. - XIV, 160 с.
68. Духовная трагедия Льва Толстого: Сб. ст. / Сост. А.Н. Стрижев. - М., 1995. - 317 с.
69. Дьяченко Г., *свящ.* Самоиспытание христианина по плану обязанностей гго к Богу, ближним и самому себе. М., 1897. - 167 с.
70. Евсевий Памфил, *еп.* Кгсарий[^]гт. Церковная история. М.: Изд. Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1993. - 347 с.
71. Жаров А.А. Настоящие русские. // Русский Дом. 1999. - № 5.- С.48-49.
72. Желобовский А., *протопр.* Поучение на Новый год // Вестник военного и морского духовенства. (ВВД). -1906. - № 1.- С. 6.
73. Желобовский А.А. *протопр.* Слова, беседы и поучения. СПб., 1899.- 366 с.
74. Жизнь для вечности / Сост. Н.Е. Пестов; Под общ. ред. Епископа Новосибирского и Бердского Сергия (Соколова). -Новосибирск, 1997. - 189 с.
75. Жития святых, на русском языке изложенные по руководству Четых-Миней св. Димитрия Ростовского, с доп., объяснит., прим. и изображениями святых: В 12 кн., 2 кн. доп.: Январь. - М., 1904. - 935 с.
76. Сергей Радонежский: Сб. / Сост. В.А. Десятников - М.: Патриот, 1991. - 539 с.
77. Жукова М. Г. Маршал Жуков. Сокровенная жизнь души. М.: Изд-е Сретенского монастыря, 1999. - 61 с
78. Жукова М.Г. Старец Нектарий и маршал Жуков. // Русский Дом. -1999. - № б.-С.10-11.
79. Зайцев Б.К. Избранное. М.: Изд. Сретенского м-ря, 1998. - 318 с.
80. Зарин СМ. Аскетизм по православно-христианскому учению. / Вступ. ст. А. И. Сидорова. - Репринт. - М.: Паломник, 1996. - XXXI, 693 с. - (Святые отцы и учителя Церкви в исследованиях православных ученых).
81. Зарин С.М. Закон и Евангелие по учению Господа в Евангелии Матфея гл. V, ст. 13-48. Пг, 1915.-165 с.

82. Из истории религиозных, культурных и политических взаимоотношений России и Японии в XIX-XX веках: Сб. науч. тр./ Сост. В.С. Белоненько. - СПб., 1998. - 246 с.
83. Извлечения из трудов Первого Всероссийского съезда военного и морского духовенства//ВВ Д. -1914. -№ 15/16. - С. 553-563.
84. *Ильин И.А.* О грядущей России: Избранные статьи / Под ред. Н.П. Полторацкого. -М. Воениздат, 1993. -368 с.
85. *Ильин И.А.* О сопротивлению злу силою. Берлин, 1925. - 221 с.
86. *Ильин И.А.* О сущности правосознания. М.: «Рарогъ», 1993. 234 с.
87. *Ильин И.А.* Собрание сочинени: В 10 т. Т. 1. / Сост., вступ. ст. и коммент. Ю.Т. Лисицы. -М.: Русская книга, 1993. - 400 с.: ил.
88. *Ильин И.А.* Собрание сочинени: В 10 т. Т. 5. / Сост., вступ. ст. и коммент. Ю.Т. Лисицы. -М.: Русская книга, 1996. - 608 с.
89. *Иннокентий (Борисов), архиеп.* Собрание слов и речей по случаю нашествия неприятельского произнесенных в разных местах херсоно-таврической епархии. Т. 1. Одесса, 1855.-314 с.
90. *Иннокентий (Борисов), архиеп.* Сочинения: В 12т. Т. 3: Слова на высокаторжественные дни; при избрании в общественные должности и при открытии общественных учреждений; надгробные; по случаю общественных бедствий и др. Изд. 2-е. СПб., 1908. - 688, VII с.
91. *Иннокентий (Кремвезг^кий), еп.* Нагорная проповедь Христа Спасителя. Экзегетическое исследование. Св. Мф. V-VII гл. Астрахань, 1915. - L, 437, XXI с.
92. *Восторгов И., прот., священномуч.* Полное собрание сочинений: В 5-и т. Т. 3: Проповеди и поучительные статьи на религиозно-нравственные темы. 1906-1908 гг.-Репринт. - СПб.: «Царское Дело», 1995. -. - 793, VH с.
93. *Иоанн Кантакузин.* Беседа с папским легатом. Диалог с иудеем и другие сочинения / Предисловие, пер. с греч. и коммент. Г.М. Прохорова. СПб.: «Алетейя», 1997. - 317 с. - (Византийская библиотека).
94. *Иоанн (Сергеев), прот. Кронштадтский, св. прав.* Моя жизнь во Христе. М.: «Центр Благо», 1999. - 944 с.: ил.
95. *Иоанн (Сергеев), прот. Кронштадтский, св. прав.* Полное собрание сочинений. Т. 7: Слова и поучения, произнесенные с 1896 - 1902 гг.. - Репринт. - СПб., 1994. - 712 с.
96. *Иоанн (Сньгчев), митр.* Битва за Россию. СПб., 1993.- 95 с.
97. *Иоанн (Снычев), митр.* Русская симфония. Очерки русской историософии. СПб., 1998.-494 с.
98. *Иоанн (Экономцвв), игум.* Православие, Византия, Россия: Сб. ст. - М., 1992. - 232 с.
99. Источник воды живой. Описание жизни и деятельности отца Иоанна Кронштадтского. - Репринт. - СПб.: «Царское дело», 1995. - 855 с.
100. *Карамзин Н.М.* Избранное. М., 1990. - 395 с.
101. *Карашев А.* Отношение христиан первых трех веков (до Константина В.) к военной службе. Рязань, 1914. - 91 с.
102. *Карсавин Л.П.* Малые сочинения / Сост. и коммент. С.С. Хорунжего. - СПб.: «АЛЕТЕЙЯ», 1994. - 531 с. - (Памятники религиозно-философской мысли нового времени).
103. *Карсавин Л.П.* Сочинения. Т. IV: О началах. (Опыт христианской метафизики) / Подготовка текста и послеслов. А.К. Клементьева. - УМКА-PRESS; СПб., 1994. -375с.
104. Катехизис: Сб. ст. -Киев: Издание Украинской Православной Церкви, 1991.-415с.
105. *Киприан (Керн), архим.* Антропология св. Григория Паламы. / Вступ. ст. А.И. Сидорова. - Репринт. - М.: Паломник, 1996. - LXXVIII, 450 с. - (Святые отцы и учителя Церкви в исследованиях: № 1).
106. *Клепинин Н.А.* Мысли о религиозном смысле национализма. // Путь. Кн. 1(I-VI). М.: Информ-Прогресс. 1992. С.700-708.
107. *Ключарев А.* Слово о любви к отечеству // Русская хрестоматия, с примечаниями. 4.4: Проза / Сост. А. Филонов. - СПб., 1896. - С.684-691.
108. *Козин А.А.* Религиозно-нравственные основы воинского служения православных христиан России во второй половине 19-го конца 20-го столетия. /Кандидат, дисс./ М.:СТБИ, 1996.-232 с.
109. *Комаровский Л., граф.* Идея мира и Церковь // Вера и Церковь. М., 1899. Кн. 1. С.437-457.

110. *Костин Б.* Священник полковой // ЖМП. - 1993. - № 1. - С. 70-76.
111. *Красножвн М.Е.* Основы церковного права. - Репринт. - М.: Изд-е Свято-Владимирского братства, 1992. - 158 с.
112. *Куликовский Ю.А.* История Византии: В 3-х т. - СПб.: «АЛЕТЕЙЯ», 1996. - Т. 1. 446с. - (Византийская библиотека).
113. *Литаврин Г.Г.* Как жили византийцы. СПб.: «АЛЕТЕЙЯ», 1997. -254 с. - (Византийская библиотека).
114. *Лосский В.Н.* Очерк мистического богословия Восточной Церкви. Догматическое богословие. М., 1991. -288 с.
115. *Лосский Н.О.* Условия абсолютного добра. М.: «Республика», 1996. - 367 с. - (Библиотека этической мысли).
116. *Макарий (Булгаков), митр.* История Русской Православной Церкви. М.: Изд-во Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1996. -Кн. 6. - 800 с.
117. *Маршал Жуков: полководец и человек: Сб. ст. - В 2-х т. - М.: Изд. АПН, 1988.*
118. *Мейендорф И., прот.* Введение в святоотеческое богословие. Вильнюс, 1992. - 357 с.
119. Методические рекомендации командирам воинских частей, подразделений, их заместителей по воспитательной работе по использованию помощи религиозных объединений в профилактике самоубийств. М., 1998. - 13 с.
120. Меч и мир: православный взгляд. (Из выступления профессора МДА А.И. Осипова на третьем «Открытом дне Московской Духовной Академии») / Сост. А. Бесарабов // Встреча. - 1998. - № 3. - С.4-7.
121. Минея [служебная]: Сентябрь. М.: Изд. Московской Патриархии, 1978. - 800 с.
122. Морские сражения русского флота: Воспоминания, дневники, письма/ Сост. В.Г. Оппок. - М.; Воениздат, 1994. - 560 с.
123. Мудрые советы святителя Феофана из Вышенского затвора с приложением симфонии по письмам святителя. / Сост. прот. А. Бобров. -М.: '«Правило веры», 1998.-700 с.
124. *Невзоров Н.* Исторический очерк управления духовенством Военного ведомства в России. СПб. 1875. - VI, 101 с.
125. Несколько слов о генерале Скобелеве русского офицера. Париж, 1887. - 42 с.
126. *Никифоров Ю.* Здоров ли дух в здоровом теле? Об антихристианской сущности восточных единоборств. Православная беседа. - 1998. - № 2. - С.9 - 11.
127. *Никодим (Милаш), еп.* Правила Православной Церкви с толкованиями: В 2-х т. / Пер. и ред. свящ. М. Козлова; Пред. Прот. В. Цыпина. - Репринт. - М.: Изд. Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, 1996.
128. *Николай Кавасила.* Семь слов о жизни во Христе. М., 1874. - 198 с.
129. *Николай (Ярушевич), митр.* Танковая колонна Русской Православной Церкви имени Димитрия Донского // ЖМП. - 1943. - №2. - С.30-32.
130. *Нечаев П.Н.* Практическое руководство для священнослужителей или систематическое изложение полного курса их обязанностей и прав. СПб., 1915. - 841с.
131. *Нечволодова А.* Сказания о Русской земле: В 4 кн. - Репринт. - Кемерово, 1991, Ч. 2. - 485с.
132. *Никольский В.* Христианство, патриотизм и война. Казань, 1904, - 98 с.
133. *Никольский В.* Христианство, патриотизм и война //Православный собеседник. Казань, 1904. Т. 2., Ч. 2. - С. 147-165; 549-572.
134. 0 долге и чести воинской в российской армии: Собрание материалов, документов и статей. Сост. Глушко Ю.А., Колесников А.А.; Под ред. Лобова В.Н. - М.: Воениздат, 1990. - 368с.
- 135.0 советской Родине и воинском долге: Книга для чтения. В помощь слушателям политических занятий. / Сост. М.У. Сибилев, Г.П., Филлипов, В.В. Перевозников, - М.: Воениздат, 1985. - 608 с.
136. *ПаредиАнджело.* Святой Амвросий Медиоланский и его время. Милан: «Христианская Россия», 1991. - 267 с.
137. *Певницкий П., прот.* Проблема зла в понимании христианства и толстовства // ВВД. -1914.- №10.-С.265-370.

138. Переписка Российского Генералиссимуса Князя Итальянского Графа Александра Васильевича Суворова Рымникского. СПб., 1808. - 48 с.
139. Платон (Игумнов), архим. Православное нравственное богословие: Учебное пособие Круглый стол по религиозному образованию в Русской Православной Церкви. -Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1994. -240 с.
140. Покровский А., свящ. *Воины - герои в мирное время // ВВД. - 1906. - № 5. - С. 146-147.*
141. Покровский А. свящ. *Защита родины, как особый вид обета // ВВД, - 1906. - № 5. - С.*
142. Пономарева А. Вторая чеченская // Истина и жизнь.- 2000. - № 3. - С. 2-5.
143. Попов К, прот. Нравственное богословие для мирян в порядке десяти заповедей Божиих. - Репринт. - М.: «Правило веры», 2000. - 1039 с.
144. Поное М.Э. История Христианской Церкви. (До разделения Церквей). Брюссель: «Жизнь с Богом», 1988. - 614 с.
145. Поспеловский Д.В. Русская православная церковь в XX веке. М.: Республика, 1995. -511с.
146. Поспелоевский Д.В. Православная Церковь в истории Руси, России и СССР: Учебное пособие. М.: Библиейско-Богословский Институт св. апостола Андрея, 1996. -408 с.
147. Португальский Р.М., Алексеев П.Д., Рунов В.А. Первая мировая в жизнеописаниях русских военачальников./ Под общ. ред. В.П. Маяцкого. - М.: Элакос, 1994. - 400 с.:ил.
148. Правда о религии в России. М., 1942. - 456 с.
149. Придатыко П.А. Всеславянский комитет // Держава. -1998. - № 2. - С.43-45.
150. Раи Карем. Армия и культура // Военные приключения: Сб. / Сост. С. Гагарин. - М.: Воениздат, 1989.-С.393-447.
151. Российский военный сборник. Выпуск 12. Христолюбивое воинство: (Православная традиция Русской Армии). / Сост.: А.Е. Савинкин, И.В. Домнин, Ю.Т. Белов. - М.: Военный ун-т. Независимый военно-научный центр «Отечество и Воин», Русский путь, 1997.-494 с.
152. Российский военный сборник. Выпуск 13. Душа армии. (Русская военная эмиграция о морально-психологических основах российской вооруженной силы). Сост. И.В. Домнин. - М.: Военный ун-т. Независимый военно-научный центр «Отечество и Воин», Русский путь, 1997. - 620 с.
153. Российский военный сборник. Выпуск. 16. Военная мысль в изгнании: Творчество русской военной эмиграции / Сост. И.В.Домнин. - М.: Военный ун-т, Русский путь, 1999.-636 с.
154. Русские святые воины. Жития. Библиотека журнала «Держава». - М.: «Россия молодая», 999. - 127 с.
155. Российские офицеры / Е. Месснер, С. Вакар, Ф. Вербицкий, В. Гранитов и др.; под ред. А.Б. Григорьева. -М.: «Анкил -Воин», 1995. - 63 с.
156. Сергей (Соколов), еп. Священное Писание Ветхого Завета: В 2-х ч.: Учебное пособие. - Сергиев Посад, 1996 - Ч. 2: Пророческие книги Ветхого Завета. - 224 с.
157. Серебрянников В.В. Войны России: социально-политический анализ. М.: Научный мир, 1999.-380 с,
158. Сидоров А.И. Курс патрологии: Возникновение церковной письменности: Учебное пособие. М.: Русские огни, 1996. -349 с.
159. Сидоров А.И. Древнехристианский аскетизм и зарождение монашества. М.: Паломник, 1998. - 525с. - (Православное монашество и аскетика в исследованиях и памятниках).
160. Скурат К.Е., проф. Великие учителя Церкви. Клин, 1999.- 284 с.
161. Смирнов А., прот Назначение священнослужителей во флот в царствование Петра I // ВВД. - 1914. - № 21. - С.737-740.
162. Смолич И.К. История Русской Церкви: 1700-1917. - М.: Изд. Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1996. -Ч. 1. -799 с.
163. Солжвницин А.И.. Пасхальный крестный ход // ЖМП. - 1999. - № 1. С.49-50.
164. Соловьев В.С. Сочинения в 2-х т. / Сост., общ. ред. и вступ. ст. А. Ф. Лосева и А. В. Гулыги; Примеч. С. Л. Кравца и др. - М.: Мысль, 1990. (Философское наследие: Т. 111).
165. Соловьев И. О вере // Солдат удачи. -1999. - № 7. - С. 32-33.
166. Соловьев И. Жизнь после войны: работа со страхом // Солдат удачи. -1999. - № 9. -С.42-45.

167. *Соловьев И.* Жизнь после войны: миф о социальной адаптации// Солдат у дачи. -1999.-№10.-С. 44-45.
168. *Солярский П., прот.* Нравственное православное богословие. СПб., 1901. -X, 358 с
169. *Сребрянский М.В., свящ.* Дневник из времен Русско-японской войны священника 51-го драгунского Черниговского полка. М., 1996.- 350 с.
170. *ТаубеМА.* Христианство и международный мир. М.. 1905. - 55 с.
171. «Твой есмь аз» Суворов. / Сост. М. Г. Жукова. - М.: Изд. Сретенского монастыря. 1998-160 с.
172. *Тихон Задонский, сет.* Творения: В 3-х томах. - 3-е изд., доп. - М.: Синод. Тип., 1875. - Т. 3: О истинном христианстве. - 420, IV, III с.
173. *Титов А.* Священник-герой // ВВД. - 1915. - № 13/14. - С. 424-428.
174. *Толстой Л.Н.* К политическим деятелям. М., 1906. - 32 с.
175. *Толстой Л.Н.* О непротивлении злу. Берлин, б.г. - 22 с.
176. *Толстой Л.Н.* Офицерская памятка. Б.м., б.г. - 8 с.
177. *Толстой Л.Н.* Патриотизм и правительство М., 1906. - 32 с.
178. *Толстой Л.Н.* Письмо к либералам. М., 1906. - 16 с.
179. *Толстой Л.Н.* Солдатская памятка. Б.м.. б.г. - 8 с.
180. *Трубецкой Е.Н.* Отечественная война и её духовный смысл. М. 1915.- 32 с.
181. *Трубецкой Е.Н.* Избранное. М.: Канон, 1995. - 480 с.
182. *Тяжелое Н., свящ.* Священники в армии // ВВД. 1914. № 11/12. С. 420-425.
183. Устав внутренней службы. 23 марта 1910 г. - СПб., 1910.
184. Ф.М. Достоевский и Православие. / Сост.А.Н. Стрижев. М.: «Отчий дом», 1997. - 315с,- (Православная Церковь и русская литература). О
185. *Федотов Гергий.* Святые Древней Руси. М., 1990. -269 с.
186. *Филарет (Дроздов), сет.* Собрание мнений и отзывов Филарета, митрополита Московского и Коломенского, по учебным и церковно-государственным вопросам. Изд. под ред. Саввы, архиеп. Тверского и Кашинского. Том Доп. СПб., 1887. - XVI, 697с.
187. *Филарет, игум.* Конспект по Закону Божию. (По кн. "Христианская жизнь" прот. Н. Вознесенского).Уфа, 1990. - 110 с.
188. Философия русского религиозного искусства XVI-XX вв.: Антология / Сост., общ. ред. и предисл. Н.К. Гаврюшина. - М.: Прогресс, 1993. - 400 с. - (Сокровищница русской религиозно-философской мысли. Вып. I).
189. *Флорм Жак.* Идеология меча. Предыстория рыцарства. / Пер. с фр. М.Ю. Некрасова; науч. ред. к. и. н. Ю.П. Калинин - СПб.: «Евразия», 1999. - 320 с.
190. *Флоровский Г., прот.* Из прошлого русской мысли. -М.: «Аграф», 1998. -423 с
191. *Фотий, архим.* Главные обязанности христианина в обществе // Духовная беседа. - СПб, 1868. Т.1. -С. 57-64.
192. *ХоцяновК.С.* Опыт разбора повести Гоголя: «Тарас Бульба». СПб. 1883. - 83 с.
193. Христос и культура. Избранные труды Ричарда Нибура и Райнхольда Нибура. Юрист, 1996. - 575 с.
194. *Цыганов В.Д., ЛопатинВ.Н.* Психотронное оружие и безопасность России. М.: СИНТЕГ,1999.- 150с.
195. *Цьтин В. прот.* Церковное право: Учебное пособие / Круглый стол по религиозному образованию в Русской Православной Церкви. - М.: Изд. МФТИ, 1994. - 442 с.*икишев А.* Люди и горы // Солдат удачи. - 1999. - № 11. - С. 4-7.
197. *Шавльский Г., протопр.* Воспоминания последнего протопресвитера русской армии и флота: В 2-х т. - Репринт. - М.: Изд. Крутицкого патриаршего подворья, 1996. -(Материалы по истории Церкви: Кн. 11).

193. Шавельский Г., протопр. Православное пастырство / Подг. к изд. Прот. В. Федоров. -СПб.-РХГИ, 1996.-679 с.

199. Шестов Л. Добро в учении гр. Толстого и Ф. Нитше. СПб., 1900. - 209 с.

200. Шкурко В.Н., Дудко Д., свящ. Я - Христианин. //Русский Дом.-1999.-№ 1.-С. 44-45.

201. Швинглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории: В 2-х т. М., 1998.Т. 2.-607 с.